ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

255 ЛЕТ

Вольное экономическое общество России – первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация Европы и мира – основано Указом императрицы Екатерины Великой 11 ноября 1765 года.

В 2020 году Вольному экономическому обществу России исполняется – 255 лет.

ЯНВАРЬ — МАРТ 2020
FREECONOMY.RU
ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА №13

№13 январь — март 2019

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

FREECONOMY.RU

ЖУРНАЛ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

КАК ВОСПИТАТЬ ГЕНИЯ?

HOW TO RAISE A GENIUS?

СТР. 52

ОПТИМИЗМ ЭКОНОМИСТОВ

СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ СТАГНАЦИИ В РОССИИ

RUSSIAN ECONOMISTS ARE POSITIVE ABOUT THE GDP GROWTH

СТР. 12

25 ОСКАРОВСКИХ НОМИНАЦИЙ NETFLIX

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА ВОРВАЛАСЬ В КИНО

NETFLIX'S 25 OSCAR NOMINATIONS DIGITAL ECONOMY TAKES OVER FILM INDUSTRY

СТР. 84

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ НЬЮТОНА

ARTIFICIAL INTELLIGENCE FIRST AFTER NEWTON

СТР. 58

ПРИВЕДЕТ ЛИ КОРОНАВИРУС К КРИЗИСУ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ?

WILL CORONAVIRUS DESTROY GLOBAL ECONOMY?

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM | МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

МАЭФ-2020

20–21

МАЯ 2020 ГОДА

Г. МОСКВА,
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОРГАНИЗАТОРЫ ФОРУМА:

- Вольное экономическое общество России (ВЭО России)
- Российская академия наук (РАН)
- Международный союз экономистов (МСЭ)

Тема МАЭФ:

«Развитие реальной экономики: научные подходы и экспертные решения»

Подробная информация о МАЭФ размещается на сайте ВЭО России www.veorus.ru/maef

АККАУНТЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.facebook.com/MoscowAcademicForum
www.vk.com/moscowacademicforum

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки podpiska.pochta.ru

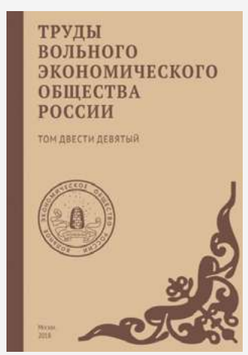
Журнал «Вольная экономика»

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПА008

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей. Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте http://freeconomy.ru

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ



Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

В Научных трудах ВЭО России публикуются материалы круглых столов и конференций ВЭО России, статьи ведущих ученых и специалистов по актуальным проблемам экономики.

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Научные труды ВЭО России представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека»)
www.veorus.ru

SUBSCRIBE TO FREE ECONOMY (FREECONOMY.RU)

Free Economy's index
IN THE CATALOG OF THE RUSSIAN PRESS IS 24513

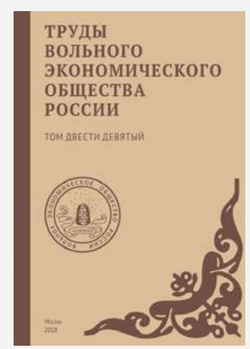
A special place in the media space. An authoritative magazine for authoritative people who make decisions in the economic sphere.

Free Economy is available by subscription at any Russian Federation post office or online at http://vipishi.ru

Interviews, news and analytics published in print version of the magazine as well as numerous additional materials are available at

freeconomy.ru

PROCEEDINGS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA



Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation The Proceedings of the Free Economic Society of Russia have been included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications tasked with publishing main scientific results of candidate's and doctoral dissertations.

The Proceedings of the Free Economic Society of Russia are represented within the Russian science citation index (RSCI) system and the science electronic library, elibrary.ru

The Proceedings of the Free Economic Society of Russia is available by subscription at any post office of the Russian Federation or online, at http://vipishi.ru

The index of The Proceedings of the Free Economic Society of Russia in the Catalog of the Russian Press is 10920

See below for the English version of the article

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Главный редактор

Сергей Дмитриевич БОДРУНОВ
Президент ВЭО России,
президент
Международного союза экономистов,
директор Института нового
индустриального развития
имени С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Журнал издается под патронажем Международного комитета ВЭО России

***Шеф-редактор** Андрей Прокофьев*
***Арт-директор** Егор Морозов*
Контрольный редактор
Наталья Медведенко
Над номером работали
Елена Березина, Сергей Брель,
Кира Камнева, Леонид Кулешов,
Ольга Ремова, Андрей Смирнов,
Алексей Савин, Марина Тальская,
Надежда Толстоухова, Андрей Травин
***Фото:** Shutterstock, если не указано иное*
Издатель и редакция
Общероссийская общественная
организация
«Вольное экономическое общество России»
Адрес: Москва, ул. Тверская, 22а
Редакционный директор
Маргарита Ратникова
Директор по развитию
Анна Бобина
***Телефон:** +7 (495) 609-07-60*
***Электронная почта:** INFO@VEORUS.RU*
***№ 13** (январь — март 2020)*
Зарегистрировано в Роскомнадзоре 01.11.2017
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-71537
Учредитель С. Д. Бодрунов
***Подписано в печать** 15.03.2020*
***Выход в свет** 23.03.2020*
Тираж 3000 экз.
Отпечатано в типографии «ИСПО-принт».
Адрес: Москва, ул. Щипок, 28
16+

Редакционный совет журнала «Вольная экономика»

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ
Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕАК), академик РАН

Р. С. ГРИНБЕРГ
Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

В. И. ГРИШИН
Вице-президент ВЭО России, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, д. э. н., профессор

А. А. САВИН
Заместитель главного редактора «Российской газеты», заслуженный работник культуры Российской Федерации

А. Д. НЕКИПЕЛОВ
Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН

А. Н. КЛЕПАЧ
Член Правления ВЭО России, главный экономист Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ

Ю. В. ЯКУТИН
Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО «Издательский дом “Экономическая газета”», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

М. А. ЭСКИНДАРОВ
Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

Д. Е. СОРОКИН
Вице-президент ВЭО России, руководитель Научного совета ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН

INFORMATION ON THE JOURNAL FREE ECONOMY

Chief Editor:

Sergei Dmitrievich Bodrunov, President of the VEO of Russia, president of the International Union of Economists, director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

The magazine is published under the patronage of the International Committee of the VEO of Russia

***Managing editor:** Andrei Prokofiev*
***Art Director:** Yegor Morozov*
***Corrector:** Natalia Medvedenko*
The issue was made with participation of:
Elena Berezina, Sergey Brel, Kira Kamneva, Leonid Kuleshov, Olga Remova, Alexey Savin, Marina Talskaya, Nadezhda Tolstoukhova, Andrey Travin

***Photos:** Shutterstock, if not stated otherwise*
Publisher and editorial board:
All-Russian non-government organization Free Economic Society of Russia.
Address: 22a Tverskaya Street, Moscow

Editorial Director:
Margarita Ratnikova
Development Director:
Anna Bobina
Telephone: +7(495) 609-07-60
Email: Info@VEORUS.RU
#11 (July-September 2019)
Registered in Roskomnadzor 01.11.2017
Registration Certificate of a Medium of Mass Communication: MI #FS77-71537
Founder: OOO Invest-Consult
Signed off for printing 26.08.2019
Released: 05.09.2019
Print run: 3000
Printed at ISPO-print shop
Address: 28 Shchipok Street, Moscow
16+

Editorial Board

S. Yu. Glaziev
Vice President of the VEO of Russia, head of the Academic Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the RF Government, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

R. S. Grinberg
Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

V. I. Grishin
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Rector of the Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Economics, Professor

A. A. Savin
Deputy Chief Editor of Rossiiskaya Gazeta, honored science worker of the Russian Federation

A. D. Nekipelov
Vice President of the VEO of Russia, director of the Moscow School of Economics of the the Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences

A. N. Klepach
Member of the Board of the VEO of Russia, Chief Economist at Vneshekonombank, Chief of Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management of the Economic Faculty of the Lomonosov Moscow State University, honored economist of the Russian Federation

Yu. V. Yakutin
Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Economic Newspaper Publishing House, honored science worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

M. A. Eskindarov
Vice President of the VEO of Russia, Rector of the Financial University under the RF Government, Academician of the Russian Academy of Education, honored science worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

D. E. Sorokin
Vice President of the VEO of Russia, head of the Academic Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the RF Government, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

See below for the English version of the article

See below for the English version of the article

Колонка редактора

Так ли страшен нам коронавирус?

Уважаемые читатели!

В начале года звучало много алармистских заявлений, в том числе — и в Международном союзе экономистов, где обсуждался целый ряд авторитетных докладов и прогнозов, включая прогноз ООН. Говорили и о черных лебедях, которые могут налететь из разных мест. Называли и американо-китайскую торговую войну, и глобальную закредитованность, и тяжелую ситуацию на Ближнем Востоке. Однако это оказался не лебедь, а неклеточный инфекционный агент, который может воспроизводиться только внутри живых клеток.

Вы поняли, что я — о коронавирусе, который завелся в одной из крупнейших экономик мира, в Китае, и уже привел к немалым глобальным экономическим потрясениям. На биржах — лихорадка, валюты скачут, нефть опустилась ниже самых пессимистических прогнозов, рубль упал вслед за ней, Россия отказалась от сделки ОПЕК+, реакция мировых бирж была, мягко говоря, не самой позитивной.

Большинство прогнозов по поводу того, как далеко пойдет вирус в воздействии на глобальную экономику — пока умеренно оптимистичные. Даже если он пойдет на спад лишь в апреле, негативные тенденции можно будет нивелировать уже в этом году (кстати, читайте большой материал о коронавирусе в этом номере). Верить ли этим прогнозам? Или готовиться к новому кризису?

Будет плохо, если позитивные изменения в экономике России прекратятся, а оправдают это коронавирусом. Раньше мы встречали подобные ситуации. Не хотелось бы, чтобы наметившиеся серьезные сдвиги в экономической политике пострадали. Справедливо отметил член-корреспондент РАН Александр Широв на одной из наших встреч: «Мы последние пять-семь лет себя постоянно чем-то пугали: то какими-то избыточными санкциями, то мировым финансово-экономическим кризисом, и из-за этого мы потеряли довольно много возможностей для того, чтобы расти».

В этом смысле, пожалуй, стоит довериться нашему президенту, который на встрече с инвесторами 11 марта заявил следующее: «Надеюсь — я вчера, выступая в Думе, тоже упомянул об этом, — даже не надеюсь, а уверен: Россия пройдет этот турбулентный период достойно, спокойно. Задача правительства и Центрального банка — сделать так, чтобы всякие негативные явления, связанные с этими процессами, были минимизированы, чтобы граждане Российской Федерации не почувствовали на себе никаких негативных явлений, с этим связанных».

Сдержать данное слово главе государства, полагаю, поможет и внесение поправок в Конституцию. Многое в этих поправках направлено на решение назревших жизненно важных вопросов, будет способствовать повышению устойчивости экономики, укреплению нашего суверенитета, социальных и идеологических скреп российского общества. «Очевидно, от внесения поправок в основной закон страны увеличится социальная защищенность населения, как следствие — его мотивация на труд и производительность труда», — отметил один из экспертов в ходе обсуждения поправок в Координационном клубе ВЭО России.

И это — не просто очевидный экономический результат. Важнее, на мой взгляд, другое — повышение уровня доверия в обществе. Ведь именно доверие — сегодня, пожалуй, один из главных неэкономических факторов экономического развития.

Сергей Бодрунов
Главный редактор
журнала «Вольная экономика»

Editorial

SHOULD WE BE AFRAID OF CORONAVIRUS?

Dear readers:

Quite a few alarmist statements were made at the beginning of the year, particularly at the events held by the International Union of Economists where a number of authoritative reports and forecasts were discussed, including the UN forecast. Black swans that could fly in from different parts of the world were also discussed. Mention was made of the US-Chinese trade war, global debt, and the difficult situation in the Middle East. However, instead of a swan, we encountered a non-cellular contagious agent that can reproduced only inside living cells.

As you well understand I'm speaking about coronavirus, which made its appearance in one of the world's largest economies, in China, and already caused considerable global economic shocks. Stock exchanges are in turmoil, currencies seesaw, oil prices dropped below the most pessimistic forecasts, the ruble plummeted in their wake, Russia rejected the OPEC + deal, the reaction of the global stock exchanges was, to put it mildly, far from positive.

Most predictions on the extent of the impact the virus will have on the global economy have been moderately optimistic so far. Even if it won't abate until April, it will still be possible to neutralize the negative trends this year (by the way, see more about coronavirus in this issue). Are those forecasts to be believed? Or should we prepare for a new crisis?

It will be bad if the positive changes in the Russian economy stop and if coronavirus is cited as an excuse. We encountered similar situations before. I would hate it if the proposed serious shifts in economic policy suffered. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Alexander Shirov rightly noted at one of our meetings: "For the last five to seven years we have been constantly scaring ourselves with something, be it excessive sanctions or a global financial and economic crisis; because of that we have lost many opportunities for growth."

In this situation, we'd better have trust in our president, who stated at the meeting with investors on March 11: "I hope (I also mentioned it yesterday, when I spoke before the Duma,), and not just hope, I'm confident: Russia will pass this turbulent period calmly and with dignity. The task of the government and the Central Bank is to make sure that all negative phenomena associated with those processes are minimized, so that the citizens of the Russian Federation do not feel any negative phenomena associated with them."

I believe the amendment of the Constitution will help the head of state to keep his word. Many of the amendments are aimed at solving pressing issues, and will help to increase the stability of the economy, strengthen our sovereignty and the social and ideological bonds of Russian society. "Obviously, as a result of the amendment of the country's fundamental law the population will feel more socially secure and, therefore, will be better motivated to work and to increase labor productivity," one of the experts said during the discussion of the amendments at the Coordination Club of the VEO of Russia.

It's not just about economic results. It's more important to increase the society's level of trust. Indeed, trust today is, perhaps, one of the key non-economic factors of economic development.

Sergey Bodrunov
Editor-in-chief
The Free Economy Journal

содержание

12 Убьёт ли вирус мировую экономику?

16 Кризиса ждали, но сделать ничего не могли
BRING ON THE STORM?

24 Экономисты видят свет в тоннеле экономики России

30 Финансисты придумали новый индекс

36 Всё вокруг шеринговое — всё вокруг моё

40 Экслибрис «ВЭ»: что читать по экономике

42 Что у нас с прямыми иностранными инвестициями?

46 Фронтмен номера: Джозеф Стиглиц. Капитализм должен меняться

52 Как воспитать человека для будущего
REGULATION IS IMPORTANT FOR MAN, AS IT IS FOR THE ECONOMY.

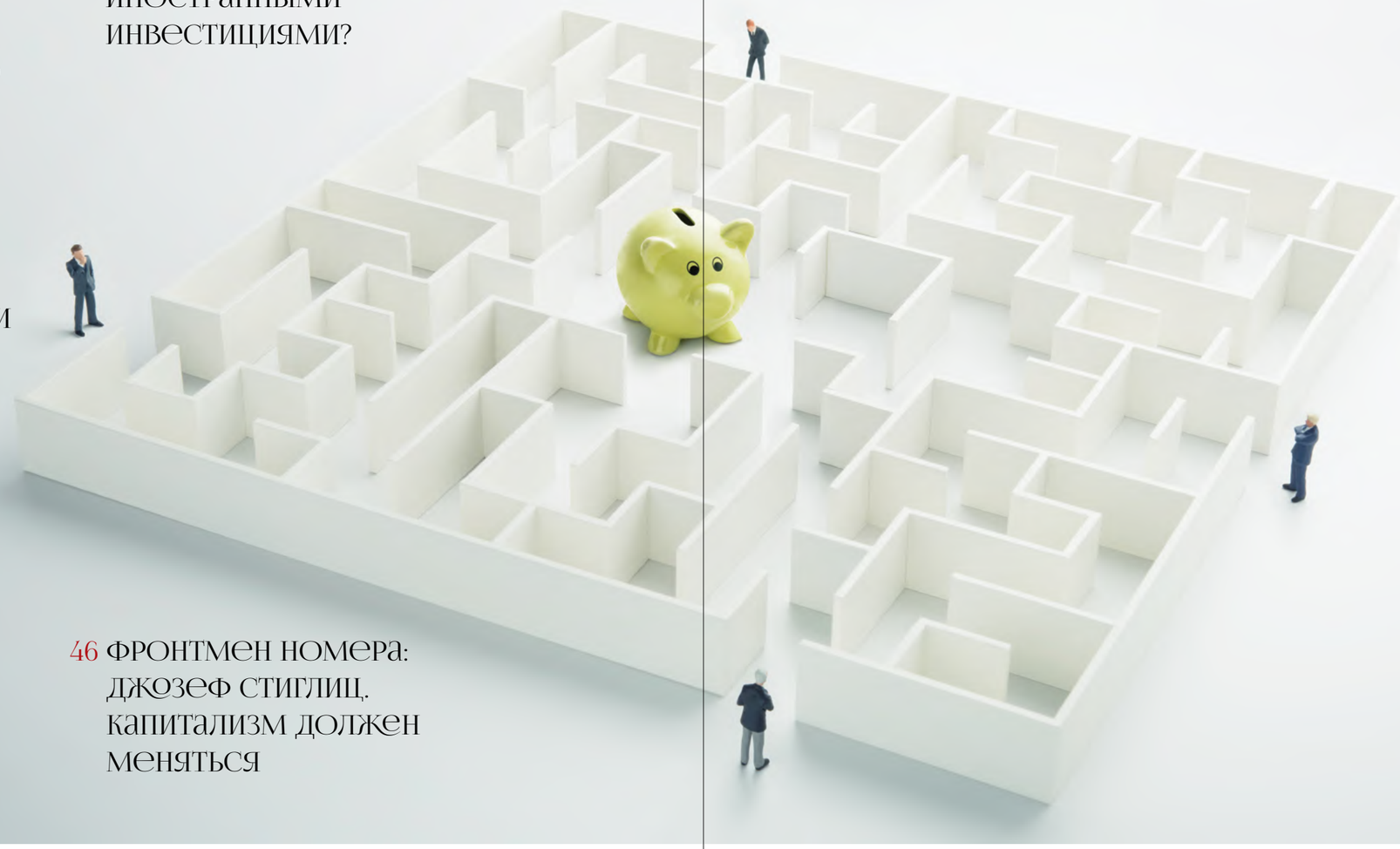
58 Контрвью: Искусственный интеллект — основа технологий будущего?
ARTIFICIAL INTELLIGENCE IS THE BASIS OF THE NEW ECONOMY?

78 А короче БАМ: России нужны магистрали на Восток

84 Цифровизация кино

88 Календарь истории экономики

92 Петр Струве — внук звездочёта и член ВЭО России



Главная тема: грозит ли нам глобальный кризис?

РЫНКИ ПОДХВАТИЛИ ВИРУС

Как эпидемия коронавируса влияет на мировую экономику.

КОНСАЛТИНГОВАЯ КОМПАНИЯ CAPITAL ECONOMICS снизила свой прогноз ежегодного роста ВВП Китая в первом квартале 2020 года с 5,5 до 3%.

ПРОГНОЗЫ И КОММЕНТАРИИ

Вспышка коронавируса сократит рост мировой экономики в 2020 году на 0,5 процентных пункта — с 2,9 до 2,4% , прогнозирует Организация стран экономического сотрудничества (ОЭСР). Однако только в том случае, если пик эпидемии в Китае удастся пройти до конца марта, а распространение заболевания в других странах получится сдержать, говорится в специальном докладе ОЭСР. Пока не удается, и итоговые цифры могут оказаться другими.

В случае расползания вируса по всему Азиатско-Тихоокеанскому региону, Европе и Северной Америке мировая экономика может потерять уже 1,5 процентных пункта, то есть вместо 2,9% это будет в два раза меньше. Если говорить простым экономическим языком, это — катастрофа. На этом фоне крупнейшие финансовые регуляторы мира — ФРС, ЕЦБ, Банк Англии и Банк Японии уже сообщили о готовности принять меры по стабилизации финансовых рынков и, возможно, скоординировать свои усилия по поддержке экономики.

В случае расползания вируса по всему Азиатско-Тихоокеанскому региону, Европе и Северной Америке мировая экономика может потерять уже 1,5 процентных пункта, то есть вместо 2,9% это будет в два раза меньше. Если говорить простым экономическим языком, это — катастрофа.

Базовый прогноз по росту китайской экономики экономисты организации сократили почти на процент — 0,8 процентных пункта — до 4,9%. Это будет худший показатель для Китая за последние 30 лет. «Ограничения на передвижение внутри страны, продленные новогодние каникулы на фабриках, закрытие розничных магазинов и туристических мест окажут значительное влияние на экономику Китая, — отмечает Майкл Тейлор, главный экономист ACCA. — Потребительские расходы, которые сейчас являются ключевым двигателем экономического роста, будут очень небольшими в первые месяцы этого года».

Консалтинговая компания Capital Economics снизила свой прогноз ежегодного роста ВВП Китая в первом квартале 2020 года с 5,5 до 3%.

«Вспышка коронавируса быстро переросла в значительный глобальный экономический риск. Подобные потрясения, как правило, оказывают временное воздействие на экономическую активность, которая затем быстро восстанавливается после окончания кризиса. Так было, например, с атипичной пневмонией в 2003 году, — напоминает Майкл Тейлор. — В настоящее время экономика Китая столкнулась с очень серьезными проблемами в связи с эпидемией коронавируса. Закрытие заводов и ограничения на передвижение вполне могут полностью затормозить экономику в первом квартале этого года. Однако при условии, что в ближайшее время вирус будет взят под контроль, можно ожидать, что активность довольно быстро вернется в течение года. А вот если кризисная ситуация затянется, это может привести к постоянному снижению темпов экономического роста в Китае, в частности, при значительном сокращении рабочих мест будут падать доверие потребителей и траты».

Аналитики Capital Economics прогнозируют, что мировая экономика потеряет 280 миллиардов долларов только в первом квартале 2020 года. А по оценкам Reuters, мировая экономика уже потеряла из-за коронавируса 5 триллионов долларов. Отдельные эксперты напоминают об эпидемии атипичной пневмонии (SARS), случившейся в Китае в 2003-м, когда последствия для мировой экономики были гораздо скромнее. Однако сегодня экономика Китая намного больше влияет на мировую, чем это было 17 лет назад.

«Доля Китая в мировом ВВП и экспорте товаров примерно удвоилась за этот период, достигнув 19 и 13% соответственно, и сейчас Китай играет жизненно важную роль во многих глобальных цепочках поставок. (Провинция Хубэй, источник вируса, является важным регионом для производственно-сбытовых цепочек.) Таким образом, потенциал воздействия коронавируса на мировую экономику гораздо выше, чем 15 или 20 лет назад. Это уже ощущается на нефтяном рынке, где цены упали на 20% с начала января, отражая позицию Китая как крупнейшего потребителя нефти в мире», — констатирует Майк Тэйлор.

ЧТО УЖЕ ПРОИСХОДИТ

К середине февраля количество полетов из китайских аэропортов упало на 87%, серьезно сжалась туристическая отрасль (причем как китайская, которая не ждет гостей, так и других стран, где китайских туристов уже не ждут), упал спрос на сырье. Громадное значение Китая для рынка нефти уже привело к тому, что цены на нем упали на 20% с начала января.

Главная тема: грозит ли нам глобальный кризис?

Средняя цена нефти Urals в феврале составила 54 доллара за баррель. Котировки Brent и WTI кружат около 50–52 долларов и 45–48 долларов соответственно. Основной надеждой рынка оставалась встреча ОПЕК+ в начале марта, но, как известно, договоренность не была достигнута, никакого дополнительного сокращения добычи не произошло, никаких масштабных мер, о которых шла речь, принято не было, Россия вышла из соглашения, и нефть пошла вниз дальше.

Мировые рынки акций семь недель подряд находились под давлением распродаж, так как основные американские индексы вступили в период коррекции, опустившись более чем на 13% за последнюю неделю на фоне роста опасений по поводу распространения эпидемии коронавируса по всему миру и ее негативного влияния на мировой экономический рост, отмечают аналитики Альфа-банка. Мировые рынки акций показали самую слабую динамику с момента финансового кризиса 2008 года.

«Распространение коронавируса в мире спровоцировало коррекцию, которая перешла в распродажи, и сейчас новости корпораций, макростатистика не так интересуют инвесторов, как возможные заявления монетарных властей по поддержке рынка», — полагает Альберт Короев, эксперт по фондовому рынку «БКС Брокер».

Глава ФРС США Джером Пауэлл уже выступил с заявлением о готовности приступить к мерам поддержки экономики. Министры финансов стран G7 в первой декаде марта обсудили координацию действий по ограничению влияния вспышки коронавируса на экономический рост. И это сразу добавило оптимизма рынкам и экономикам.

Российский рынок также лихорадит. Нестабильны как индексы, так и цены рублевых облигаций. «Основной причиной падения котировок рублевых облигаций стало снижение аппетита к риску на глобальных рынках и падение котировок нефти на фоне роста опасений замедления мировой экономики. Быстрое распространение коронавируса за пределами Китая и обусловленное этим фактором замедление деловой активности вызывает сильную озабоченность инвесторов. Дополнительное давление на российский рынок оказало усиление конфронтации на границе Сирии и Турции», — считает Дмитрий Монастыршин, главный аналитик Управления аналитики и стратегического маркетинга Промсвязьбанка.

Прогноз по России ОЭСР также снизила, причем сразу на 0,4 процентных пункта — до 1,2%. Замедление мирового экономического роста чревато для России прежде всего снижением цен на нефть, газ и металлы.

Федеральная резервная система (ФРС) США досрочно снизила базовую ставку из-за коронавируса в диапазоне с 1,5–1,75 до 1–1,25%. Фундаментально экономика США остается сильной, однако коронавирус создает риски для экономической активности, сообщается в релизе. Чтобы в свете этих рисков поддержать цель по максимальной занятости и ценовую стабильность, ФРС США решила понизить базовую ставку. «Регулятор внимательно следит за событиями и их последствиями для экономических перспектив и будет использовать свои инструменты и действовать в зависимости от обстоятельств для поддержки экономики», — отмечается в релизе ФРС. Плановое заседание ФРС (обычно о корректировке монетарной политики сообщается только по его итогам) должно пройти 17–18 марта.

Заявления российских властей

Влияние коронавируса на экономику оказалось глубже первоначальных ожиданий, с учетом этого Минэкономразвития пересмотрит подготовленный в январе макропрогноз и к 9 апреля внесет его в правительство, сообщил министр экономического развития Максим Решетников на заседании Комитета Госдумы по бюджету и налогам.

Прогноз исходил из того, что экономика Китая начнет восстанавливаться уже к концу первого квартала, объяснил министр. При этом по его словам, «любые последствия распространения коронавируса будут иметь временный характер, и какая бы ситуация или настроения ни складывались, все равно в конечном итоге мы выйдем на тот экономический цикл, который предполагали».

В Банке России также полагают, что значимым риском для прогноза по росту ВВП России остается ослабление внешнего спроса на фоне возможного замедления роста мировой экономики в связи с распространением коронавируса и другими факторами. В своем аналитическом прогнозе за январь 2020 года ЦБ оценивает прирост ВВП страны в 2020 году в 1,5–2%, однако агрессивное распространение вируса может поменять эту картину.

ПРОГНОЗ ПО РОССИИ ОЭСР снизила сразу на 0,4 процентных пункта — до 1,2%. Замедление мирового экономического роста чревато для России прежде всего снижением цен на нефть, газ и металлы.

Как влияли на экономику эпидемии

Коронавирус 2019-nCoV может иметь для мировой экономики более серьезные последствия, чем рецессия 2008–2009 годов, предупреждают в агентстве Moody s. И уж тем более, чем вспышка атипичной пневмонии (SARS) в 2003 году, когда купировать болезнь удалось в течение двух месяцев, а рост ВВП Китая восстановился в течение квартала, хотя последствия эпидемии ощущались в течение года.

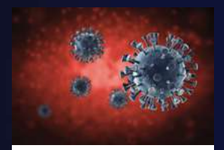
Юстинианова чума (от имени византийского императора Юстиниана) охватила весь цивилизованный мир того времени в 540–550-е годы и убила от 25 млн до 100 млн человек. Главным экономическим последствием эпидемии стал сначала резкий рост цен на зерно, а потом не менее масштабное его падение в результате снижения спроса. Вслед за этим упали налоговые поступления, девальвировалась монета, а рабочая сила подорожала. За 150 лет империя потеряла более половины своей территории.

Чума («Черная смерть») убила в 1347–1351 годах в Европе 69 млн человек. В результате эпидемии резко подорожало опять же зерно — на 150–300%, а также выросла стоимость рабочей силы. Но если цены на зерно упали через 20–30 лет, то человеческий капитал продолжил дорожать еще целое столетие.

Грипп-испанка в 1918–1919 годах нанес мировой экономике наиболее ощутимый урон. Заражены оказались 0,5 млрд человек, из них умер каждый десятый. По различным оценкам, мир тогда потерял более 6,5% ВВП. Зато масштабная смертность опять-таки привела к росту доходов оставшихся в живых.

Атипичная пневмония оказалась не так страшна, как мерещилась изначально. Число погибших не превысило и тысячи человек, а экономика Китая потеряла всего 2% роста в одном квартале. Тем не менее косвенный ущерб мировой экономики оценивался тогда в 30–100 млрд долларов.

Автор: Елена Березина



Срочно в номер

Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку коронавируса пандемией. Как прогнозирует Международный валютный фонд (МВФ), распространение COVID-2019 приведет к значительным последствиям для мировой экономики и окажет негативное влияние на спрос и предложение.

«Коронавирус имеет весьма глубокие последствия для мировой экономики уже сейчас и потенциально может иметь более серьезные последствия для мировой экономики. Это в целом набор некоторых признаков возможной глобальной экономической рецессии, которая может быть где-то на горизонте»,— заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков.

Из-за вируса уже серьезно ограничено авиасообщение между странами, а многие представители туристической отрасли находятся на грани банкротства. По словам министра финансов РФ Антона Силуанова, только Россия теряет около миллиарда рублей в день от снижения товарооборота с Китаем из-за коронавируса.

COVID-2019 серьезно обострил ситуацию и на сырьевом рынке. 9 марта на фоне распада ОПЕК+ и распространения коронавируса рухнули цены на нефть, котировки снижались более чем на 30%, позднее нефть немного наверстала упущенное, но опасения сохраняются. Из-за закрытия производств, перехода на удаленную работу и сокращения транспортного сообщения потребление нефти падает и прогнозы пока в основном пессимистичные.

See below for the English version of the article

ПУСТЬ СКОРЕЕ ГРЯНЕТ БУРЯ?

Риторика докладов самых авторитетных международных экономических центров все больше напоминает революционные манифесты и памфлеты о необходимости перемен.

ТРЕВОЖНЫЙ СИНДРОМ

Сгущающиеся облака, приближающаяся буря — почти как в стихотворениях в прозе Горького — но эти «революционные» словосочетания звучали в прогнозных докладах крупнейших мировых финансовых институтов. И доклад Всемирного банка, и прогнозы МВФ, и доклад «Мировое экономическое положение и перспективы» Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, а также доклады частных банков, в частности, Bank of America и Merrill Lynch не видят непосредственных признаков кризиса, но чувствуют что-то неладное в экономической атмосфере. Это неладное они чувствовали еще до того, как черный лебедь по имени коронавирус взмахнул крылами сначала над Поднебесной, а затем и над всей мировой экономикой. (Подробно о последствиях коронавируса — в следующем материале.)

Как отметил ведущий эксперт Центра политических технологий Никита Масленников, год начался «с раздвоения глобального общественного экономического сознания». «Одни, особенно финаналитики, говорят, что спад закончился в 2019 году, глобальный PMI (индекс деловой активности) в октябре был 50,8 пункта, а в декабре — уже 51,7. Все замечательно. Плюс американцы с китайцами договорились по поводу первой фазы торговой сделки, поэтому 2020 год у нас

See below for the English version of the article

Главная тема: грозит ли нам глобальный кризис?

будет на гребне оптимизма. И, собственно, последний доклад, только что изготовленный Bank of America и Merrill Lynch, указывает, что оптимисты обыграли пессимистов со счетом +36%, в декабре таких было +29%. То есть на 36% больше респондентов из портфельных управляющих считают, что глобальная экономика в 2020 году будет уверенно и устойчиво расти, кризис нам не страшен, наплевать и забыть, все это от лукавого», — отметил эксперт.

Тем не менее есть и другая точка зрения, которая также основана на цифрах, но уже больше связана с реальной экономикой, чем с финансами. PwC, одна из большой четверки консалтинговых компаний, представила на Давосском форуме результаты опроса 1600 представителей департаментов продаж из крупных мировых компаний 83 стран: 53% респондентов считают, что глобальная экономика будет замедляться. Та часть, которая считает, что экономика будет расти, сократилась за год с 42 до 22%. Кстати, именно Pricewaterhouse запустила в международный оборот понятие «слоубализация» — всеобщее замедление мировой экономики.

Приведенные цифры ничем не лучше позиций 2008 года, и этот риск совершенно материален, он может взорваться в любой момент, считает Масленников.

Руководитель Центра социально-экономических исследований Российского института стратегических исследований Владимир Миловидов, д. э. н., полагает, что нет смысла говорить об ухудшении, так как все и так плохо.

«О каком экономическом ухудшении можно говорить, если мы по существу сегодня находимся в ситуации, когда все центральные банки практически всех стран мира проводят количественное смягчение? Количественное смягчение проводится в ситуации кризисного, рецессионного характера, когда по существу экономика не растет. Значит, сегодня многие банки и центральные банки не оценивают экономического роста в мире и продолжают накачивать деньги в экономику. В Европе отрицательные процентные ставки, количество вливания денег в мировую экономику измеряется триллионами. И возникает вопрос, который я бы хотел поставить на будущее: какого экономического кризиса мы ждем? Классического, который мы знаем из истории, или какого-то другого? Последний кризис в 2007–2008 году показал, что триггером экономических проблем становятся финансовые кризисы. Финансовый кризис становится выражением экономических кризисов. И если сегодня финансовый рынок находится в состоянии оптимизма… Я думаю, что к концу 2020-го мы будем иметь 30 тысяч пунктов по Доу-Джонсу, но это отнюдь не говорит о том, что эко-

КРИЗИС ПРОСТЫХ РЕШЕНИЙ

Дмитрий Белоусов,
руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, к. э. н.

То, что мы видим в мире и у нас, — это, я бы сказал, кризис простых решений. Мы привыкли обсуждать глобализацию или регионализацию, но у нас происходит регионализация производства, регионализация в научно-технологической сфере при том, что никакой регионализации финансов не произошло. Мировая финансовая система как была глобальной, так глобальной и осталась, и находится в разительном противоречии с натуральной регионализацией производства, которая действительно идет. Вопрос — насколько эта ситуация спонтанна, насколько она управляется и не превратится ли в неизбежный циклический кризис, как было недавно, в высоковероятный структурный кризис, как в 70-е годы, который, в общем-то, судя по всему, хотят синженерить авторы глобальных докладов, которые высказывают мысль: «Давайте перестроим структуру экономики». Структурная перестройка экономики 70-х годов — ну, например, закрытие угольной отрасли. Мы говорим красивые слова — и люди просто натурально остаются без штанов. Либо все это приведет к кризису норм и правил. Первую мировую войну уже упоминали, только новые нормы и правила встали после Второй. Ровно та же история и с кампанией против изменения климата, потому что то, что мы хотим увидеть средством стимулирования развития, легко может стать средством управления отсталостью. Так что на самом деле главный кризис — это, скорее, кризис простых решений, который мы наблюдаем.

В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ ПРОИЗОШЕЛ СЛОМ: ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МЫ ПЕРЕШЛИ К РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

номика растет эффективными темпами. И поэтому вот эта оценка была бы очень важна для того, чтобы в дальнейшем оценивать перспективы», — отметил Миловидов.

ДОКЛАД ООН

Документ «Мировое экономическое положение и перспективы» Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (DESA) был презентован в Москве в Доме экономиста при поддержке ВЭО России и Международного союза экономистов. Там нам удалось собрать мнения видных экономистов, которые сотрудничают с этими авторитетными организациями. Как в самом начале отметил директор информационного центра ООН в Москве Владимир Кузнецов, анализ — довольно пессимистичный: с самых первых строк, с самых первых абзацев он пронизан озабоченностью с точки зрения перспектив развития мировой экономики в будущем году и в среднесрочной перспективе. Делается вывод, что если негативные факторы сохранятся, то достичь 17 целей устойчивого развития ООН не представится возможным в полной мере.

Дмитрий Белоусов (представитель известной династии экономистов) — презентер доклада, выделил основные риски, которые положили специалисты ООН в основу исследования.

После завершения волны мирового кризиса мировые экономики разогнались, но сейчас начинается период их торможения, причем это торможение имеет не формальный характер, это не циклическое замедление. Оно сопровождается накоплением структурных и финансовых проблем, которые сопровождали экономический рост в очень долгосрочной перспективе. Сюда же накладываются последствия американо-китайской торговой войны (а теперь еще — и коронавируса).

Второй существенный момент — это военные конфликты, в частности, кризис на Среднем Востоке.

Третий узел — это проблема закредитованности ряда стран и того, что ряд стран находится на границе серьезной финансовой катастрофы. Кризис закредитованности в недавнее время ударил по Латинской Америке, все мы помним аргентинские проблемы; ударил по Турции. Нельзя не отметить, что, несмотря на высокие темпы экономического роста, кроме торговых войн важным ограничителем для Китая выступает та самая закредитованность, борьба с которой и будет вести к постепенному замедлению экономики Китая с 6,1 до 5,9% последовательно в год. Проблема в том, что от закредитованности и торговых войн страдает примерно одна и та же группа стран. Соответственно, есть высокий риск того, что эти страны втолкнут нас всех в новый мировой кризис в силу взаимосвязанности цепочки.

Еще одна сфера риска — финансовый рынок и процентная политика стимулирования роста в развитых странах, в первую очередь в Соединенных Штатах. Тут ситуация чуть менее острая, хотя, в принципе, она тоже может создать проблемы нам всем.

Отсюда вывод: базовый прогноз ООН — 2,5% на 2020 год с дальнейшим ускорением, но только при условии, что все эти факторы риска будут нейтрализованы. Если же достичь баланса не удастся, то мировой рост может составить 1,8%.

Существенным моментом доклада является заостренное внимание на проблемах изменения климата. Бесспорным является тот факт, что климат Земли теплеет, чем бы ни был вызван этот процесс. Вклад человечества в него, несомненно, есть, и, видимо, увеличивается вместе с ростом эмиссии парникового газа, вместе с ростом транспорта. Акцент на зеленой революции, акцент на безуглеродной экономике ими видится как способ одновременно простимулировать развитие развивающихся стран за счет развитых, потому что основные выбросы от энергетики, промышленности и транспорта делают все-таки развитые и богатые нефтяные страны, а развивающиеся страны выбрасывают гораздо меньше. И это повод обложить дополнительным налогом, дополнительными ограничениями наиболее развитые страны и как-то простимулировать рост развивающихся. С другой стороны, ООН беспокоится за то, что, если технологические и экологические сдвиги пойдут ускоренными темпами, то инвестиции, которые делаются по-прежнему в разработку углеводородов, окажутся обесцененными и соответствующие страны могут стать зоной кризиса.

СЛОМ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

По мнению заместителя директора ИНП РАН, члена-корреспондента РАН Александра Широва, подобные жесткие прогнозы и тяжелые дискуссии, в том числе и на Давосском форуме, происходят, поскольку в мировой экономике произошел определенный слом: от глобализации, которая перманентно развивалась, мы перешли в стадию регионализации. И эта регионализация поддерживается, с одной стороны, высокотехнологичной реиндустриализацией в развитых странах, а с другой стороны, тем, что Китай избрал экспансионистскую модель, которая основывается не на расширении предложения, а на расширении спроса на продукцию, производящуюся в Китае. Действительно, это означает, что темпы роста в отдельных крупнейших странах мировой экономики будут сжиматься, то есть диапазон разрыва показателей темпов роста будет меньше, и, собственно, в этом состоит вся проблема: как будем жить?

«Это будет возможно через 10–15 лет. Но если мы говорим про экономику 2020 года, то, на наш взгляд, те события, которые произошли после подписания сделки между Китаем и Соединенными Штатами, должны сильно сократить этот алармистский напор. Потому что все то, что мы видим, свидетельствует о том, что, с одной стороны, опережающие индикаторы развития Европейского Союза, Китая, и Соединенных Штатов как минимум говорят о сохранении текущих темпов роста, они, скорее, даже свидетельствуют о некотором ускорении экономического роста во второй половине 2020 года. С другой стороны, эта история с торгово-экономическим конфликтом между США и Китаем, по нашим оценкам, вычла не один и не два процентных пункта из мировой экономики в 2019 году, а до 0,5». Профессор Широв делал оценки еще до разгула паники, связанной с коронавирусом (об этом читайте далее).

С тем, что в мировой экономике происходит слом, согласны многие видные экономисты, в том числе президент ВЭО России профессор Сергей Бодрунов, в исследованиях которого этот слом особенно артикулирован и связан со сменой технологического и даже цивилизационного уклада. С Шировым согласен и Александр Аузан, декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, член Экономического совета при Президенте РФ. По его словам, перелом тренда глобализации очевиден.

Автор: Константин Маркелов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Дмитрий Сорокин,
вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

Если почитать доклады до 2009 года, то там речь идет о том, «какое светлое будущее всех ожидает». После 2009 года авторы такого рода докладов соревнуются, кто предскажет еще более серьезный кризис. И вообще, такое ощущение, что все они следуют известной строчке Владимира Высоцкого про этих ученых: «То тарелками пугают, то у них собаки лают, то руины говорят». У нас этого нет, у нас идет спокойная оценка. Но вот что меня немножко встревожило и тревожит в последнее время. Естественно, мы рассматриваем перспективы роста под углом зрения интересов нашей страны. Оценки нашего роста — 2%, кто-то говорит — 2,3%, 1%, 1,5%, 2%.

И меня не оставляет воспоминание. 1 января 2013 года правительство, принимая основные направления до 2018 года, записало расчеты Института народнохозяйственного прогнозирования прямо в преамбулу документа. Я цитирую дословно: «Чтобы обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны, меньше 3% нам нельзя. 2–3% — это критический уровень, при котором не удастся сбалансировать экономическую и социальную составляющие экономического роста». А дальше говорится, что для стабильного развития необходим рост в 5%.

И вот то, что мы сейчас находимся в цифрах 1,5–2? Мы что, отказываемся от той позиции, что меньше 3% нельзя, потому тогда нам не удастся обеспечить простое воспроизводство? Так тогда при чем тут мировая экономика? Я опять сошлюсь на доклад. В свое время мы объясняли наше замедление — любимый термин был: «Ловушка новой нормальности», — потом «ловушка средних доходов». Теперь что у нас еще будет?

А речь идет о том, что было сказано: наши нынешние темпы, простите, порождены прежде всего нашей внутренней ситуацией — кризисом доверия к проводимой экономической политике. Потому что, если у меня нет доверия к проводимой экономической политике, я здесь инвестировать не буду. То есть, иначе говоря, нам надо избегать соблазна объяснять наши проблемы внешними причинами.

BRING ON THE STORM?

The rhetoric of the reports of the most authoritative international economic centers is becoming more and more reminiscent of revolutionary manifestos and pamphlets about the need for change.

ANXIETY SYNDROME

Thickening clouds, an approaching storm — almost like Maxim Groky's poems in prose — but those "revolutionary" phrases appeared in the reports of the world's largest financial institutions. The World Bank report, the IMF forecasts, and the UN World Economic and Social Outlook report, as well as other reports from private banks, in particular the Bank of America and Merrill Lynch, indicate no immediate signs of a crisis but they feel something is amiss in the economic atmosphere. They felt something was wrong even before the black swan named coronavirus spread its wings, first over the Celestial Empire, and then over the entire world economy. (See next article for more information on coronavirus effects).

According to Nikita Maslennikov, a leading expert at the Center for Political Technologies, the year began "with a split in global public economic consciousness". "Some people, especially financiers, say that the recession ended in 2019, the global PMI (business activity index) was 50.8 points in October, and 51.7 points in December. Everything is great. Plus, the Americans and the Chinese agreed on the first phase of the trade deal, so 2020 looks quite optimistic. And, in fact, the latest report issued recently by the Bank of America and Merrill Lynch indicates that optimists beat pessimists with a score of + 36%, that score having been +29 in December. That is, 36% more respondents from among portfolio managers believe that the global economy will grow steadily in 2020, there's no need to be afraid of the crisis, it's not worth worrying about," the expert noted.

However, there is another point of view which is also based on numbers but is related more to the real economy than finance. PwC, one of the big four consulting companies, presented at the Davos forum a survey of 1,600 representatives of sales departments from large global companies in 83 countries: 53% of the respondents believe that the global economy will slow down. The percentage of those who believe that the economy will grow, declined from 42% to 22% over the year. By the way, it was Pricewaterhouse that launched the concept of "slobalization" internationally, meaning a general slowdown in the global economy.

The figures quoted are no better than the 2008 positions, and this risk is completely palpable, it can materialize any moment, Maslennikov believes.

The head of the Center for Social and Economic Research of the Russian Institute for Strategic Studies Vladimir Milovidov, Doctor of Economics, believes there is no sense in talking about deterioration since everything is bad as it is.

"What economic deterioration can we talk about if we are essentially in a situation where all central banks of almost all countries of the world are carrying out quantitative easing? Quantitative easing is carried out in a crisis, recessionary situation, when, in essence, there's no economic growth. It means that today many banks and central banks do not evaluate the economic growth in the world and continue to pump money into the economy. In Europe, there are negative interest rates, and the amount of money injected into the world economy is measured in trillions. There is a question I would like to pose for the future: what economic crisis are we waiting for? A classical one we know from history, or some other? The latest 2007-2008 crisis showed that financial crises are becoming triggers for economic problems. The financial crisis is becoming a manifestation of the economic crisis. And if today the financial market is in a state of optimism ... I think that by the end of 2020 we will have Dow Jones in 30,000, but this does not mean that the economy is growing at a sufficient pace. Therefore, such an assessment would be very important for further evaluating the prospects, " Milovidov said.

322%
GLOBAL DEBT

310%
CHINA'S DEBT

102%
US DEBT

ANOTHER RISK AREA IS THE FINANCIAL MARKET AND THE INTEREST RATE POLICY FOR STIMULATING GROWTH IN THE DEVELOPED COUTRIES.

See below for the English version of the article

CRISIS OF SIMPLE DECISIONS

Dmitry Belousov,
Head of the Department of Analysis and Forecasting of Macroeconomic Processes of the Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting, Ph.D.

What we see both at home and abroad is, I would say, a crisis of simple solutions. Because, in fact, we are used to discuss globalization or regionalization, but, excuse me, we are having regionalization of production, regionalization in the scientific and technological sphere despite the fact that no regionalization of finance has occurred.

The world's financial system was global before and remains global now which is in stark contrast with the natural regionalization of production that is really gaining momentum. The question is how spontaneous this situation is, has it been engineered, and whether it will turn into an inevitable cyclical crisis, as it happened recently, or into a highly probable structural crisis like in the 1970s, which the authors of the global reports apparently wish to engineer: "Let's rebuild the structure of the economy." The structural adjustment of the economy in the 70s, for example, the shutdown of the coal industry. It's a bitter story because we say the words and people are simply left without a penny. Or, alternatively, all of this will lead to a crisis of rules and regulations. The World War One has already been mentioned, but after World War Two new norms and rules arose. The story is exactly the same as with climate change, because what we want to see as a means of stimulating development can easily become a means of managing backwardness. In fact, the main crisis we are witnessing is a crisis of simple solutions.

A KIND OF BREAKDOWN OCCURED IN THE GLOBAL ECONOMY: IT MOVED ON TO THE REGIONALIZATION.

120 TRILLION GLOBAL AGGREGATE BONDS	**68 TRILLION** ASSETS OF LARGE BANKS
648 TRILLION DERIVATIVES	**6 TRILLION** TIER 1 CAPITAL OF LARGE BANKS

THE UN REPORT

The document entitled "World Economic Situation and Prospects" of the UN Department of Economic and Social Affairs (DESA) was presented in Moscow at the House of Economists with the support of the VEO of Russia and the International Union of Economists. We managed to collect the opinions of prominent economists who work together with those reputable organizations. As Vladimir Kuznetsov, Director of the UN Information Center in Moscow, noted at the beginning, the analysis is rather pessimistic: from the very first lines, from the very first paragraphs, it is permeated with concern from the point of view of the prospects for the development of the world economy in the following year and the medium term. It is concluded that if the negative factors persist, it will not be possible to fully achieve the 17 goals of the UN sustainable development.

Dmitry Belousov (a representative of the famous dynasty of economists), who was the rapporteur, highlighted the main risks which the UN experts had placed at the heart of the study.

After the end of the wave of the global crisis, world economies accelerated but now a slowdown has begun, and this slowdown is not superficial, it is not a cyclical slowdown. It is accompanied by an accumulation of structural and financial problems that went in step with economic growth in the very long run. The consequences of the US-Chinese trade war (and now also the coronavirus) can also be added here.

The second significant point is military conflicts, in particular, the Middle East crisis.

The third point is the problem of debt burden in a number of countries and the fact that a number of countries are on the verge of a serious financial catastrophe. The credit crisis recently hit Latin America, we all remember the Argentine problems; it hit Turkey as well. It should be noted that despite the high economic growth rates, in addition to trade wars, the debt burden is an important limitation for China, combating it will lead to a gradual slowdown of the Chinese economy, from 6.1% to 5.9% year on year. The problem is that the countries that suffer from both debt and trade wars are almost the same Accordingly, there is a high risk that those countries will shove us into a new world crisis due to the interconnectedness of the chain.

Another risk area is the financial market and the interest rate policy for stimulating growth in developed countries, primarily in the United States. Here the situation is a little less critical, although, in principle, it can also create problems for all of us.

Hence the conclusion: the UN basic forecast is 2.5% for 2020 with further acceleration, but only on condition that all those risk factors are neutralized. If we are unable to strike a balance, then global growth might be 1.8%.

An important point in the report is its focus on climate change issues. It is indisputable that the Earth's climate is getting warmer, no matter what the cause is. The contribution of mankind to the process is undoubtedly increasing along with greenhouse gas emissions and transport growth. The emphasis is on the green revolution, the emphasis is on the carbon-free economy as a way to simultaneously stimulate the growth of developing countries at the expense of developed ones, because emissions from the energy sector, from industry and transport originated in developed and rich oil countries, while developing countries emit much less. Therefore, this is an occasion to impose an additional tax, impose additional restrictions on the most developed countries and somehow stimulate the growth of developing countries, especially since those developing countries supply metals for the production of solar panels, materials for the production of batteries, etc. On the other hand, it's clear that the UN is worried that if technological and environmental changes should occur at an accelerated pace, the investments that are still being made in hydrocarbon development will turn out to be worthless and, in such event the corresponding countries might turn into a crisis zone.

BREAKDOWN OF THE GLOBAL ECONOMY

According to Alexander Shirov, Deputy Director of the Institute of Industrial Sciences of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, such pessimistic forecasts and difficult discussions, including at the Davos forum, take place because a kind of breakdown occurred in the global economy. From the stage of gradual development of globalization, the world economy moved on to the stage of regionalization. Moreover, the regionalization is supported, on the one hand, by re-industrialization in the developed countries based on the high-tech sector, and on the other hand, by China choosing an expansion model based not on expanding supply but on expanding demand for products that are produced in China. And this, too, is a limitation of sorts. Indeed, this means that the growth rates in some of the world's largest countries will decline, i.e. the growth rate gap will become smaller, and this is the whole problem: how will we live?

"It will be possible in 10-15 years. But if we are looking at the economic situation in 2020, which we have discussed today, then, in our opinion, the events that occurred after the signing of the deal between China and the United States should significantly ease this alarmist pressure. Because everything we see suggests that, on the one hand, from the main development indicators for the European Union, China, and the United States it is clear that the current growth rate is at least being maintained, and on the other hand, even some acceleration of economic growth is noticeable in the second half of 2020. On the other hand, the trade and economic conflict between the United States and China, according to our estimates, is responsible for the shrinkage of the world economy in 2019 by 0.5 percentage points, not by 1 or 2." Professor Shirov made those assessments even before the outbreak of the panic associated with coronavirus (see below).

Many prominent economists, including the president of the VEO of Russia, Professor Sergey Bodrunov, whose studies highlight the breakdown and associate it with the changes in the technological and civilizational mode, agree that the global economy is being dismantled. Alexander Auzan, Dean of the Faculty of Economics of Moscow State University, member of the Economic Council under the President of the Russian Federation, agrees with Professor Shirov. According to him, the turning point in the globalization trend is obvious.

Author: Konstantin Markelov

SPECIAL OPINION

Dmitry Sorokin,
Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

If you read the reports from before 2009, you will see "what a bright future is in store for everyone"; after 2009, the authors of such reports seem to compete over who predicts the most serious crisis. In general, it seems that they all follow the well-known line by Vladimir Vysotsky about scientists: "They scare us with UFOs, with barking dogs, with speaking ruins," and every one of them makes a contribution. We are not like that, we just calmly make our assessments. But, frankly, I have been a little bit concerned lately. Naturally, we consider such things from the perspective of the interests of this country. Russia's growth is estimated at 2%, or 2.3%, 1%, 1.5%, 2% depending on the source.

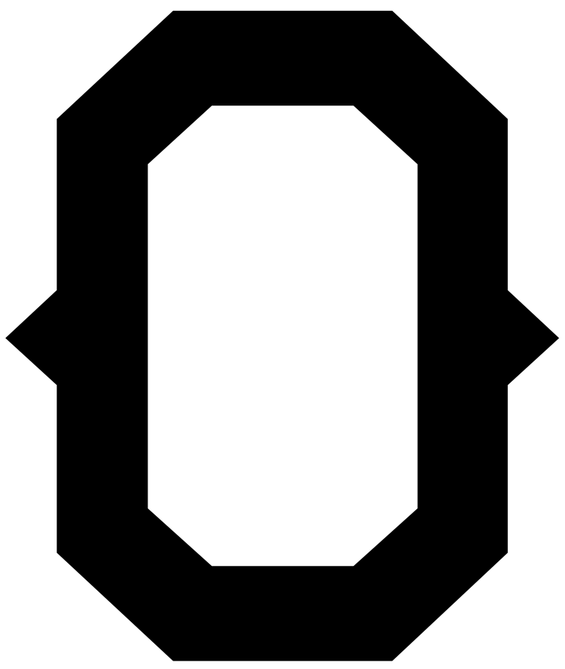
There's one thing I keep recalling. On January 1, 2013, the government, while adopting the main guidelines for the period until 2018, inserted that statement of the Institute of Economic Forecasting directly into the preamble of the document. I quote verbatim: "In order to ensure the country's sustainable social and economic development, we can't have a growth rate below 3%. 2–3% is a critical level at which it will not be possible to balance the economic and social components of economic growth." And then the document says that 5% is needed for a sustainable development.

And the fact that we currently have 1.5–2%? Are we rejecting the statement that we can't let growth rate fall below 3% because otherwise we will not be able to ensure simple reproduction? Then what does the global economy have to do with it? I will cite the report once again. At one time, we explained our slowdown by saying, "Ah, well, a new theory, a new normality trap," and then, "A middle income trap". What else do we have to say?

And the correct explanation was as follows: our growth rate was primarily due to our domestic situation and the crisis of trust in the current economic policy. If I'm not confident about the current economic policy, I will never invest in a place where there is a crisis of trust. In other words, we need to avoid the temptation to explain our problems by external causes.

Большинство экономистов оптимистично смотрят на развитие экономики

В начале марта в «Российской газете» прошел очередной Совет экспертов, который рассматривает самые актуальные вопросы экономики. В этот раз в центре внимания участников Совета — виднейших российских экономистов — оказались нацпроекты, положение на международных рынках, потрясения, связанные с коронавирусом и многое другое. Но, конечно, дискуссия этим не ограничилась.



О чем спор?

Профессор Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России, президент Международного союза экономистов, напомнил некоторые цифры, от которых стоило бы отталкиваться.

— Эти цифры говорят о том, что пока национальные проекты того эффекта, которого мы от них ожидаем, не приносят. Но национальные проекты появились не зря — они стали реакцией как раз на такую картину развития нашей экономики. И, на мой взгляд, это попытка после достижения макроэкономической стабильности создать инструмент, который должен активировать рост. И в планах правительства, насколько я понимаю, — выйти на показатели более трех процентов роста ВВП при улучшении его качества и повышения уровня жизни населения, — отметил профессор Бодрунов.

При этом, конечно, придется делать скидку на всемирные процессы, например, такие, как эффект коронавируса. В любом случае мы должны двигаться к цели 4–5% роста ВВП, и сейчас ВЭО России вместе с Академией наук готовит предложения, рецепты, чтобы этого добиться.

Некоторые цифры статистики

1,3% — рост ВВП в 2019 году

2,7% — увеличение добавленной стоимости добывающих производств, из них:
- **10,6%** — рост добычи газа и газового конденсата
- **9,2%** — рост добычи цветных металлов

1,6% — увеличение добавленной стоимости перерабатывающих производств, из них:
- **2,7%** — рост производства пищевых продуктов, напитков и табачных изделий
- **2,7%** — рост производства химических веществ и продуктов
- **8,7%** — рост производства готовых металлических изделий
- **18,6%** — рост производства лекарственных средств

9,7% — рост финансовой и страховой деятельности

1,8% (около двух триллионов рублей) — профицит бюджета

2,4% — рост расходов на конечное потребление

с 10 до 7,7% — сократилась доля чистого экспорта

0,8% — рост реальных доходов (но они все еще на 6,4% ниже уровня 2014 года)

Член-корреспондент РАН Александр Широв, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН также обратил внимание на статистику, и, на его взгляд, она свидетельствует, скорее, о том, что нацпроекты заработали, правда, судя по всему, в основном в четвертом квартале года.

Рост, который мы имеем, — 1,3 процента — выше ожиданий экспертов, которые были в начале года. Это в некотором смысле результат удивительный, потому что по четвертый квартал ожидали гораздо худшего. Отчасти, видимо, с этим связано то, что произошли определенные кадровые перестановки. Была попытка действовать примерно теми же способами, что и в предыдущие годы. Попытка была не вполне эффективной. Теперь стоит задача, чтобы с учетом накопленного опыта, с учетом накопленных ошибок те деньги, которые все-таки там выделены, существенные деньги, потратить более эффективно.

В целом, по мнению Широва, если прямо отвечать на вопрос, будут ли нацпроекты драйвером, то ответ — да. Но это меньше одного процентного пункта. То есть это драйвер, который целиком вытащить экономику из той ситуации, в которую мы попали в последние пять-семь лет, не сможет.

Но мы сейчас получили еще один дополнительный де-факто национальный проект — решение президента по борьбе с бедностью, на это будет потрачено 300–500 миллиардов рублей за год. Эти деньги должны дополнительно прибавить порядка 0,3–0,4 процента ВВП в год. То есть итоговый вклад будет больше процента, а это уже много. Это практически половина того роста, который мы считаем инерционным. А если серьезные действия будут поддержаны бизнесом, то тогда можно говорить о выходе на темпы роста 3 процента — это уже будет вполне приемлемый результат.

Академик Порфирьев добавил, что нацпроекты имеют очень важный психологический эффект (не зря одна из недавних нобелевских премий по экономике была вручена за исследования по психологии экономического поведения).

— Сама идея национальных проектов, уже далеко не новая, не предполагала их как некоторую панацею, самодостаточное средство, что вот эти национальные проекты порознь или вместе таким волшебным образом, как барон Мюнхгаузен, вытащат себя из болота. Президент подчеркивал, что он их рассматривал как некоторые импульсы. Это первое. И второе. Я не случайно упомянул психологию. Тогда президент сказал, что хотел бы немножко подтолкнуть наших лиц, принимающих решение, разбудить, чтобы как-то все оживилось и люди почувствовали реальную ответственность. Сейчас она действительно закреплена — национальная ответственность за национальные планы.

Одно из условий, которое упомянул Борис Порфирьев: национальные проекты не только должны исполняться в полной мере, но еще очень важна увязка между ними. В качестве примера он привел несвязность близких проектов: нацпроекта «Экология» и федеральных проектов «Чистый воздух» и «Чистая вода» (в частности, что касается защиты озера Байкал).

— Надо понять очень простую вещь. Само по себе сокращение на четверть объема выбросов ничего не говорит про то, какое качество воздуха вы в итоге будете иметь, потому что качество воздуха характеризуется концентрациями и другими показателями. Нужно увеличивать количество показателей качества, прежде всего, окружающей среды. В данном случае — воздуха с тем, чтобы оценить конечный эффект влияния данного федерального проекта. А главное, конечный результат — это здоровье населения, качество жизни. Здесь очень ярко проявляется пока отсутствие этой главной цели. Будем надеяться, это будет как-то исправляться: появится интеграция данного национального проекта с другими национальными проектами, потому что само по себе решение этих задач по отдельности не обеспечит подъема качества жизни и т. д. Достаточно посмотреть на Красноярск, где по-прежнему в этом году был эффект так называемого серого неба. Без перехода теплоэнергетики на газ там практически ничего не удастся решить. Эта проблема так и будет из года в год висеть. Та же история и с коммунальными отходами.

Есть ли у нас всеобъемлющая экономическая программа?

Как отметил академик Порфирьев, теоретически у нас есть экономическая программа: и бюджетная, и нацпроекты, и госпрограммы, есть даже стратегия социально-экономического развития. Другой вопрос: в каком она сейчас состоянии пребывает? Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН этим документом занимается на постоянной основе.

Академик Виктор Викторович Ивантер, который недавно ушел из этого мира, любил задавать неожиданные вопросы, в частности, такой: а есть ли у нас экономическая политика? Денежно-кредитная есть, бюджетно-налоговая есть. А есть ли экономическая? И ответ на этот вопрос тесно связан с тем, есть ли у нас всеобъемлющая комплексная программа действия? Выясняется, что при попытке определить: есть ли у нас какая-то комплексная реальная экономическая политика, ответ здесь, скорее, такой вот неопределенный, отметил Борис Порфирьев.

Александр Широв добавил, что у нас есть указ президента, который заменяет собой стратегическое целеполагание. С одной стороны, может быть, это и плохо. С другой стороны, если не было внятного взгляда на то, как должна развиваться экономика, это способ управления экономикой. Под эти цели сформированы нацпроекты. Они должны действовать так, чтобы каким-то образом сделать структуру экономики более однородной, чтобы меньше было бы этих дисбалансов, которые нас всех раздражают, которые препятствуют нормальному развитию.

Той стратегии, как это понимается в науке, у нас в целом нет. И это не проблема того, что никто ее не хочет изобретать, а проблема в том, что взгляд на экономику так быстро меняется у наших экономических властей, что просто не успеваем, отметил Широв.

Дмитрий Евгеньевич Сорокин, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, в этой связи напомнил о документе, который был утвержден в 2008 году и до сих пор, по идее, действует. И это не что иное, как именно «Концепция социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года». Были и другие долгосрочные программы, долгосрочные целеполагания и стратегии, выработанные как долгосрочные, и результат, как отмечает всегда академик Аганбегян — стагнация.

Мы с вами скоро, 22 декабря этого года, будем отмечать столетие со дня принятия Восьмым чрезвычайным съездом Советов первого в истории XX века национального проекта — плана ГОЭЛРО. Этот проект... Тут было сказано, что он был именно посвящен прорыву... Майский указ, который лежит в основе национальных проектов, начинается со слов: в целях прорыва России в новое качество. Все знают, что такое для России 1920 год, еще Гражданская война не кончилась. До 1922 года она шла официально у нас. И в этих условиях был принят, рассчитан он был на 10–15 лет. К 1935 году, 15 лет прошло, показатели плана ГОЭЛРО в целом были превзойдены в три раза от намеченных. Поэтому давайте рассматривать национальные проекты именно как задачу преодоления той ситуации, в которую попала страна. Меня в этом смысле смущают не только темпы ВВП. Сверхзадача — это поднять производительность на базе структурной перестройки экономики. Потому что при той структуре экономики, которая есть, поднять производительность невозможно.

Надежда на новое правительство

Александр Широв напомнил, что главными авторами концепции долгосрочного развития были Андрей Клепач, главный экономист ВЭБ, и Андрей Белоусов, нынешний вице-премьер. Это было еще во время их работы в Минэкономразвития.

«Мне кажется, что люди с таким техническим взглядом на экономику сейчас получили права и ответственность, и это в некотором роде большой плюс. Просто на самом деле они видят больше, дальше и лучше. У них взгляд стратегический по сравнению с теми людьми, которые до этого сидели на этих местах и у которых была задача все-таки именно стабилизировать экономику, создать вот эту базу, на которой мы должны дальше поехать», — подчеркнул Широв.

По мнению Широва, у нас в экономике — сложная ситуация. Многие не замечают, но в прошлом году впервые получили отрицательную динамику экспорта. До сих пор мы считали, что экспорт сильно поддерживает нашу экономику, за счет этого мы можем расти. Но, видимо, этот фактор в ближайшее время будет исключен. Тем более если мы говорим про инвестиции, то инвестиции — это импорт. Задача, как сбалансировать между собой российский экспорт и импорт, становится одной из ключевых. И там у нас есть серьезные ограничения для маневра, поэтому и были накоплены эти огромные резервы, которые можно будет использовать для того, чтобы компенсировать дисбалансы во внешней торговле. Более того, если сейчас ситуация с коронавирусом будет продолжаться, то потребность в этих ресурсах будет еще больше.

«Очень не хотелось бы, чтобы наша экономическая политика пострадала в результате опасений. Мы последние пять-семь себя чем-то пугали: то какими-то избыточными санкциями, то мировым финансово-экономическим кризисом. В этих всех историях мы потеряли довольно много возможностей для того, чтобы расти», — отметил Широв.

Что с наукой?

Учитывая, что все участники круглого стола — ученые, должное внимание было уделено и развитию науки. Эксперты отметили, что, во-первых, есть специальный проект, во-вторых, так или иначе наука неким образом подразумевается и в других национальных проектах. Возникает вопрос: достаточно ли этого? Достаточно ли самой науки как таковой?

«На мой взгляд, нет, — отвечает академик Порфирьев. — Почему? Потому что, поскольку у нас есть такое замечательное слово, как драйвер экономического роста, одним из главных драйверов экономического роста в мировой экономике, у наших, как это принято их называть, мировых партнеров является так называемая экономика знаний. Куда помимо науки входят и образование,

здравоохранение, и ОКРы, и т. д. В этом смысле, когда мы посмотрим на перечень национальных проектов, смычки, синергии не увидим. Опять-таки необходимо либо, как у военных говорят, комплексирование национальных проектов с текущими нашими программами, которые уже осуществляются. Либо в каких-то ситуациях, о чем говорил Сергей Дмитриевич, необходим уровень национального проекта и национальный комплексный план».

По мнению Порфирьева, обеспечение синергического эффекта и образование сегмента экономики знаний, который у нас пока дает где-то порядка 13–14 процентов всего — по сравнению с нашими конкурентами, мы в два с половиной раза проигрываем. Это очень серьезная задача. Нам нужно те же НИОКР увеличивать минимум в два раза, при этом есть прямые указания президента на этот счет, которые, по мнению ученого, проигнорированы и не выполнены, и указ 2012 года не выполнен. В образовании тоже нужно почти в два раза — с 4 до 7 процентов от ВВП надо поднимать.

Эксперты считают, что это — прямой канал возможного воздействия на ключевые направления развития в рамках этих национальных проектов. За последние два-три года возник разрыв между экспертным сообществом, людьми, принимающими решения, но и обществом. Потому что, с одной стороны, есть некоторый дефицит идей относительно того, как может называться экономика в этих тяжелых условиях, в условиях существенных ограничений. С другой стороны, во власти есть большое количество людей, которые думают, что они действительно понимают ситуацию лучше, чем какие-то экспертные академии. Этот разрыв существует, и с ним надо что-то делать. Он препятствует в том числе созданию той самой стратегии экономического развития, потому что нет прямого диалога между экспертным сообществом, бизнесом, государством и обществом. И отсюда возникает естественным образом проблема.

И, по словам профессора Бодрунова, целью нового МАЭФ будет и попытка решить эту серьезную проблему.

Поможет ли изменение Конституции экономике?

4 марта в Доме Экономиста состоялась 25-я экспертная сессия Координационного клуба Вольного экономического общества России на тему: «Поправки в Конституцию РФ: оценка экономического эффекта».

Председатель Федерации независимых профсоюзов России, член рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Михаил Шмаков отдельно остановился на поправках в 75-ю статью Конституции, фиксирующих социальные обязательства государства перед населением. «В случае принятия поправок в Конституции будет установлена гарантия минимального размера оплаты труда (МРОТ) не менее прожиточного минимума, — отметил Михаил Шмаков, — с учетом того, что в рамках действующего законодательства мы обязаны пересмотреть методику определения прожиточного минимума, это будет действенный механизм, который повлечет за собой увеличение заработной платы». Вместе с доходами населения увеличится и платежеспособный спрос населения, который сегодня, как известно, является одним из основных драйверов экономического роста, отметил эксперт.

Руководитель Департамента страхования и экономики социальной сферы Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор Александр Цыганов обратил внимание на то, что МРОТ не меньше прожиточного минимума увеличит стоимость человеческой жизни, что, в свою очередь, приведет к развитию страховой и других смежных отраслей российской экономики. «Обязательства, которые будут нести государство и "причинитель" вреда, оцениваются исходя из показателя прожиточного минимума, сознательно занижавшегося в 90-е годы, — заявил эксперт, — возможность выше оценивать человеческую жизнь позволит развиваться тем институтам, которые завязаны на эту оценку, в частности, это страхование».

Михаил Шмаков также остановился на дополнении в статью 114 Конституции, суть которой сводится к тому, что государство должно содействовать в реализации принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых отношений. Эксперт отметил, что эта поправка позволит развивать систему социального партнерства в стране: «Скажу без ложной скромности, российская система социального партнерства, заложенная 27 лет назад, сегодня лучшая в мире. Во главе соцпартнерства стоит Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений. Сегодня такие трехсторонние комиссии эффективно работают в каждом регионе России».

«Очевидно, от внесения поправок в основной закон страны увеличится социальная защищенность населения, как следствие его мотивация на труд и производительность труда, но это пока в теории, — отметил Игорь Николаев, — надеюсь, будущий экономический эффект перекроет те 180 млрд рублей, которые мы потеряем в результате дополнительного выходного дня».

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ Дмитрий Сорокин напомнил, что основной драйвер экономического роста — это технический прогресс и высокая производительность труда, а низкая оплата труда и бедность препятствуют техническому прогрессу. В России же доходы населения в 2020 году остаются на уровне 2011 года. Эксперт отметил, что вектор конституционных изменений — верный, «в них есть понимание, что основная задача сегодня — преодолеть бедность, без этого роста быть не может».

С этим согласился член Президиума ВЭО России, заместитель научного руководителя ЦЭМИ РАН Георгий Клейнер: «Не нужно бороться с бедностью как с явлением, нужно больше платить. Сейчас, к сожалению, разрыв в зарплатах превосходит все мыслимые границы — есть несправедливость, глухое недоверие друг к другу и к государству, и те инициативы, которые содержатся в поправках к Конституции, направлены на преодоление этих тенденций. Профессор Преображенский говорил: "Не нужно бороться с разрухой, нужно подметать", — напомнил ученый. — Основной недостаток российской экономики и социума — это разобщенность. Очень сильна дифференциация между регионами, отраслями, зарплатами, и в целом между населением и государством, и одна из конституционных задач — преодолеть эту разобщенность».

Сопредседатель «Деловой России» Антон Данилов-Данильян обратился к теме инвестиций, которые у нас в стране «не идут». Согласно опросам предпринимателей, основные причины, по которым бизнес опасается вкладывать деньги в экономику, — это неопределенность экономической политики, давление правоохранительных органов и несовершенство налоговой системы. Силовое давление — один из ключевых факторов, мешающих развитию бизнеса в России, и статья Конституции 55 пункт 3, по мнению эксперта, дает силовикам «все карты в руки». «Наше многочисленное правоохранительное сословие интерпретирует это "как в своих собственных законных интересах", тем самым ограничивая в рамках статьи 55 наши права и свободы», — заявил Антон Данилов-Данильян.

Подводя итог экспертной сессии, президент ВЭО России Сергей Бодрунов отметил, что по ее итогам будет сформировано экспертное заключение, и отметил, что принятие поправок в Конституцию будет способствовать росту уровня благосостояния россиян и решению проблемы бедности в стране, а также повышению уровня доверия, которое, как известно, является неэкономическим фактором экономического роста.

ХИТРЫЙ ИНДЕКС

Капитализм собирается расти за счет бедных?

Главная тема юбилейного 50-го Всемирного экономического форума (ВЭФ), прошедшего в Давосе с 21 по 24 января, в манифесте мероприятия была определена как «формирование капитализма для всех заинтересованных сторон». Одной из центральных проблем, обсуждаемой респектабельными участниками мероприятия, которое язвительно называют форумом миллиардеров, стала проблема усугубляющегося расслоения общества, социального неравенства.

В качестве инструмента для замера уровней провала и потенциала общественного социального развития был представлен — при поддержке Евразийского института конкурентоспособности (ECI) и консалтинговой компании Strategy Partners — Глобальный индекс социальной мобильности (The Global Social Mobility). Среди 82 оцененных в исследовании стран Россия оказалась на 39-м месте.

ПРОВАЛЫ И ПОТЕНЦИАЛ В ЦИФРАХ

В докладе, сопровождающем Глобальный индекс, красноречиво иллюстрируется масштаб сформировавшегося к сегодняшнему моменту социального расслоения общества. Так, в ключевых развитых и развивающихся странах в среднем доход 10% граждан в 3,5 раза выше, чем у 40% остальных.

При этом авторы исследования пришли к выводу, что выравнивание социальных возможностей способно устранить не только дисбалансы гуманитарного характера, но и может иметь вполне прикладное значение для экономического роста. Так, увеличение вследствие разрешения социальных проблем Глобального индекса на 1 п. п. в год способно обеспечить рост мировой экономики на 0,44%.

ЧТО ИЗМЕРЯЕТ ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Уточним, что слово «мобильность» в контексте исследования подразумевает не миграцию населения, а работу социальных лифтов: насколько доступно для человека, родившегося в малообеспеченной среде, преодоление отягчающих социальных обстоятельств и продвижение к более высокому уровню потребления, к более высокому социальному статусу.

Авторы выделяют 10 компонентов в пяти основных сферах, задающих социальную динамику.

Первая сфера — закономерно, здравоохранение.

Вторая — образование. Она включает три компонента: его доступность, его качество с точки зрения равенства возможностей при выходе на рынок труда, а также состояние системы непрерывного образования и обучения взрослых.

Третья — доступность информационно-коммуникационных технологий.

В четвертой оцениваются три компонента рынка труда: возможности на нем, условия работы и уровень оплаты (с оценками справедливости).

Пятая сфера оценивает два компонента общестрановой среды: содержание и объем государственной соцподдержки и вовлеченность граждан в деятельность институтов государства и общества.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (SOCIAL MOBILITY INDEX)

Место	Страна	Количество баллов
1	Дания	85,2
2	Норвегия	83,6
3	Финляндия	83,6
4	Швеция	83,5
5	Исландия	82,7
6	Нидерланды	82,4
7	Швейцария	82,1
8	Австрия	80,1
9	Бельгия	80,1
10	Люксембург	79,8
11	Германия	78,8
12	Франция	76,7
13	Словения	76,4
14	Канада	76,1
15	Япония	76,1
16	Австралия	75,1
17	Мальта	75
18	Ирландия	75
19	Чехия	74,7
20	Сингапур	74,6
21	Великобритания	74,4
22	Новая Зеландия	74,3
23	Эстония	73,5
24	Португалия	72
25	Южная Корея	71,4
26	Литва	70,5
27	США	70,4
28	Испания	70
29	Кипр	69,4
30	Польша	69,1
31	Латвия	69
32	Словакия	68,5
33	Израиль	68,1
34	Италия	67,4
35	Уругвай	67,1
36	Хорватия	66,7
37	Венгрия	65,8

Место	Страна	Количество баллов
38	Казахстан	64,8
39	Россия	64,7
40	Болгария	63,8
41	Сербия	63,8
42	Румыния	63,1
43	Малайзия	62
44	Коста-Рика	61,6
45	Китай	61,5
46	Украина	61,2
47	Чили	60,3
48	Греция	59,8
49	Молдавия	59,6
50	Вьетнам	57,8
51	Аргентина	57,3
52	Саудовская Аравия	57,1
53	Грузия	55,6
54	Албания	55,6
55	Таиланд	55,4
56	Армения	53,9
57	Эквадор	53,9
58	Мексика	52,6
59	Шри-Ланка	52,3
60	Бразилия	52,1
61	Филиппины	51,7
62	Тунис	51,7
63	Панама	51,4
64	Турция	51,3
65	Колумбия	50,3
66	Перу	49,9
67	Индонезия	49,3
68	Сальвадор	47,4
69	Парагвай	46,8
70	Гана	45,5
71	Египет	44,8
72	Лаос	43,8
74	Гондурас	43,5
75	Гватемала	43,5
76	Индия	42,7
77	ЮАР	41,4
78	Бангладеш	40,2
79	Пакистан	36,7
80	Камерун	36
81	Сенегал	36
82	34,5	

Источник: World Economic Forum, The Social Mobility Report 2020

Что показал глобальный индекс

Каждый из 10 компонентов оценивался по 100-балльной системе, затем выводилась сводная оценка.

Отметим, что максимально возможных ста баллов не набрала ни одна из стран. Но в топ-10 лидеров рейтинга ожидаемо попали скандинавские страны, страны Бенилюкс, Швейцария, Австрия, Сингапур. Возглавила список Дания (85,2 балла).

Германия и Франция в первую десятку не попали, но возглавили вторую. Германия оказалась на 11-м месте с результатом 78,8, Франция — на 12-м (76,7). Примечательно, что ни Великобритания, ни США не вошли даже в топ-20. Соединенное Королевство открыло список третьей десятки (21-е место с результатом 74,4). А Соединенные Штаты оказались на 27-й позиции (70,4), пропустив вперед Эстонию (73,5) и Литву (70,5).

В хвосте списка также ожидаемо оказались Пакистан (36,7), Камерун и Сенегал (по 36 баллов). Замкнул рейтинг Кот-д'Ивуар (34,5).

Позиции России

Наша страна с общим баллом 64,7 оказалась в середине списка. Насколько эта середина «золотая»?

С одной стороны, Россия опередила всех партнеров по БРИКС: Китай занял 45-е место, Бразилия — 60-е, Индия — 76-е, Южная Африка — 77-е. С другой — пропустила вперед себя некоторых бывших собратьев по Союзу: выше по списку расположились все страны Прибалтики (Эстония — 23-е место, Литва — 26-е, Латвия — 31-е) и Казахстан (38-е). Более высоко оказались оценены и многие страны бывшего соцлагеря: Чехия (19-е), Польша (30-е), Словакия (32-е), Хорватия (36-е) и Венгрия (37-е).

Но это об итогах в общекомандном зачете. По отдельным компонентам индекса наша страна показала более слабые результаты. По такому показателю, как здравоохранение, Россия показала результат ниже сводного — 43-е место, по доступности технологий — 44-е, по масштабам организации непрерывного образования для взрослых — 61-е, а по уровню вовлеченности граждан в деятельность институтов оказалась почти в хвосте, на 76-м месте.

При этом Россия, по мнению авторов Глобального индекса, входит в очень перспективную группу из 10 стран: эффект от устранения социальных дисбалансов в них способен дать наиболее существенную отдачу в виде роста экономики.

Рыночная модель развития зашла в тупик

Глобальный индекс социальной мобильности

Два экономиста, которые внимательно изучили смысл нового индекса в Давосе, поделились своими соображениями с «Вольной экономикой».

Рыночная модель зашла в тупик

Михаил Беляев,
эксперт РИСИ, кандидат экономических наук

Почему вопрос качества жизни людей обострился и был поднят на Давосском Всемирном экономическом форуме именно сейчас? Потому, что экономическое сообщество пришло к заключению, что рыночная модель развития — умышленно не употребляю слово «капитализм» — достигла своего предела, зашла в тупик. При этом классический, привычный показатель успешности развития страны, а значит, и модели — валовой внутренний продукт (ВВП) — стал малоинформативным. Причем уже давно. Пришло понимание, что сам по себе валовой продукт, производимый в стране, даже пересчитанный на душу населения, не полностью отражает уровень жизни людей — ради чего, собственно, и существует экономика в каждой отдельно взятой стране. Сплошь и рядом применительно к развивающимся странам столкнулись с тем, что формально их экономика двигалась вперед неплохими темпами (судя по ВВП), а на жизни простых людей это практически не отражалось. Поэтому и появилась необходимость в создании нового инструментария для измерения социально-экономического прогресса. И в этом качестве был представлен Глобальный индекс социальной мобильности (The Global Social Mobility Report).

В чем проявляется исчерпание рыночной модели? Во-первых, в том, что в течение нескольких последних лет в развитых странах фиксируется поляризация доходов: Увеличение доходов мало зарабатывающих людей отстает от темпов наращивания богатства на другом полюсе. Во-вторых, и это более серьезно, растет разрыв между богатыми и бедными странами: при этом темпы роста валового продукта эту картину не отражают. Так, экономики стран Африки, являющихся наиболее бедными на земном шаре, показывают достаточно высокие темпы роста — 5–7%. Но этот ускоренный рост экономики в целом не трансформируется в улучшение стандартов жизни людей. В той же Африке около 416 млн бедных и, по прогнозам, в ближайшие 10–20 лет 90% всех бедных будут сосредоточены именно там. То есть рост ВВП как таковой не означает улучшения жизни людей.

Экономическое сообщество пришло к мнению, что эта несостыковка — показателей роста валового продукта и качества жизни людей — не является следствием субъективных экономических действий властей отдельных стран, а является свойством, присущим рыночной экономике в принципе. Она устроена таким образом, что предполагает расслоение доходов как между богатыми и, условно, бедными странами, так и внутри самих стран.

Особенно это заметно внутри каждой конкретной страны. Основная масса потребления ложится все-таки на «рядовое» население: у богатых, во-первых, специфическое потребление, и, во-вторых, оно ограничено в силу узости самого класса богатых. А основное производство адресовано как раз основной массе населения — условно говоря, среднему классу и бедным. И если их потребление сокращается, тогда само производство становится бессмысленным, потому что производимые товары нельзя реализовать. И вот здесь — тупик.

Этот дисбаланс можно было терпеть какое-то время, спрос на товары (в промышленно развитых странах) буквально накачивался с помощью маркетинговых ухищрений. Но сейчас это время уже закончилось. Надежда на расширение спроса связывается в том числе с развивающимся миром, но чтобы эти надежды реализовались, необходимо дать возможность населению этих стран зарабатывать. А рыночная экономика, основанная на частной собственности и максимизации прибыли, это сделать не в состоянии. Иными словами, она наткнулась на свои пределы, поэтому этот вопрос и был поставлен в Давосе в качестве основного, который предстоит решить человечеству.

У подобной черты общество стояло в начале XX века. Тогда многие представители прогрессивного социалистского крыла политэкономии об этом говорили, пусть и не в такой радикальной форме, как Маркс. И временно разрешение накопившихся противоречий случилось в результате революции в России, которая в силу специфичности своего развития оказалась тем звеном, где прорвалась их критическая масса. Эта революция позволила провести эксперимент социалистического построения на достаточно значительной части земного шара — в России и странах соцлагеря. А страны, которые остались в рамках рыночной экономики, увидев реальность реализации социалистической революции, осознали, что если они не будут решать эти противоречия внутренними силами государства, то могут получить то же самое.

Поэтому они пошли на беспрецедентные социальные уступки рабочему классу — это и ограничение продолжительности рабочего времени, и отпуска, и пенсионное обеспечение, и много чего другого. Стали появляться модели «шведского социализма», развиваться социалистические компоненты в Германии, Франции, других странах.

И это позволило строю просуществовать еще почти сто лет. До того момента, когда у нас не исчерпалась социалистическая модель и не произошел обратный разворот к рыночной экономике. Но как только оказался убран этот социалистический противовес, подвижки в социальную сторону на Западе тоже прекратились. С тех пор прошло 30 лет, и прежние противоречия вновь обострились. И они должны решаться сейчас.

Чтобы понять, как выходить из этого тупика, какую модель развития взять на вооружение, надо опираться на какие-то показатели, которые давали бы представление о том, движемся ли мы в нужном направлении или нет. Если мы будем ориентироваться только на внутренний продукт, как делали это раньше, мы не сможем понять, решаются или не решаются эти проблемы.

Глобальный индекс социальной мобильности вполне может стать информативным ориентиром. Слово «мобильность» не должно вводить в заблуждение: в данном случае оно употребляется не в смысле передвижения людей с места на место, а в смысле социального прогресса. Оценивается социальная подвижность: насколько социально-экономическая ситуация сдвигается в позитивную сторону и насколько она вообще в данной стране способна к такому движению.

Возникает закономерный вопрос: желание наблюдать эту картину обусловлено гуманитарными соображениями или в большей степени озабоченностью рынками сбыта, которые подразумевают наличие платежеспособного спроса? Конечно, рыночной экономике никакая гуманитарная компонента не свойственна (хотя нельзя исключать, что определенная часть людей в этой модели уже достигла некоего уровня гуманитарной просвещенности). Но если эта модель, вернее, верхние слои этого общества, хотят продолжить свое существование, они вынуждены ориентироваться на социальные индикаторы. Само общество достигло такой черты, которая требует трансформации именно в гуманитарно-социальную сторону, а для этого нужно как минимум отслеживать, насколько продвигается население в доступе к материальным благам.

И с этой точки зрения авторы Глобального индекса выделяют очень логичные компоненты. Так, итоговый индекс строится на основе таких показателей как равный доступ к образованию (акцент на слове «равный»): именно это открывает двери к получению более квалифицированной работы и, соответственно, более высоких заработков. Это уже шаг от нищеты к цивилизованному уровню потребления. Но за этой дверью, оказывается, есть еще одна дверь — возможность трудоустройства. Дальше уже идет оценка справедливости заработной платы, уровня социальной защищенности. А в совокупности все показатели индекса показывают зрелость общества и его движение к более высоким стандартам.

Как всякий измеритель, такого рода индекс имеет прежде всего академическую ценность. Но его можно использовать и как рабочий инструмент: он позволяет видеть, в какой стране по какой компоненте «недобор». Следующим шагом может стать выработка — на международном уровне — неких стандартов и рекомендаций. Но сколько бы рекомендаций ни прозвучало, в конечном счете все будет зависеть от политической воли национальных правительств — готовы ли они менять внутренние настройки, вектор экономической политики и устранять недоработки прежних времен с тем, чтобы улучшить качество жизни граждан.

ИНДЕКС ИМЕЕТ АКАДЕМИЧЕСКУЮ ЦЕННОСТЬ, И ПРИ ПОМОЩИ ЕГО МОЖНО СМОТРЕТЬ, ГДЕ "НЕДОБОР"

РАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ — НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Никита Масленников,
ведущий эксперт Центра политических технологий

Замысел предназначения Глобального индекса социальной мобильности емко определил исполнительный директор форума Клаус Шваб: это — подсказка лицам, принимающим политические решения, бизнес-лидерам и прочим стейкхолдерам в формировании социоэкономических стратегий в эру четвертой промышленной революции.

О чем идет речь? О состоянии социальных лифтов в современном мире. При этом надежность и добротность их работы понимается как способность экономики и общества обеспечивать условия, чтобы каждое новое поколение жило лучше и в целом было успешнее, чем предыдущее. В этом корни теории и практики социального государства как своего рода глобальной институциональной ценности. Но именно эта реальность в новейшей истории обнаруживает очевидные признаки эрозии в социально-экономическом неравенстве, нарастающем по всем азимутам.

Причем процесс этот все более явно придает популистский окрас политическим решениям. Феномен Дональда Трампа, Brexit, «желтые жилеты» во Франции — лишь самые яркие примеры реализации такого рода рисков. Но сколько их еще впереди, пока сохраняются под ними фундаментальные основы?

Классическая макроэкономика с традиционными измерителями перемен в структуре ВВП и т. п. в ответе на вопрос о пределах прочности таких fundamentals сталкивается с немалыми затруднениями. Отсюда и общее тяготение международного экспертного сообщества к поиску причин сдвигов в социальных настроениях через замеры динамики качества человеческого капитала как главной движущей силы экономического роста.

Опыт подобных попыток насчитывает не одно десятилетие. Нынешняя подводит своего рода итог, ставя при этом принципиальный диагноз: неравенство в доходах и прочих проявлениях не является результатом глобализации и прогресса технологий как таковых, но оказывается прямым следствием неадекватной им экономической и социальной политики. Отсюда и призыв экспертов ВЭФ взглянуть в зеркало глобального индекса социальной мобильности, чтобы отраженное в нем подвигло к перезапуску систем налогообложения, структур бюджетных расходов, подходам к оценкам их эффективности и стимулам к выстраиванию новых социальных контрактов, не сводимых лишь к гарантиям рабочих мест.

Разработчики индекса не ограничились только составлением рейтинга. Одновременно предложена и гипотеза общеэкономической эффективности глобальных усилий по повышению качества человеческого капитала: если каждая из 82 стран в течение года повысит свой рейтинг на 1 балл, то мировой ВВП прибавит 0,44 п. п. Определена и группа экономик с наибольшим потенциалом вклада роста социальной мобильности в прибавление ВВП: Китай, США, Индия, Япония, Германия, Россия, Индонезия, Бразилия, Великобритания, Франция. Мы опять в середине перечня с оценкой потенциального увеличения ВВП к 2030 году с учетом реформирования социальной политики в $177,976 млрд.

В лидерах Китай ($1,025 трлн потенциального прироста ВВП) с текущими вызовами в сфере соцподдержки и отладке системы пенсионного обеспечения и США (расчетный эффект — $866,627 млрд). У последних, кстати, тоже немало проблем. На сокращение численности среднего класса, к примеру, накладывается резкий подскок доли образовательных кредитов к доходам домохозяйств — за последние 10 лет с 3 до 11%. Социальная реакция на этот счет — одна из причин успехов начала праймериз Демократической партии у сенатора от штата Вермонт Берни Сандерса, предлагающего вообще отменить плату за высшее образование. Левый популизм 78-летнего политика, понятно, находит отклик у молодых избирателей.

Первый доклад об индексе социальной мобильности выявил как минимум три «горячие точки» глобальной экономики: средний балл по 82 странам показателя «справедливость заработной платы» составил 52,5 из 100, «социальной защиты» — 58,2, возможности обучения в течение всей жизни — 57. По первым двум параметрам российские результаты выше среднемировых (74 и 64 балла). Зато по третьему — явный провал — всего лишь 46 баллов и 61-е место по этому субиндексу.

Это принципиальная вещь, потому что в современных условиях багаж знаний надо постоянно обновлять, он морально устаревает каждые пять лет. И если человек не продолжает свое профессиональное образование всю жизнь, он не просто остается на месте — его социальный лифт начинает резко снижаться.

На фоне сокращения в 2019 году численности рабочей силы на 1% и рисков у почти 1 млн предпенсионеров существенно потерять в уровне и качестве жизни — более чем уместный повод для актуализации образовательного нацпроекта. На это уже указывает и отставание от общего российского рейтинга его компонентов по здоровью населения и доступности новых технологий — 43-е и 44-е места соответственно.

Да и по уровню заработных плат все далеко не благостно. При средней номинальной 47 тыс. рублей и медианной 34 тыс. рублей (это означает, что половина занятых получает меньше) оценка комфортного желаемого объема от региона к региону колеблется в интервале 80–120 тыс. рублей. Внутренняя мера справедливости, как видим, явно не совпадает с представлениями экспертов ВЭФ.

В то же время «участие граждан в деятельности институтов» рейтинга социальной мобильности абсолютно точно отражает наши собственные самоощущения — 76-е место (43 балла) — еще одно необходимое напоминание об институциональном застое, начинающемся с невозможности жителям городов и поселений повлиять на смету расходов родного муниципалитета.

Глобальный индекс социальной мобильности, конечно же, по определению не способен заставить национальные правительства «взять под козырек». За не самые высокие оценки никакого партбилета никто ни у кого не отнимет. Но и относиться к нему как к чисто академической игрушке — беспечно. Это зеркало, отражающее реальность и способное подсказать не слишком затратные действия — скажем, причесаться — чтобы выглядеть более комильфо. Тем более что самая элементарная отладка социальных лифтов — техобслуживание и профилактика по графику — способна реально ускорить экономический рост и улучшить качество человеческого капитала. Пакет социально-политических мер президентского послания вполне в духе этого императива. Но это лишь начало движения по маршруту.

ВСЁ ВОКРУГ ШЕРИНГОВОЕ — ВСЁ ВОКРУГ МОЁ

Уже к 2025 году половина мировой экономики, по прогнозам McKinsey, будет приходиться на совместные модели потребления. Самые быстрорастущие сегменты — это путешествия, каршеринг, финансы, поиск персонала и стриминговые музыкальные и видеосервисы.

Поделись машиною своей

Эксперты считают, что потенциал у шеринговой экономики (от английского share — делиться. — Ред.) огромный. Так, в PwC прогнозируют, что ее объем вырастет до 335 миллиардов долларов уже через пять лет. Это почти в 10 раз больше, чем сейчас (31 миллиард долларов). Лидер по распространению экономики совместного потребления — США, а правительство Китая, например, планировало, что уже в этом году доля шеринговой экономики в ВВП составит 10%. Правда, такие прогнозы были сделаны до пандемии коронавируса нового типа. Пока рано оценивать ее последствия не только для шеринговой, но и для экономики в целом.

В том или ином виде шеринговая экономика существует давно. Например, еще в середине 2000-х в «Живом журнале» были сообщества совместных покупок — чем больше людей, тем больше скидка. Но в отдельный сегмент экономики шеринг оформился 10 лет назад, когда в 2009 году в США появился сервис такси Uber. Получить лицензию и зарабатывать на собственной машине смог каждый желающий. А клиентам такси не нужно было заранее звонить в службу и ждать машину час — какой автомобиль Uber ближе к вам, тот вас и заберет.

Удобство — ключевой фактор успеха шеринговой экономики (которая, кстати, поначалу так и назвалась — «уберизация»). Довольно скоро в разных странах появились похожие на Uber сервисы Lyft, BlaBlaCar, Ola, наше «Яндекс.Такси». В прошлом году Uber первым из шеринговых сервисов вышел на IPO. Незадолго до публичного размещения акций Goldman Sachs и Morgan Stanley оценивали компанию в 120 миллиардов долларов. Ее реальная капитализация оказалась скромнее — 70 миллиардов. Тем не менее сервис продолжает оставаться одним из самых популярных во всем мире.

Еще один популярный сервис, который появился на год раньше Uber, это Airbnb — платформа для поиска и аренды жилья по всему миру. За последние шесть лет число предложений на ней выросло больше, чем сеть отелей Hilton за 93 года. Это неудивительно: эксперты Deloitte подсчитали, что пользователи Airbnb экономят в среднем 88 долларов в сутки по сравнению с тем, сколько бы они заплатили за номер в гостинице.

А как у нас

Объем транзакций онлайн-сервисов совместного потребления, работающих в России, в прошлом году вырос на 50%, до 770 миллиардов рублей. По данным РАЭК и ТИАР-Центра, лидер шеринговой экономики — сегмент C2C-продаж (то есть от пользователя к пользователю). Его объем составляет

около 566 миллиардов рублей. Самые популярные сервисы — Avito, «Юла», YouDo. В Avito, например, сообщают, что каждую минуту на площадке совершаются 120 сделок.

Другие заметные сегменты российской шеринговой экономики — онлайн-биржи труда (140 миллиардов рублей), каршеринг (20,5 миллиарда рублей) и карпулинг (поиск попутчиков, 17,8 миллиарда рублей). В прошлом году JPMorgan оценивали автопарк всех каршеринговых сервисов в Москве в 12 тысяч машин. К 2025 году московский автопарк достигнет 30 тысяч единиц, прогнозируют в PwC. А вот по оценкам столичного департамента транспорта в московском каршеринге уже сегодня более 31 тысячи автомобилей у восьми компаний. Число их пользователей достигло 1 миллиона человек и ежегодно растет на 12–15%. При этом у 70% пользователей каршеринга есть собственный автомобиль.

Противники каршеринга главным минусом называют то, что такие машины чаще попадают в аварии. Однако статистика ГИБДД это не подтверждает. Эксперты обращают внимание, что личный автомобиль используется в среднем два часа в день, а каршеринговый — по 30 минут 7–8 раз в день. Поэтому вероятность попасть в ава-

Другой активно развивающийся в России шеринговый сегмент — это коворкинги, или гибкие офисы. По оценкам CBRE, в 2019 году в Москве объем предложения таких офисов вырос почти на 40%. Всего в подобных пространствах сейчас работают около 30 тысяч человек, а по площади они занимают 0,9% офисного рынка Москвы. Лидер среди европейских городов — Амстердам (5,2%), также коворкинги активно развиваются в Дублине (1,8%) и Берлине (1,1%).

ЗАМЕТНЫЕ СЕГМЕНТЫ ШЕРИНГА В РОССИИ — ИНТЕРНЕТ-БИРЖИ ТРУДА, КАРШЕРИНГ И КАРПУЛИНГ — ПОИСК ПОПУТЧИКОВ

рию у него больше. Страховщики не хотят работать с сегментом, потому что водители каршеринговых машин якобы более безответственно к ним относятся, чем к собственному авто. Жители районов, где мало парковочных мест, жалуются, что все занято каршерингом. Тем не менее число таких машин продолжает расти, потому что услуга пользуется спросом.

Не хотите работать вместе? Можно вместе жить — шеринговая экономика распространилась и на эту область. Коливинг, то есть буквально «совместное проживание», эксперты называют коммуналкой XXI века. Только добровольной и где соседей можно выбирать. Оценить масштабы сегмента трудно — полноценного коливинга в России пока нет. Несмотря на существование нескольких известных проектов вроде NovaLife или Early Birds, чаще всего за этим понятием скрывается хостел или просто большая квартира, которая сдается по комнатам. Спрос на коливинг определенно есть — многие миллениалы (а именно на них делает ставку вся шеринговая экономика) не хотят владеть чем-то, а хотят пользоваться. Такой формат удобен тем, что в любой момент можно переехать поближе к новой работе или просто в более приятный район.

давайте делиться

Эксперты РАЭК и ТИАР-Центр среди основных трендов экономики совместного потребления в России выделяют взросление аудитории. Пользователей становится больше среди людей старше 40 лет. Также расширяется география, шеринговые сервисы теперь есть не только в Москве, Санкт-Петербурге и региональных столицах. Эксперты обращают внимание и на рост доверия пользователей к шеринговым платформам. Этому способствует в том числе внедрение верификации документов, а также страхование ответственности исполнителей услуг.

На рост шеринговой экономики влияет и интерес к ней со стороны крупных компаний — Сбербанк, ИКЕА, «Яндекс» интегрируют шеринг-сервисы в свои экосистемы.

Автор: Кира Камнева

Как показал опрос РОЦИТ, больше 80% россиян готовы брать в аренду вещи или покупать услуги у других людей через онлайн-сервисы, без посредников. Столько же сограждан полагают, что шеринговые платформы позволяют экономить, ведь товаром можно пользоваться, не покупая его.

НОВИНКИ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

ЭКСЛИБРИС

АДАМ ТУЗ, «КРАХ. КАК ДЕСЯТИЛЕТИЕ ФИНАНСОВЫХ КРИЗИСОВ ИЗМЕНИЛО МИР»

М.: Издательство Института Гайдара, 2020. 776 с.

Адам Туз, историк экономики, хорошо известный российским читателям по его книгам «Цена разрушения» и «Всемирный потоп», предлагает новую интерпретацию экономического кризиса 2008 г. как глобального события, породившего многочисленные ударные волны, ощущающиеся по всему миру и по сей день.

В сентябре 2008 г. президент Джордж Буш еще мог называть финансовый кризис инцидентом, не выходящим за рамки Уолл-стрит. В реальности же это было потрясение глобального значения, ударившее по всему миру, от финансовых рынков Великобритании и Европы до заводов и верфей Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, вызвав переустройство глобального управления. В США и Европе его следствием стал пересмотр самих основ капиталистической демократии, в конечном счете вылившийся в хаос в Греции, Брекзит и избрание Трампа президентом.

Это был сильнейший кризис, поразивший западные общества после окончания холодной войны. Но был ли он неизбежен? И завершился ли он? «Крах» — новое драматическое изложение этих событий, в основу которого положены оригинальные темы: бессистемная природа экономического развития и хаотическое накопление долгов по всему миру; невидимая связь между отдельными странами и регионами, обеспечиваемая крайне неравноправными взаимоотношениями в сферах финансовой взаимозависимости, инвестиций, политики и силы; взаимодействие финансового кризиса с поразительным ростом популярности социальных сетей, кризисом американского среднего класса, возвышением Китая и глобальной борьбой за контроль над ископаемым топливом.

С учетом всех этих событий Туз задается вопросом о нынешних перспективах либерального, стабильного и внятного мирового порядка.

МАРИЯ БОЙКО, «ПОЧЕМУ БРИЛЛИАНТЫ ДОРОЖЕ ВОДЫ? И ЕЩЕ 47 ВОПРОСОВ ОБ ЭКОНОМИКЕ»

М.: Розовый жираф, 2020. 128 с.

Детская книга по экономике — редчайший гость на нашей книжной полке. Почему клубника летом дешевая, а туры на море дорогие? Попробуйте ответить на этот простой вопрос ребенка, не используя термины «спрос» и «предложение». Марине Бойко это удается. Как устроены экономические отношения в обществе? Что такое рынок и какие у него законы? Почему одни страны богатые, а другие бедные? В книге эти и многие другие вопросы объясняются интересно и просто — так, что становится понятно и детям, и взрослым.

МИХАИЛ ХАЗИН, «ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ. ИДЕИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ»

М.: Рипол-Классик, 2019. 463 с.

Автор, известный российский экономист и политолог Михаил Хазин, пишет, что в книге отражено «как бы мне хотелось, чтобы выглядело преподавание экономики, под какую линию эту науку нужно выстроить». Издание представляет собой популярное авторское изложение экономических закономерностей, которые делают наш мир таким, каков он на сегодня есть. Через призму экономики и экономических процессов пропущены основополагающие события в истории человечества: смена формаций, открытие и завоевание новых материков и земель, появление религиозных доктрин, войны, их предпосылки и последствия. Особое внимание уделяется глобальным проектам, которые диктуют миру свои условия; кризисам, их зарождению, развитию и результатам.

ЛЕОНИД ГОХБЕРГ, НАТАЛЬЯ ШМАТКО И ДР., «АТЛАС ПРОФЕССИЙ БУДУЩЕГО»

М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. 148 с.

Книга представляет результаты исследования, посвященного выявлению наиболее перспективных профессий высокой квалификации. Профессии отбирались исходя из прогнозных оценок спроса на них, глобальных трендов научно-технологического развития, динамики изменений российского и мирового рынков труда. По каждой профессии приведены основные функции и задачи специалистов; необходимые знания и навыки; драйверы, барьеры и динамика роста спроса на рынке труда.

Исследование выполнено с использованием системы интеллектуального анализа больших данных iFORA, разработанной специалистами (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ.

Книга предназначена для абитуриентов и студентов, желающих получить востребованные в будущем знания и навыки; работодателей, заинтересованных в найме высококвалифицированных специалистов; преподавателей, исследователей и всех тех, кто следит за современным рынком труда и тенденциями его развития.

ДЖЕЙКОБ ФИЛД, «ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У КАПИТАЛИЗМА?»

М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 144 с.

После того как в 2008 году мировая экономика пережила глубокие потрясения, капитализм находится в кризисе. Настало ли время положить конец системе, которая расшатывает мировую экономику? Со времени промышленной революции капитализм способствовал быстрому развитию технологий и экономическому росту, но сегодня неравенство между богатыми и бедными растет, создавая опасное разделение внутри нашего общества.

Эта книга излагает достоинства и недостатки капитализма во всех его формах и ставит вопрос о том, существует ли ему достойная альтернатива. Автор, Джейкоб Филд, ранее написал четыре научно-популярные книги по истории, последней из которых стала «День Д в цифрах». Осенью 2017 года издательство Routledge издало его переработанную диссертацию под названием «Лондон, лондонцы и Великий пожар 1666 года: катастрофа и восстановление». В настоящее время работает научным сотрудником в Кембридже, занимаясь исследованиями экономической истории Лондона.

АЛАН ГРИНСПЕН, АДРИАН ВУЛДРИДЖ, «КАПИТАЛИЗМ В АМЕРИКЕ. ИСТОРИЯ»

М.: Альпина Паблишер, 2020. 558 с.

Книга представляет собой экономическую историю США, изложенную доступным языком. Авторы в увлекательной форме рассказывают, за счет каких факторов США стали крупнейшей экономикой мира. Гринспен и Вулдридж увлекательно и в то же время полно и аккуратно показывают, как частная инициатива, созидательное разрушение, политическая и экономическая свобода, верховенство закона и передовая система образования создали — фактически из ничего — крупнейшую экономику мира.

Мало кто имеет большее право написать такую книгу, чем самый знаменитый и противоречивый гуру современной экономики — Алан Гринспен.

Адриан Вулдридж — редактор отдела политики The Economist, доктор истории в Оксфорде. Соавтор книг «Магия менеджмента» (переведена на русский) и «Компания: Краткая история революционной идеи».

История самой успешной экономики в новейшей истории, рассказанная авторами, наводит на такие фундаментальные размышления, что становится страшновато и за будущее Америки, и за будущее всего мира.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО, «РУССКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО. ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК»

М.: АСТ, 2019. 320 с.

В умах большинства сегодняшних экономистов господствует базовый сценарий. Согласно ему экономическая ситуация в России будет развиваться инерционно, без радикальных изменений в экономической политике, но одновременно будут набирать силу новые внешние (по отношению к экономике, но не к России) факторы, которые уже сегодня отчетливо видны, но чье воздействие на экономику пока не очень ощутимо. Для того чтобы получить представление о механизмах развития такого сценария, необходимо совершить краткий экскурс в экономическую историю России начиная с 1999 года. Это и сделал Сергей Алексашенко.

Десятилетний период, с конца осени 1998-го до середины 2008 года, вполне можно рассматривать как «русское экономическое чудо» — средние темпы роста экономики в этот период составили примерно 7% в год, что очень много по мировым меркам. А было ли это чудо? У Сергея Алексашенко есть ответ «из первых рук».

Эта книга посвящена анализу различных аспектов экономической ситуации в новейшей России. Автор показывает читателю ясную картину того, что происходит в стране. А поскольку тексты, вошедшие в книгу, были написаны в разные годы, мы можем в реальном времени наблюдать за всеми процессами, событиями и изменениями в политико-экономической жизни. Книга написана в фирменном для автора стиле — четко, с железной логикой, стройной аргументацией и присущей автору иронией.

Инвестиции

ПРЯМЫЕ ОПТИМИСТЫ

По итогам Всемирного экономического форума в Давосе помощник президента РФ Максим Орешкин заявил, что международные компании оптимистично смотрят на изменения, происходящие в российской экономике. Смену правительства они оценивают позитивно и готовы наращивать инвестиции. В какие отрасли предпочитают инвестировать иностранцы в этом году?

УШЛИ В ПРОРЫВ

По мнению Максима Орешкина, позитивное настроение иностранных инвесторов в отношении российской экономики опирается на улучшение делового климата. В прошлом году Россия впервые переместилась в топ-30 рейтинга Doing Business, заняв 28-е место. Также среди преимуществ для иностранных инвесторов экс-министр экономики назвал снятие барьеров для бизнеса, в том числе «регуляторную гильотину» (масштабный пересмотр нормативных актов, негативно влияющих на общий бизнес-климат и регуляторную среду).

В январе на встрече с президентом Владимиром Путиным глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) Кирилл Дмитриев отметил значимый рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию в 2019 году. «Мы прогнозировали, что он составит 70 процентов, но сейчас видим, что он вообще может быть кратным, и в небанковскую сферу этот рост прямых иностранных инвестиций может составить четыре раза за прошлый год», — сказал он.

Сам фонд в прошлом году вместе с зарубежными партнерами инвестировал в российскую экономику 365 миллиардов рублей. Из них 30 миллиардов — это деньги фонда, все остальное — партнеров. Что касается влияния на инвестклимат нового состава правительства, на том же Давосском форуме Кирилл Дмитриев назвал кабинет министров «правительством экономического прорыва». Такой вывод ему позволило сделать то, что посты в правительстве сохранили «крайне успешные, эффективные министры». Также, обратил внимание глава РФПИ, «пришли новые люди, которые достигли значимых достижений на своих предыдущих постах». По его словам, новое правительство будет сфокусировано на росте, ускорении реализации национальных проектов и увеличении инвестиций.

С точки зрения объемов привлеченных ПИИ прошлый год оказался неплохим. После слабого 2018 года, в котором прямые иностранные инвестиции составили менее 10 миллиардов долларов, приток ПИИ только за третий квартал, по данным ЦБ РФ, составил 9 миллиардов долларов. За январь — сентябрь 2019 года в Россию поступило 25,9 миллиарда долларов ПИИ (против 7,2 миллиарда за аналогичный период 2018 года).

Правда, и в этой бочке меда есть своя ложка дегтя. Эксперты уточняют, что большая часть ПИИ — это не новые вложения иностранных инвесторов, а реинвестирование, причем на четверть — от компаний с российским контролем. На это, в частности, в прошлом году обращали внимание авторы доклада МВФ и Копенгагенского университета.

Как бы то ни было, на протяжении последних лет Россия остается важным растущим рынком для бизнеса международных компаний-инвесторов. К такому выводу пришли авторы исследования «Перспективы развития международного бизнеса в России», подготовленного компанией EY для Консультативного совета по иностранным инвестициям в России (КСИИ). Из 95 опрошенных иностранных компаний 91% отметили, что считают российский рынок стратегическим и планируют развивать свой бизнес в России. На улучшение делового климата и усилия государства по его развитию обратили внимание 61% компаний. Почти половина опрошенных компаний планируют выводить на российский рынок новые продукты и услуги, еще 40% намерены расширять производство в России, 13% — наращивать инвестиции в логистику.

В целом участники в прошлом году вложили в российскую экономику около 6,5 миллиарда долларов. Почти половина этой суммы, по словам управляющего партнера EY по странам СНГ Александра Ивлева, пришлась на компании из отрасли энергетики и природных ресурсов, проекты которых самые капиталоемкие. С точки зрения географии лидирует Азия — увеличить инвестиции в российскую экономику собирались 41% азиатских компаний и только 29% европейских и американских. Впрочем, опрос проводился в прошлом году, до эпидемии коронавируса, которая, по оценкам экономистов, может заставить

В ЦЕЛОМ ИНОСТРАНЦЫ

вложили в российскую экономику в 2019 году около 6,5 млрд долларов.

ПОМИМО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СЕКТОРА

среди отраслей, интересных для прямых иностранных инвестиций, эксперты выделяют также ИТ-сектор. Его поддерживает глобальной тренд на цифровизацию мировой экономики.

компании по всему миру значительно пересмотреть свои планы. Как отмечают эксперты Coface, особенно уязвимы страны, зависимые от поставок промежуточной продукции из Китая — Вьетнам, Южная Корея, Япония, Малайзия, Индонезия, Австралия.

Ставка на потребителей

Согласно результатам опроса EY, антироссийские санкции оказали отрицательное влияние на бизнес в России для 62% зарубежных компаний и привели к сокращению российского рынка для 44% иностранных компаний.

— Несмотря на политические факторы, мы видим, что интерес иностранных инвесторов к России сохраняется, — рассказала партнер департамента финансового консультирования «Делойт СНГ» Мария Бубнова. — Этому способствует в первую очередь масштаб российской экономики, одной из крупнейших в европейском регионе. ВВП России за 2019 год составил 4,2 триллиона долларов, уступив только Германии (4,5 триллиона долларов). Кроме того, стабилизация инфляции и реальных доходов населения после экономического кризиса также способствует интересу со стороны иностранных инвесторов, в первую очередь к потребительскому сектору.

Российский потребительский рынок, по оценкам «Делойт», является крупнейшим в Европе. Затраты только на пищевые продукты в России в 2019 году составили более 312 миллиардов долларов. Производители потребительских товаров локализуют производство, приобретают дополнительные производственные мощности, а также покупают права на отдельные локальные бренды с целью увеличения собственной доли на рынке.

По данным Минпромторга, оборот розничной торговли в России за 11 месяцев прошлого года составил 30,1 триллиона рублей, продолжив восстановительный рост. В Ассоциации компаний розничной торговли (АКОРТ) посчитали, что у продуктовых магазинов в прошлом году стало на 8,5 процента больше покупателей. У магазинов промышленных товаров (к которым относится широкий спектр продукции — от одежды и обуви до электроники и товаров для ремонта) — на 10 процентов больше. В ассоциации отмечают, что на развитие торговли негативно влияет сокращение платежеспособного спроса. Индекс потребительских настроений, по данным Всероссийского опроса GfK, в четвертом квартале 2019 года составил 99 пунктов (максимальный показатель — 200 пунктов, значение ниже 100 пунктов оценивается как пессимистичное). Наблюдается заметный разброс в потребительских настроениях по регионам. Оптимистов больше всего в Москве и на Северном Кавказе, пессимистов — в Сибири и на Дальнем Востоке.

При этом россияне из любых регионов готовы тратить в интернете. На онлайн-распродаже «Киберпонедельник», которая прошла в России в седьмой раз в январе 2020 года, покупатели потратили около 5,6 миллиарда рублей. Это на 12 процентов больше, чем в 2019 году, сообщил ТАСС со ссылкой на организаторов площадки C-Monday. Средний чек заказа вырос на 20 процентов, до 6 тысяч рублей.

— Оборот розничной торговли по итогам 2020 года увеличится на 0,6 процента и составит около 32 триллионов рублей в сопоставимых ценах по сравнению с итогами 2019 года, — прогнозирует первый вице-президент «Опоры России» Павел Сигал. — Тенденция на сокращение объемов оборота розничной торговли продолжится, что связано в первую очередь со стагнацией реальных доходов населения и снижением покупательского спроса. При этом внутри товарных групп будет расти доля продаж товаров экономсегмента при одновременном сокращении товаров средней ценовой категории. Снизится процент конверсии (все больше посетителей будут приходить в магазины, при этом ничего не покупая).

В этом году, как полагает Павел Сигал, количество торговых точек будет сокращаться за счет выбывания с рынка мелких частных организаций. У сетевых ретейлеров будет больше покупателей, но средний чек снизится. «Инвестиционные проекты крупнейших компаний продуктового ретейла, связанные с открытием новых точек, будут сокращаться. Различные финансовые показатели (оборот, выручка, прибыль, EBITDA) покажут дальнейшую тенденцию к снижению, что вынудит сети оптимизировать затраты», — заключил эксперт.

А что еще

Помимо потребительского сектора среди отраслей, интересных для прямых иностранных инвестиций, эксперты выделяют также ИТ-сектор. Его поддерживает глобальной тренд на цифровизацию мировой экономики. Россия тут не исключение, полагает директор офиса продаж «БКС Брокер» Вячеслав Абрамов, тем более новый глава правительства Михаил Мишустин на своем прежнем посту провел успешную цифровизацию Федеральной налоговой службы.

Правительство уделяет большое внимание росту конкурентоспособности российской ИТ-продукции на мировых рынках. В начале года Михаил Мишустин утвердил Стратегию развития электронной промышленности до 2030 года, согласно которой объем экспорта российской электронной продукции должен вырасти втрое, до 12 миллиардов долларов (4,1 миллиарда в 2018 году).

Как ранее заявлял министр промышленности и торговли Денис Мантуров, государство обеспечит защиту внутреннего рынка, а также развитие отрасли через имеющиеся инструменты: прямой госзаказ, субсидии, налоговые льготы и прямую финансовую поддержку, в том числе через программы институтов развития, венчурное финансирование, гранты. Особое внимание, по словам министра, будет уделяться поддержке инвестиционных проектов, способствующих повышению уровня локализации производства и увеличению объема экспорта. Одна из главных задач — создать условия для реализации новых проектов и сделать отрасль привлекательной для инвесторов.

ОБОРОТ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ ПО ИТОГАМ 2020 ГОДА УВЕЛИЧИТСЯ, ПО ОЦЕНКАМ "ОПОРЫ РОССИИ", НА 0,6 ПРОЦЕНТА

Сегодня продукция российских производителей электроники востребована на разных мировых рынках. Так, зеленоградский НПЦ «Элвис» подписал соглашение о поставках систем слежения за дронами и беспилотниками «ЕНОТ» в Южную Корею. Радиолокационную станцию планируется поставить до конца первого квартала 2020 года. Она предназначена для автоматического обнаружения беспилотных воздушных судов, в том числе малого класса, а также наземных и надводных целей.

Еще один российский производитель, компания «Тритон-ЭлектроникС», поставит в больницы Малайзии партию аппаратов для искусственной вентиляции легких (ИВЛ) для лечения пациентов с пневмонией, вызванной коронавирусом 2019-nCoV. Договоренность была достигнута в ходе выставки Arab Health в Дубае. Также обсуждаются сроки и объемы первой поставки реанимационной техники в Судан.

По мнению профессора финансов РЭШ, директора Центра исследования финансовых технологий и цифровой экономики СКОЛКОВО-РЭШ Олега Шибанова, иностранным инвесторам интересны в основном экспортно ориентированные сектора — добывающие отрасли, металлургия и химия. «Из-за замедления внутреннего рынка потребительский сектор не будет сильно расти, а финансовый может оказаться под некоторым давлением из-за обсуждения владения акциями крупнейшего российского банка», — добавил экономист.

Мария Бубнова обратила внимание на то, что в потребительском секторе заинтересованы, как правило, европейские инвесторы. А интерес инвесторов из Азии (в первую очередь Китая и Японии) максимально широкий: добывающая отрасль, инфраструктура, сельское хозяйство, производство и многие другие сектора экономики.

Карты инвесторам в этом году спутал коронавирус — по оценкам ITI Capital, рынки недооценивали риски и зря рассчитывали, что пик эпидемии пройден. В конце февраля наступила активная фаза распространения вируса за пределами Китая, так что паника еще какое-то время будет влиять на инвестиции. От глобальной пандемии мировая экономика может потерять 1,1 триллиона долларов, считают в Oxford Economics.

— В 2020 году нас ждет общемировое замедление, в том числе в связи с событиями в Китае, — полагает Олег Шибанов. — Это приведет скорее к уменьшению прямых иностранных инвестиций, чем к их росту. Более того, роль государства в инвестициях будет подразумевать временное ожидание иностранных инвесторов по результатам национальных проектов. То есть иностранные инвесторы будут ждать, пока нацпроекты не «раскрутятся» сильнее.

Кира Камнева

Фронтмен номера

ДЖОЗЕФ СТИГЛИЦ: «Я НЕ ВИЖУ, ЧТО НА ЭКОНОМИКУ НАДВИГАЕТСЯ КРИЗИС»

Если кто-то и знает все о кризисах, так это мэтр западной экономики, нобелевский лауреат, а также экономический советник президента Клинтона и главный экономист Всемирного банка. Эти должности не помешали ему жестко критиковать неограниченный рынок, неоклассическую экономическую школу, неолиберализм в мировой экономике и, в частности, либеральные реформы в России. Профессор прочел лекцию в Финансовом университете при Правительстве РФ и дал интервью корреспонденту «Российской газеты».

Роман Маркелов, «Российская газета», специально для «Вольной экономики»

Джозеф Стиглиц,
нобелевский лауреат по экономике,
профессор Колумбийского университета

Фронтмен номера

ЕЩЕ НИ ОДНА СТРАНА НЕ ДОБИЛАСЬ ХОРОШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ БЕЗ НОРМАЛЬНО РАБОТАЮЩЕГО ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА

Капитализм в его традиционном понимании в XXI веке должен трансформироваться, считает американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 года Джозеф Стиглиц. По его мнению, крайности рыночного капитализма приводят к росту неравенства. Это означает, что у общества может возникнуть желание найти лучший подход к управлению структурой экономики. Ключевые перемены должны произойти в финансовом секторе, который несет особую ответственность за рост глобального неравенства, подчеркнул Стиглиц в своей лекции в Финансовом университете при Правительстве РФ. Банкиры и финансисты в теории должны создавать и поддерживать общественное благосостояние, но больше других обеспокоены «погоней за рентой», уверен экономист.

Еще ни одна страна не добилась хороших экономических результатов без нормально работающего финансового сектора, говорит Стиглиц. Если финансовый сектор сбоит, то это неизбежно приведет к глобальному спаду в экономике: так, мировой кризис 2007–2008 годов, который спровоцировали действия банкиров в США, это хорошо продемонстрировал. При этом после того, что случилось, американским банкам было предложено 700 млрд долларов помощи от государства. «Банкиры спросили — почему только 700? Их успокоили, что если надо будет, то они получат еще. То есть такое реагирование на кризис носило политический характер, но не экономический. При этом ни одно условие не ограничивало получение этих денег», — отмечал Стиглиц.

Системообразующие банки (to big to fail — слишком большие, чтобы лопнуть) часто берут на себя избыточные риски, зная, что правительство не даст им упасть. Когда в экономике все было хорошо, такая стратегия была для них успешной. В кризис (например, когда в 2008 году рухнул Lehman Brothers) — уже нет, и высокую цену за это снова заплатило общество, подчеркнул Стиглиц.

По мнению экономиста, глобальное неравенство расширяет даже эквайринг — по сути, за ничего не стоящие операции банки берут комиссии, а это автоматические издержки для любого бизнеса. Еще одна негативная роль финансового сектора для общества — попытка избежать налогообложения либо крупно сэкономить на нем, говорит Стиглиц. Классический пример — перевод штаб-квартир крупнейших американских корпораций в Ирландию, где им обеспечиваются более «приятные» налоговые условия.

Последний глобальный кризис привел к недоверию общества к любым финансовым институтам. Рецептом для борьбы со злоупотреблениями Стиглиц считает усиление роли правительств в управлении финансовыми рынками (то есть отмену излишнего дерегулирования) и стимулирование ими же «долгосрочного мышления» на финансовых рынках через усиление роли инфраструктурных банков и банков развития.

Господин Стиглиц, разговоров о новом мировом экономическом кризисе становится все больше. Когда, по Вашему прогнозу, он может начаться?

Джозеф Стиглиц: Я, честно говоря, не вижу, что на мировую экономику надвигается кризис. Как и многие другие специалисты, я пока замечаю только лишь замедление ряда мировых экономик. В Германии рецессия, вероятно, уже началась. Но, например, в США экономический рост составляет 1,9%. Замедление прослеживается и в китайской экономике, но даже при нем 5–7% роста ВВП в год, которые показывает Китай, это гораздо лучше, чем ноль.

Можно ли тогда сказать, что начало кризиса откладывается: ведь время для циклического спада в любом случае уже пришло?

Джозеф Стиглиц: Мое мнение: теория о неизбежности того, что кризисы обязательно должны повторяться каждые 6–8 лет, ни на чем не основана. Гораздо вернее, что к началу кризиса могут привести случайные события — например, политические. Они всегда отражаются на мировой финансовой системе. Но нет, кризис не может начаться только потому, что его не было уже шесть, восемь или одиннадцать лет.

Торговую войну между США и Китаем можно назвать политическим событием, теоретически ведущим к мировому кризису?

Джозеф Стиглиц: Торговая война сильно сказывается на мировой экономике. Ее самое главное последствие в том, что она сильно повышает градус неопределенности. Вполне возможно, что одна из сторон может предпринять в торговой войне действия, которые приведут к гораздо более серьезным последствиям для мировой экономики, чем мы наблюдаем сейчас. Но думаю, более вероятно, что пока статус-кво в торговой войне сохранится и она продолжит влиять на показатели мировой экономики, скорее, косвенно.

Как Вы думаете, сильно ли изменятся экономические отношения между людьми в XXI веке, какая трансформация может ждать капитализм?

Джозеф Стиглиц: Хочется надеяться, что появится некая форма «прогрессивного» капитализма. Крайности рыночного капитализма приводят к весьма неприятным явлениям — вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится. Это означает, что у людей может возникнуть желание найти лучший подход к управлению структурой экономики. Скорее всего, речь будет идти о «горизонтальной» организации взаимодействия.

Как в ближайшие десятилетия поменяется расклад экономических сил?

Джозеф Стиглиц: Скорее всего, в будущем мир станет более многополярным. Точнее предсказать сложно: мы живем в условиях основополагающей, фундаментальной неопределенности. Она есть практически во всех регионах мира — Европе (период затяжных отрицательных ставок в евро, уход Великобритании из Евросоюза), США (здесь прослеживается тенденция на изоляцию и глобализацию одновременно), Китае (не очень понятно, в какую сторону развивается местная политическая система). Все это крайне затрудняет любое прогнозирование, тем более долгосрочное.

Теория о неизбежности того, что кризисы должны повторяться, ни на чем не основана, гораздо чаще к кризисам приводят политические события.

СКОРЕЕ ВСЕГО, В БУДУЩЕМ МИР СТАНЕТ БОЛЕЕ МНОГОПОЛЯРНЫМ: ТОЧНЕЕ ПРЕДСКАЗАТЬ СЛОЖНО

Существует мнение, что пик многополярности в истории был перед Первой мировой войной и закончился он явно не очень хорошо.

Джозеф Стиглиц: Полагаю, что мы смогли извлечь уроки из истории и ничего подобного больше не повторится. Не думаю, что существование в мире различных альянсов и блоков приведет к таким последствиям, как 100 лет назад. Тем более сейчас существуют международные организации — ООН, ВТО, МВФ, Всемирный банк.

Они справляются со своей ролью или международным институтам нужны реформы?

Джозеф Стиглиц: Им действительно есть к чему стремиться. Проблема еще и в том, что в условиях многостороннего взаимодействия процесс принятия решения всегда непростой. То есть он затягивается просто в силу природы самих организаций — они же международные. Поэтому «единоголосия» нет, всегда различные точки зрения.

Какое место в мировом масштабе будет занимать российская экономика, нуждается ли она в диверсификации экспорта?

Джозеф Стиглиц: Да, я считаю, что российской экономике обязательно нужно диверсифицироваться. Если Россия этого не сделает, то может столкнуться с существенными рисками.

Почему они возникнут? Основные статьи российского экспорта — все же нефть и газ. Одновременно мы говорим о климатических изменениях — так, многие страны берут на себя обязательства снизить до минимума количество углеродных выбросов в окружающую среду к 2050 году. На таком фоне стоимость ископаемого топлива точно будет снижаться. Одновременно стоимость энергии, получаемой с использованием возобновляемых источников, тоже будет снижаться. Поэтому считаю, что своевременная диверсификация российской экономике просто необходима.

See below for the English version of the article

See below for the English version of the article

Образование будущего

Код таланта

Регулирование важно для человека — как для экономики

Эксперты отмечают, что мир переходит на новый технологический уклад, растет роль экономики знаний, материальное производство становится более знаниеёмким. Чтобы найти свое место в новой экономической реальности, современным детям придется учиться всю жизнь. «Вольная экономика» узнала у заведующего кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова Александра Вераксы, как и чему учить ребенка 2.0, чтобы повысить его шансы на успех в новой цифровой экономике? В начале 2020 года Александр Веракса стал лауреатом Премии Президента в области науки и инноваций для молодых ученых за масштабное исследование когнитивного и эмоционального развития детей и проблем успешности обучения.

See below for the English version of the article

Не интеллектом единым

Коэффициент интеллекта, или IQ, остается общепринятым показателем развития интеллекта и мерилом успешности. Детей часто оценивают по результатам выполненных тестов и полученным числовым значениям. Но что стоит за этими цифрами? Гарантирует ли высокий уровень IQ, что ребенок будет успешен в социальной и профессиональной жизни? В центре исследования Александра Вераксы — IQ нового поколения, а именно регуляторные функции. «Наиболее сильным фактором с точки зрения прогностичности является саморегуляция детей, то есть умение контролировать свое поведение, управлять им, а не только способность решать те или иные задачи», — поясняет ученый.

Регуляторные функции — это обобщающий термин для умственных навыков, которые помогают человеку контролировать свои мысли и действия, несмотря на отвлекающие факторы, и за счет этого вести себя адаптивно и пластично в новых ситуациях.

Любой навык можно развить, в том числе и способность к саморегуляции, считают психологи. «Чтобы ребенок овладел средствами управления поведения, взрослым можно посоветовать конкретные игры, направленные на компоненты развития саморегуляции, — это развитие кратковременной памяти, умение переключать внимание, в частности, переходить от одного правила к другому, и умение сдерживать свои импульсы, не давать тот ответ, который ожидается», — пояснил суть саморегуляции ученый. Сдерживающий контроль — это умение удержаться от доминирующего типа реакции. Яркий пример — детская игра «"Да" и "нет" не говорите». В ситуации, когда ребенку хочется ответить на вопрос «да», он удерживается от произнесения запрещенного слова и ищет другой ответ. Александр Веракса подчеркивает, что способность сдержать себя волевым усилием — это, наверное, один из самых сложных компонентов саморегуляции, но и его можно развить.

Александр Веракса изучал когнитивное состояние детей дошкольного и школьного возраста больше 10 лет, собирая и анализируя данные свыше 20 тыс. человек из 12 регионов России. Полученные в рамках исследования результаты позволили сформировать систему показателей для оценки психического развития детей, которая дает возможность прогнозировать успешность ребенка в школе.

Психика человека пластична, обучаться можно в любом возрасте, тем не менее на развитие навыков саморегуляции следует обратить внимание в дошкольном возрасте, поскольку слабо развитая саморегуляция приводит к серьезным проблемам в школе, полагает ученый. «В обучении всему свое время, время это очень ценно и упустить его просто, — объясняет Александр Веракса, — у школьного учителя нет возможности заниматься развитием умения контролировать свое поведение у каждого ребенка, поэтому важно научиться этому раньше, в детском саду».

Саморегуляция, как показали результаты массовых лонгитюдных исследований (в которых прослеживается развитие одной группы детей на протяжении определенного времени), оказалась самым весомым фактором в развитии ребенка. Уровень развития регуляторных функций тесно связан с когнитивным и эмоционально-личностным развитием детей: дети с более высоким уровнем развития регуляторных функций лучше понимают эмоции и мысли других людей, успешнее осваивают математические навыки и умения.

See below for the English version of the article

На значение саморегуляции обращали внимание еще советские ученые. В частности, Лев Выготский полагал, что ключевая характеристика личности — овладение собственными психическими процессами. «Мы только тогда можем говорить о формировании личности, когда имеется налицо овладение собственным поведением», — писал психолог.

Цифровые маугли

Гаджеты не так давно, но прочно вошли в жизнь современных детей. Лонгитюдное кросс-культурное исследование когнитивного развития детей под руководством Александра Вераксы показало, что не ограниченная во времени возможность «сидеть» в цифровых устройствах отрицательно влияет на когнитивное развитие дошкольников и младших школьников. Причем не так важно, проводит ли ребенок время в гаджетах пассивно, то есть просто смотрит видео, или активно, используя обучающие приложения. По мнению ученого, безлимитное взаимодействие с гаджетами может быть чревато проявлением агрессии в школьном возрасте и проблемами с эмоциональным развитием, которые свидетельствуют об отсутствии социализации и навыков управления эмоциями.

Запрещать — не выход. «Ситуация остановки и препятствия негативна, — отмечает Александр Веракса, — наши исследования показывают, что детские игры уже пропитаны цифровым контентом, и, если лишить ребенка доступа к гаджетам, он будет испытывать сложности в интеграции в детское сообщество». Ученый предлагает придерживаться разумной стратегии, то есть не запрещать, но контролировать время, проведенное в цифровом мире, а еще лучше — присоединиться к ребенку: «Родители должны обращать внимание на то, чтобы ребенок проводил время перед экраном не в одиночестве — это опыт совместного сопереживания, передача определенных смысловых и ценностных контекстов, которые ребенок не может считать без взрослого».

Когда ребенок постоянно взаимодействует с гаджетами, также «существует опасность "выдавливания" взрослого из ситуации как авторитета, потому что — зачем нужен взрослый, если все можно найти, прочитать в Сети?» «Найти можно все, — подчеркивает Александр Веракса, — но возникает вопрос развития личности ребенка, формирования его ценностей, умения структурировать информацию?» Именно для этих целей взрослым придется погрузиться в цифровой мир вместе с ребенком.

В погоне за содержанием

Результаты исследования ученого доказывают, что ключевую роль в развитии ребенка играет не внешняя материальная среда, а специфика взаимодействия ребенка со взрослым. По его мнению, совместная деятельность сближает взрослого и ребенка в продуктивном ключе, поскольку «предполагает выражение результата в социальном продукте, действии, и это вселяет уверенность и в ребенка, и во взрослого».

«Взрослый должен дать возможность ребенку проявлять инициативу, поддерживать ее и помогать оформлять в продуктивный вид деятельности, — поясняет ученый, — в частности, если ребенку интересно что-то, взрослый должен помочь ему погрузиться в предмет, чтобы ребенок при его поддержке стал экспертом в этом вопросе, мог делиться новым содержанием со сверстниками, быть им интересным». Родители часто пытаются дать ребенку как можно больше содержания — водят детей на десятки кружков: «С одной стороны это невредно, но проблема в том, что в погоне за освоением конкретных навыков, за результатами, часто на второй план уходит, а то и теряется — освоение культурных средств, то есть тех способов, с помощью которых ребенок мог бы впоследствии структурировать любое содержание».

Александр Веракса уверен, что дети должны быть заняты, но заняты осмысленно: «К сожалению, родители нередко максимально структурируют день ребенка, передавая его из кружка в кружок, что времени для обсуждения и осмысления деятельности не остается». Выходит, и в вопросах развития своего ребенка нужно придерживаться принципа — меньше, да лучше. Важно не количество секций — а вовлечение взрослого в этот процесс.

ЛОНГИТЮДНОЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

показало, что не ограниченная во времени доступность гаджетов отрицательно влияет на когнитивное развитие дошкольников и младших школьников.

Полученные Александром Вераксой результаты легли в основу программы дополнительного образования Key to Learning (на английском языке), по которой с 2012 по 2018 год прошли обучение более восьми тысяч педагогов и более 106 тысяч детей из Сингапура, Польши, Таиланда, США, Англии, Уэльса, Шотландии, ЮАР, Пуэрто-Рико, Индии, Малайзии, Филиппин, Индонезии, Израиля.

Talent code

Experts note that the world is moving on to a new technological order, the role of knowledge economy is growing, material production is becoming more knowledge-intensive. To find their place in the new economic reality, modern children will have to study all their lives. Free Economy learned from Alexander Veraksa, head of the Department of Psychology of Education and Pedagogy, Faculty of Psychology of the Moscow State University, how and what a child 2.0 should be taught to increase his or her chances of success in the new digital economy? In early 2020, Alexander Veraksa won the President's Prize in Science and Innovation for young scientists for a large-scale study of the cognitive and emotional development of children and the problems of successful learning.

Not by intellect alone

Intelligence quotient, or IQ, remains a generally accepted indicator of intelligence and a measure of success. Children are often evaluated based on the results of tests performed and numerical values obtained. But what is behind those numbers? Does a high IQ guarantee that a child will be successful in social and professional life? New generation IQs, namely regulatory functions, are at the center of Alexander Veraksa's research. "The most powerful factor in terms of predictive value is a child's self-regulation, i.e. the ability to control and manage his behavior, and not just the ability to solve certain problems," the scientist explains.

Regulatory functions are a generic term for mental skills that help a person control their thoughts and actions, despite distractions, and thereby behave adaptively and flexibly in new situations.

Any skill can be further developed, including the ability to self-regulate, psychologists say. "In order for a child to master behavior controls, adults can be advised on specific games aimed at self-regulation development components — the development of short-term memory, the ability to switch attention, in particular, to move from one rule to another, and the ability to restrain one's impulses and withhold an anticipated answer,"— that's how the scientist explains the essence of self-regulation. Restraining control is the ability to resist the dominant type of reaction. A striking example is the children's game "Don't Say Yes and No." In a situation where the child wants to answer the question "yes", he refrains from saying the forbidden word and looks for another answer. Alexander Veraksa emphasizes that the ability to restrain oneself by volitional effort is probably one of the most difficult components of self-regulation, but it can also be subject to improvement.

Alexander Veraksa studied the cognitive state of children of preschool and school age for more than 10 years, ин collecting and analyzing data from over 20 thousand people in 12 regions of Russia. The results obtained in the course of the study made it possible to put together a system of indicators for assessing the mental development of children, which makes it possible to predict the success of a child in school.

The human psyche is malleable, you can learn at any age. Yet, one should focus on the development of self-regulation skills in preschool age, since poorly developed self-regulation leads to serious problems at school, the scientist believes. "Everything in education should be well-timed, time is a very valuable asset and it is easy to miss it," explains Alexander Veraksa. "A school teacher does not have the opportunity to develop the ability to control the behavior in every child, so it is important to learn self-regulation earlier, in kindergarten."

Self-regulation, as shown by the results of mass longitudinal studies (in which the development of one group of children is traced over a certain period of time), turned out to be the most significant factor in the development of a child. The level of development of regulatory functions is closely related to the cognitive and emotional-personal development of children: children with a higher level of development of regulatory functions better understand the emotions and thoughts of others, more successfully master mathematical skills.

The importance of self-regulation was noted by Soviet scientists. In particular, Lev Vygotsky believed that the key characteristic of a person is mastery of his own mental processes. "We can only talk about personality formation when there is a clear mastery of our own behavior," the psychologist wrote.

Digital Mowgli

Gadgets not so long ago, but have firmly entered the lives of modern children. A longitudinal cross-cultural study of the cognitive development of children led by Alexander Veraksa showed that the possibility of "spending as much time as they want" playing with digital gadgets adversely affects the cognitive development of preschoolers and primary schoolchildren. And it's not so important whether the child uses a gadget passively, i.e. simply watches a video, or actively, by using educational applications. According to the scientist, unrestrained interaction with gadgets can lead to aggression at school age and problems with emotional development, which indicate a lack of socialization and anger management skills.

Forbidding gadgets is not an option. "The situation of stopping or setting an obstacle in the way of an activity is adverse," says Alexander Veraksa, "our studies show that children's games are already saturated with digital content, and if a child is deprived of access to gadgets, he will have difficulty integrating into the children's community." The scientist proposes to adhere to a reasonable strategy, that is, not to prohibit, but to control time spent in the digital world, or, even better, to join the child: "Parents should make sure that the child does not spend time in front of the screen alone — this is an experience of shared empathy, a transmission of certain semantic and value-related contexts that a child cannot recognize without an adult."

When a child constantly interacts with gadgets, there is also a "danger of the adult being "squeezed out" of the picture as an authority, because — what use is the adult if everything can be found on the web?" "Everything can be found," Alexander Veraksa stresses, "but there's a question of developing the child's personality, shaping his values and his ability to structure information." It is for those purposes that adults will need to plunge into the digital world together with their children.

In pursuit of content

The results of the scientist's research prove that the key role in the development of the child is not played by the external material environment, but by the specifics of the child's interaction with the adult. In his opinion, joint activity brings the adult and the child closer together in a productive way, since "it involves expressing the result as a social product, an action, and it instills confidence in both the child and the adult."

"An adult should enable the child to take an initiative, support it and help shape it into a productive activity," the scientist explains, "in particular, if a child is interested in something, the adult should help him dive into the subject so that the child with his support becomes an expert on that issue and is able to share the new content with his peers, to be of interest to them." Parents often try to give the child as much content as possible — they take the children to dozens of hobby groups: "On the one hand, it is harmless, but the problem is that in pursuit of specific skills, the development of cultural skills which could subsequently help the child structure any content recedes to background or even gets lost."

Alexander Veraksa is sure that children should be kept busy, but their activities should be meaningful: "Unfortunately, parents often structure the child's day as much as possible, taking him from hobby group to hobby group, so that there is no time for discussion and reflection on the activities." It turns out that in matters of development of your child you need to adhere to the principle "better fewer, but better". The important thing is not the number of hobby groups but the involvement of an adult in this process.

The results obtained by Alexander Veraksa formed the basis of the Key to Learning continuing education program (in English), according to which more than eight thousand teachers and more than 106 thousand children from Singapore, Poland, Thailand, the USA, England, Wales, Scotland, South Africa, Puerto Rico, India, Malaysia, Philippines, Indonesia, Israel were trained from 2012 to 2018.

See below for the English version of the article

Искусственный интеллект – основа новой экономики

Игорь Анатольевич Соколов,
директор Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, декан факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН

Андрей Юрьевич Зотов,
управляющий партнер ADJ Consulting, эксперт Института развития интернета

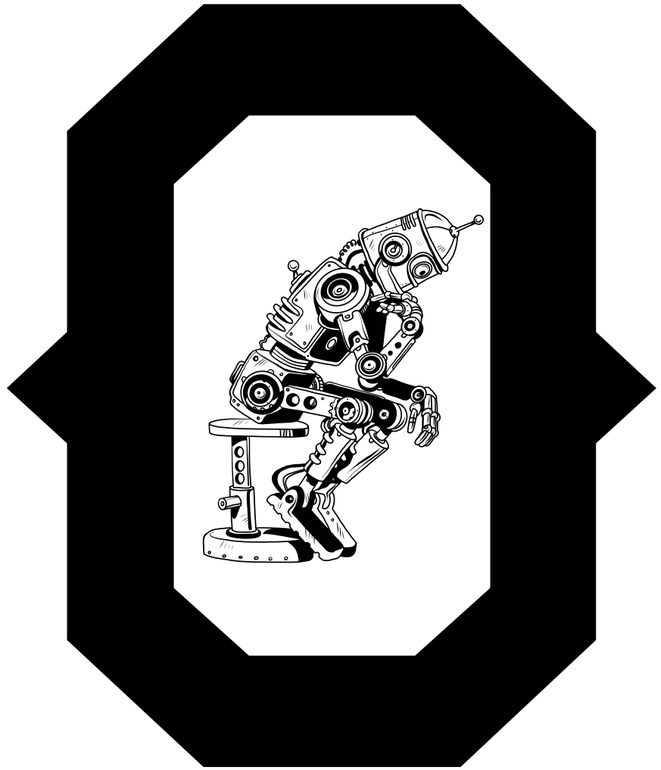
Роботы, большие данные, нейросети и другие цифровые технологии прочно связаны в общественном сознании с таким понятием, как искусственный интеллект. В чем важность развития ИИ для экономики России? Что каждый из нас может получить от внедрения искусственного интеллекта? Есть ли риски?

See below for the English version of the article

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте, эксперт РАН, д. э. н., профессор

Counterview (англ., каунтервью) — противоположная точка зрения.

See below for the English version of the article



Бодрунов: Об искусственном интеллекте у нас в последнее время говорят на самом высоком уровне. Президент России назвал развитие искусственного интеллекта одним из ключевых направлений технологического развития, которое определяет будущее, в том числе экономическое будущее страны. В ближайшие месяцы, как известно, стартует проект правительства России и Сбербанка по внедрению искусственного интеллекта в разные сферы. По оценкам Минэкономразвития, если мы внедрим искусственный интеллект в том масштабе, в котором предполагается, это даст нам примерно 1% прироста производительности труда. А, собственно, о каких сферах может идти речь? Где ИИ может иметь наиболее эффективное приложение, если речь идет о росте высокотехнологичной экономики?

СОКОЛОВ: "МЫ НАУЧИЛИСЬ ИЛИ УЧИМСЯ УПРАВЛЯТЬ ПРОИЗВОДСТВАМИ, КОТОРЫМИ ПРЕЖДЕ НЕ УМЕЛИ УПРАВЛЯТЬ"

Соколов: Как мне кажется, искусственный интеллект — это обозначение для некоторого глубинного процесса, который происходит сейчас в обществе в целом. Так называемый научно-технический прогресс начался примерно 350 лет назад. Старт этому прогрессу, на мой взгляд, дали труды таких ученых, как Ньютон и Лейбниц, совершенно определенные труды. Именно эти два человека создали инструмент под названием дифференциальное исчисление. И если посмотреть на последующие успехи в технике, в технологиях, а значит, и во всех остальных сферах жизни, то мы увидим, что все благодаря этому инструменту — дифференциальному исчислению…

Бодрунов: Да, интересный взгляд на процесс.

Соколов: Двигатели — цикл Карно, все успехи в прогнозировании климата, в химии, в сельском хозяйстве — это не более чем успехи в качественном решении уравнения Навье — Стокса, успехи в ядерной физике, успехи в космологии — это, конечно, уравнение Шредингера и все, что вокруг этого. И действительно, мы очень активно, я бы сказал, взрывно развивались. Кстати, именно тогда Ньютон написал Лейбницу зашифрованное письмо, которое до сих пор интересно расшифровывать. Основная мысль такая — весь мир описывается дифференциальным уравнением. И это главное достижение Ньютона...

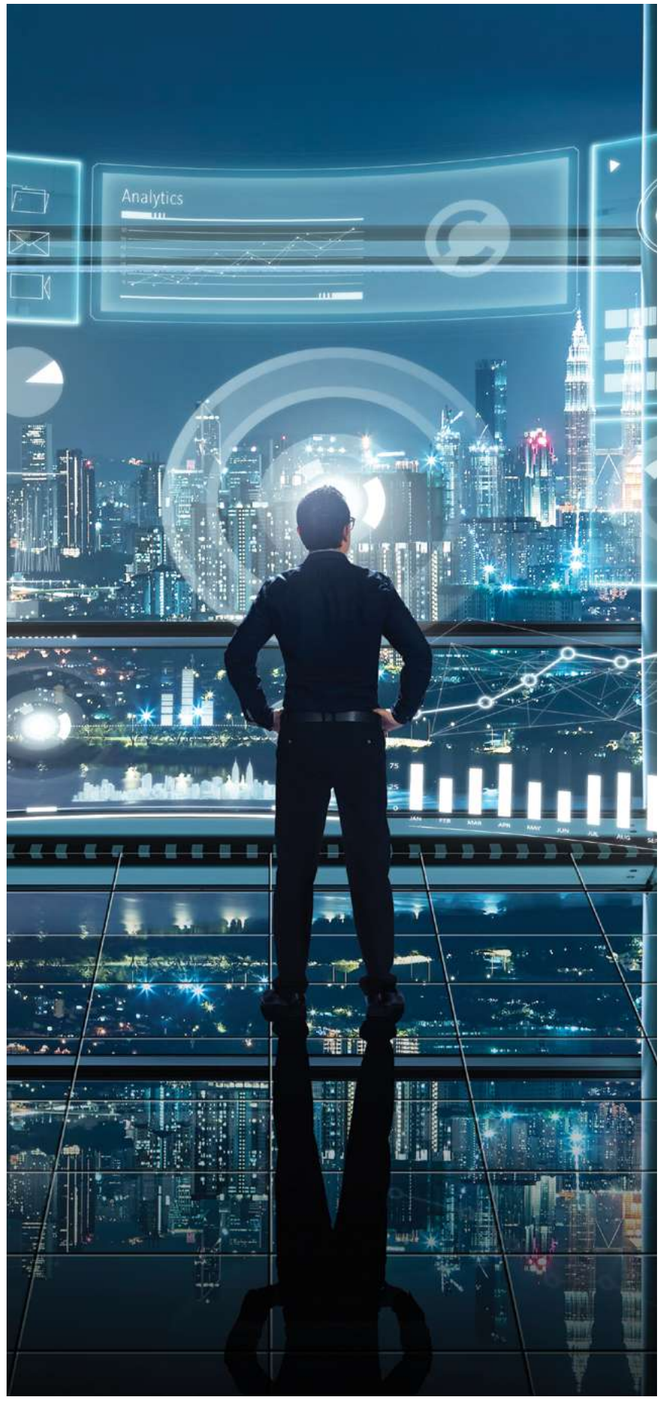
Бодрунов: А не та известная история с яблоком...

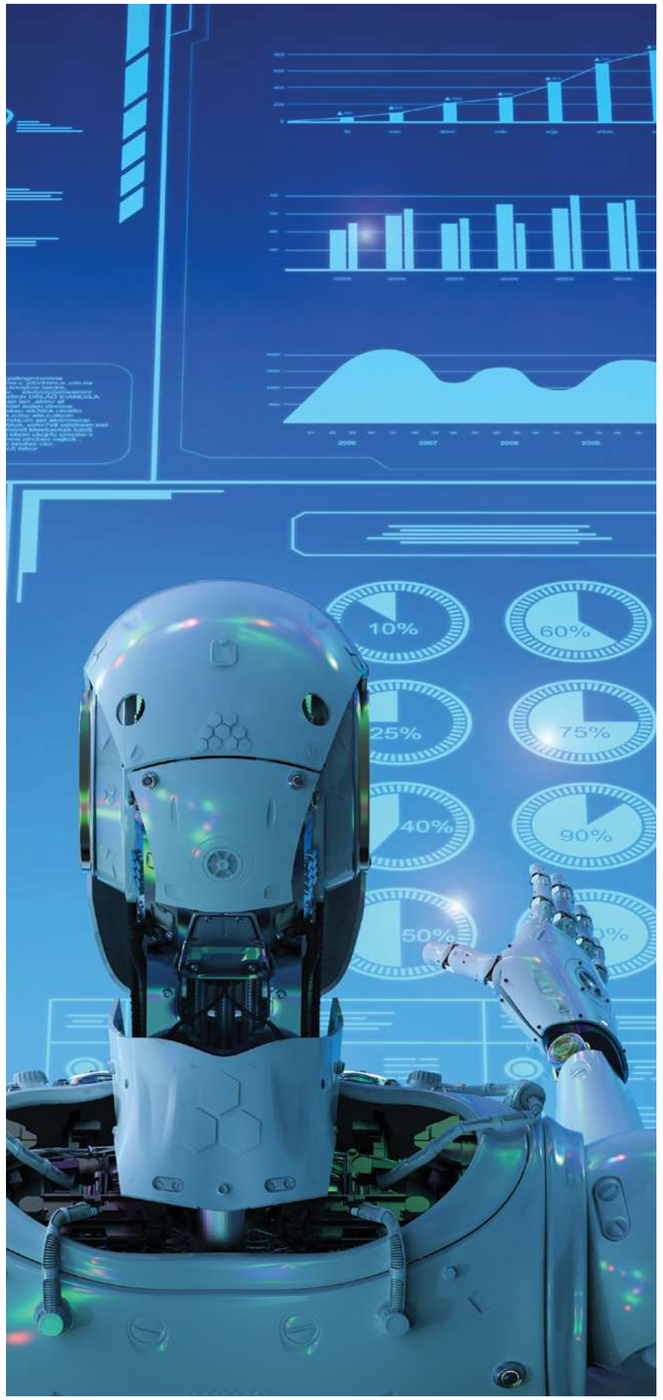
Соколов: С яблоком, конечно, анекдот, утрирование, хотя яблоко было на самом деле… Так вот, следующий толчок — это, конечно, 50-е годы XX века, появление вычислительной техники. Собственно, что произошло: мы научились быстро и точно находить решение дифференциальных уравнений. До этого мы их находили, но медленно и не всегда точно. А теперь быстро и точно, благодаря электронно-вычислительной технике. И мы видим, какой всплеск, какой взрывоподобный прогресс начался в технике. А наряду с этим одновременно мы стали осознавать, что есть процессы и объекты в окружающем мире, которые не поддаются описанию дифференциальными уравнениями. Это принципиальный момент.

Вот перед вами лежит листок бумаги. Никаким дифференциальным уравнением вы его не опишите. Однако же, согласитесь, что именно там все достижения человеческой мысли — в письменном виде, в речи, которая дифференциальными уравнениями не описывается. Мозг человека — еще один объект, который никак не поддаётся описанию этим инструментом. Сюда же можно отнести поведение людей, особенно с появлением социальных сетей. И это породило необходимость создания новых инструментов, в первую очередь математических. И именно эти инструменты получили название «искусственный интеллект». То есть мы сегодня с вами являемся свидетелями зарождения, как было и 350 лет назад, нового математического инструмента описания объектов и процессов. 150 лет назад математик Абель доказал, что никакое уравнение выше четвертой степени не имеет алгоритма решения — это обычный математический результат, строгий математический результат. Это значит, что не существует станков, теоретически, пятикоординатных, а они есть, теоретически не может быть манипуляторов — роботов с 9 степенями свободы, но они есть.

Это и есть предмет той зарождающейся науки, которая называется искусственным интеллектом. Появились новые логики. Мы с вами все прекрасно пользуемся индукцией, дедукцией, даже школьники пользуются этими методами. Сейчас новые логики возникают в математике, которые являются как раз предметом того, что мы называем искусственным интеллектом: абдукция, например, и другие.

А это означает, что появились и новые экономические инструменты. Мы научились или учимся управлять производствами, которыми до сих пор не могли управлять, если грубо говорить. Например, выплавка тонких насыщенных металлов, различных сплавов — конечно, это один из предметов искусственного интеллекта. Управление удаленными объектами. Если космический корабль улетает на расстояние, когда сигнал распространяется дольше, чем 250 миллисекунд, то оказывается, что времени на принятие решения меньше, чем…





Бодрунов: Да, чем потом реакция...

Соколов: Это тоже предмет для работы искусственного интеллекта. И так далее, и так далее. Мы живем в интересное время.

Бодрунов: То есть это многие интересные области применения, которые, собственно говоря, являются вызовами для современной экономики.

Соколов: Так же как вся экономика есть предмет работы дифференциальных уравнений, при этом дифференциальные уравнения никуда не уйдут, они будут развиваться, им жить и жить века.

Бодрунов: Андрей Юрьевич, у нас есть национальный проект «Цифровая экономика», известный всем. Реализация должна быть завершена в 2024 году. И там, конечно, есть разные разделы, в том числе искусственный интеллект. Скажите, какое-то продвижение мы уже имеем в этом направлении?

Зотов: Тут важно отличать то, что я хочу рассказать, от того, что говорил Игорь Анатольевич. Он в целом дал инструментальное, если можно так выразиться, определение отрасли. Но существует и феноменологическое определение того, чем занимается большая группа исследователей, инженеров и ученых, выражающееся в приложениях, которые мы применяем повседневно…

Бодрунов: Да, как говорил один мой знакомый инженер, хорошо говорить теоретически, а как это будет в железе?

Зотов: Да, или хотя бы в программном обеспечении. Так вот, в этой области национальная технологическая инициатива охватывает более 20 направлений, так или иначе ассоциирующихся с искусственным интеллектом. И когда нашей компании посчастливилось в прошлом году делать исследование рынка в этом направлении, мы обнаружили более сотни организаций, которые тот или иной элемент искусственного интеллекта развивают для решения прикладных задач. И это было очень радостно и интересно для нас, потому что обнаружилось, что фронт, которым двигаются эти многочисленные исследователи, достаточно широк. Многие из их результатов уже используются в практической деятельности. Но я совершенно согласен, что не существует интегрального определения отрасли, которое можно кратко уложить буквально в одну фразу. Это примерно как ядерная физика начала XX века — то, чем занимались Резерфорд и его коллеги.

ЗОТОВ: "И УДИВИТЕЛЬНО КАК РАЗ ТО, ЧТО ЧАСТО РАЗДАЮТСЯ ПУГАЮЩИЕ ПРОГНОЗЫ О РАЗВИТИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА"

По сути своей, отрасль искусственного интеллекта сейчас подвержена определенному, если угодно, искаженному отображению, потому что часто авторы, журналисты, частные лица описывают его как некоторое принципиально меняющее человеческую сферу деятельности воздействие.

Бодрунов: Причем каждый описывает со своей точки зрения, исходя из своего опыта.

Зотов: Конечно. И удивительно как раз то, что часто раздаются негативные или попросту пугающие прогнозы на этой основе, что, мне кажется, является проявлением, что ли, обычного человеческого предубежденного мышления.

Бодрунов: Да, что непонятно, то ужасно.

Зотов: Так вот, мне очень радостно, что наша страна придает высокое значение развитию различных направлений искусственного интеллекта. Потому что как раз познание этой отрасли и приводит к пониманию ее эффектов и, соответственно, нивелирует негативные прогнозы, которые постоянно приходится слышать как в массовой информации, так и от людей.

Бодрунов: Страшилки.

Зотов: Конечно, страшилок нужно избегать. И у нас в стране накоплено уже достаточно много в этом направлении. То, что буквально два дня назад была принята стратегия развития искусственного интеллекта, — тоже один из шагов, который придает дополнительный вес таким исследованиям. В терминах, которые использует наша компания, этот документ, может быть, не содержит целеполагания и изложения совокупности взаимосвязанных задач, которые нужно решить для достижения целей. То есть с этой точки зрения, возможно, он формально и не является стратегией. Но он является декларацией принципов, на которых эта стратегия должна быть построена правительством.

А возвращаясь к определению отрасли, я хочу сказать, что даже те ученые, которые глубоко находятся в этой тематике, зачастую избегают прямых и коротких формальных определений. И поэтому мы находимся сейчас за фронтиром в области искусственного интеллекта. Направления исследования расходятся иногда совершенно в разные стороны. Но, поскольку это постоянно обсуждается среди тех, кто занимается такими разработками, мы шаг за шагом вырабатываем свое отношение к получаемым результатам. И это предохраняет как раз от того, чтобы пугать себя или запугивать остальных.

Бодрунов: Когда вот эти все страшилки доходят до людей, которые принимают законы, какие-то инициативы вносят и так далее, и начинается бурное обсуждение, вот тогда и начинают возникать проблемы, которые непросто решить. В частности, какие-то этические моменты, проблемы получения и обработки big data, доступность личных данных, которые используют многие системы искусственного интеллекта, предлагаемые к реализации, и так далее. Вот вы — специалисты, вы прекрасно понимаете, что, чем дальше мы будем двигаться по этому пути, тем больше таких проблем будет возникать. Что сегодня важно для того, чтобы они как-то оперативно были решены? Это же на самом деле тормозит реальное развитие искусственного интеллекта.

Соколов: Больше 30 лет назад мы были примерно в такой же ситуации, когда стало понятно, что необходимо развивать отрасль вычислительной техники. В 1983 году было два постановления тогдашнего ЦК Коммунистической партии и Совета Министров: одно — о развитии вычислительной техники в Советском Союзе, другое — о развитии математики. Мне кажется, вот это замечательный подход — правильный подход к решению подобных проблем.

Бодрунов: Абсолютно согласен.

Соколов: Все остальное — технологии, промышленность — это уже производные. Поэтому сегодня, конечно, в первую очередь надо обратить внимание

СОКОЛОВ:

«В 1983 году были два постановления тогдашней Коммунистической партии и Совета Министров: одно — о развитии вычислительной техники в Советском Союзе, другое — о развитии математики».

See below for the English version of the article

ЗОТОВ: "ПРОЦЕСС УЖЕ ИДЕТ, НО, К ЧЕМУ МЫ ПРИДЕМ В ИТОГЕ В ЭТОМ ИЗМЕНЕНИИ СИСТЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫСОКИХ ЗНАНИЙ И ПРИОБРЕТЕНИЯ НОВЫХ НАВЫКОВ, ПОКА ПРЕДСКАЗАТЬ ТРУДНО"

на то, что именно фундаментальные исследования заложат основу будущего успеха, будь то технологии искусственного интеллекта, либо как-то по-другому мы это будем называть — большие данные, нейросетевые технологии, все что угодно. Это первое.

И второе — подготовка кадров. Вот это два вопроса, которые, безусловно, требуют вмешательства именно на государственном уровне. К сожалению, как мне представляется, недостаточно внимания уделяется фундаментальным исследованиям. И как следствие, мы начинаем готовить людей не к научным исследованиям, а к использованию уже готовых инструментов и технологий, что тоже нужно, но…

БОДРУНОВ:

«Есть кадровая проблема — это очень важно подчеркнуть. Есть подход, который должен быть реализован в качестве базового, что ли, — корреляция фундаментальной науки и прикладной части».

Бодрунов: Но без первой части это не будет работать как следует.

Соколов: Совершенно верно. На ряде факультетов Московского государственного университета уже началась подготовка специалистов в смежных, близких областях. Это различные факультеты — это не только мехмат и ВМК…

Бодрунов: Это и Ваша заслуга, и ректор у нас математик…

Соколов: Конечно, это в первую очередь заслуга Виктора Антоновича Садовничего. Формируются школы научные, в том числе уже и школы по искусственному интеллекту. Вот этому примеру, конечно, надо следовать. Безусловно, Академия наук здесь не на вторых ролях.

Бодрунов: Есть кадровая проблема — это очень важно подчеркнуть. Есть подход, который должен быть реализован в качестве базового, что ли, — фундаментальная наука и прикладная часть, применение. В некоторых отношениях развитие идет стремительно, поэтому эти направления не должны отставать друг от друга, они должны быть вместе. И наш советский опыт в том числе нельзя здесь сбрасывать со счетов. А что сейчас те люди, которые принимают решения, куда и как они нас ведут?

Зотов: Дело в том, что при том темпе смены технологий, парадигм научных, в котором мы существуем сейчас, образование, по-видимому, уйдет от сугубо университетских рамок и превратится в постоянную инкрементальную систему получения дополнительных знаний и навыков.

Бодрунов: Абсолютно с вами согласен.

Зотов: Этот процесс уже идет, и, кстати, МГУ здесь играет вполне определенную, ясную роль. Но к чему мы придем в итоге в этом изменении системы достижения высоких знаний и приобретения новых навыков, пока предсказать трудно. И это потребует своего регулирования и своих отдельных планомерных изменений социального плана. А вот говоря о той проблеме, что Вы затронули, о юридическом обосновании процессов, связанных с искусственным интеллектом…

Бодрунов: Это то, с чем мы сегодня сталкиваемся на практике.

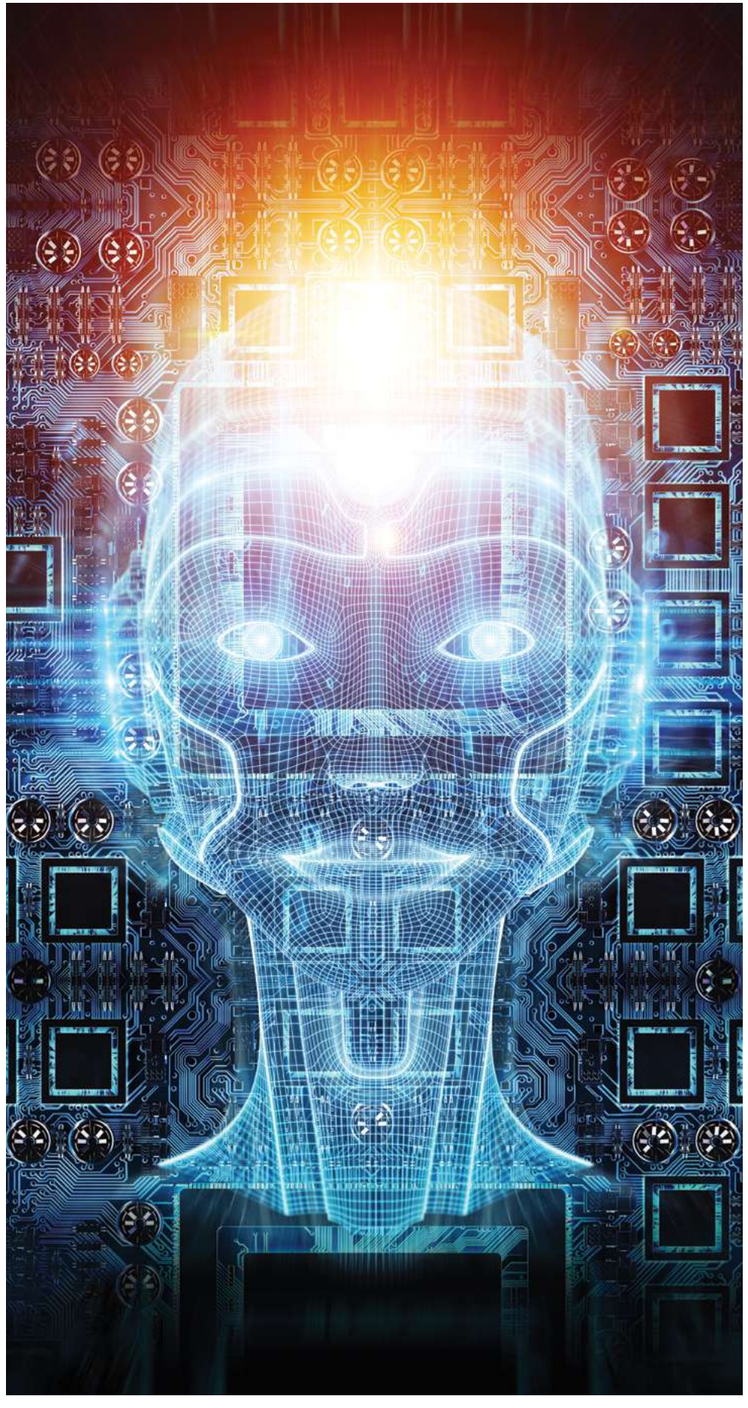
Зотов: Это то, что потребуется уже завтра. Я бы хотел упомянуть проблему аутентификации личности, которая решается во многом средствами как раз искусственного интеллекта. И сегодня во многих взаимодействиях людей, например, с банком в платежном пункте, в розничной сети, там, где мы получаем документы, необходимые для подтверждения или получения каких-то прав, в принципе, было бы достаточно аутентификации личности, а все эти многочисленные справки получались бы непосредственно в момент обращения автоматически. Причем мне не нужно ее забирать в качестве документа и передавать в орган, который выполняет некоторую функцию.

Бодрунов: Да, он уже имеет сам возможность добыть документ, рассмотреть и предъявить.

Зотов: Конечно. Вот это направление использования средств искусственного интеллекта, безусловно, заслуживает регулирования, потому что пространство для злоупотребления в этой области, очевидно, безгранично.

Бодрунов: Вы абсолютно правы: вспомним хотя бы недавнюю историю, которая касается аутентификации. Человек едет на автомобиле, пожалуйста,

See below for the English version of the article



система искусственного интеллекта, через видеокамеру посмотрели, определили, сразу о нем есть вся информация. Люди протестуют.

Зотов: Это логично.

Бодрунов: Да, это частная информация: куда я еду, зачем я еду, почему, с кем и так далее — это все становится публичным фактически.

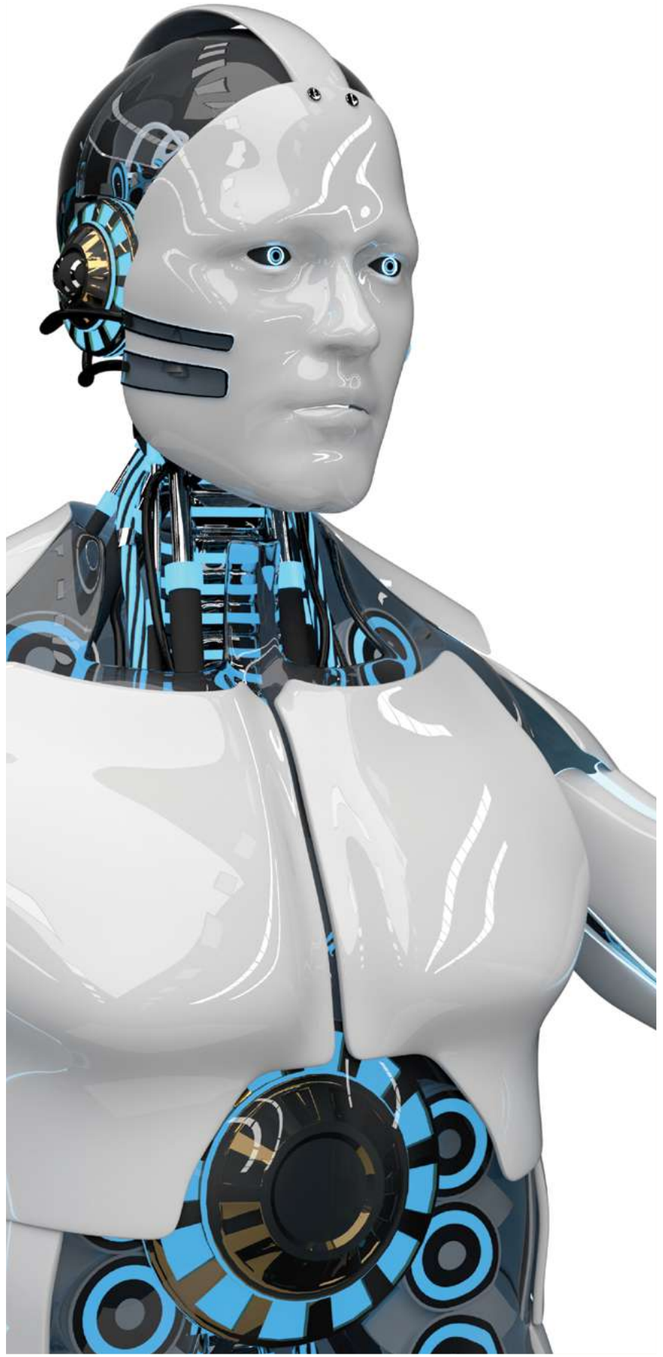
Зотов: Безусловно, наделение государственной системы столь мощными средствами аутентификации личности не может не сопровождаться защитой прав гражданина.

Бодрунов: Поэтому и необходимо правовое решение.

Зотов: Конечно. То есть в каких-то ситуациях любой гражданин должен уметь надеть некую информационную паранджу, то есть сказать, вот сейчас, путешествуя пешком по этому лесопарку, я хочу, чтобы меня не узнавал никакой дрон, никакая камера, встроенная в фонари. Я хочу быть частным лицом без аутентификации. Это обеспечение прав граждан. И это как раз аспект законодательного закрепления новых феноменов, связанных с искусственным интеллектом, в нашей жизни.

Но возникают и огромные этические проблемы. Давайте рассмотрим ситуацию, при которой человек начинает последовательно встраивать в свой организм некоторые элементы искусственного интеллекта, например, при плохом зрении заменять глаза на бионический глаз. Продолжая это при помощи нехитрой экстраполяции, мы можем дойти до границы, на которой будет не до конца очевидно, является ли эта личность естественной, натуральной, полностью обладающей правами гражданина, или уже превратилась в искусственную сущность, стала андроидом, который, наверное, тоже должен обладать каким-то набором прав. И задумываться о том, какие права мы выделим для искусственных сущностей, управляемых искусственным интеллектом, уже пора, потому что горизонт планирования появления так называемого сильного искусственного интеллекта, который в состоянии функционировать в обществе, достаточно короткий, это 30–40 лет.

See below for the English version of the article



Бодрунов: То есть такого, который сможет создавать задачи сам для себя.

Зотов: Да, есть известная гипотеза о возникновении некой точки сингулярности. И многие опасаются ее, потому что после того, как искусственный интеллект сможет развивать себя сам, считается, что мы не сможем участвовать в этом процессе,и не можем предсказать результат его развития.

Бодрунов: Как сказал один специалист, выступавший у нас на одном из мероприятий, рано или поздно мы можем прийти к ситуации, когда искусственная личность скажет: «Зачем нам естественная личность? Она нам мешает развиваться, ей требуются слишком много биоресурсов и много чего другого. А пользы для нынешней цивилизации никакой». Может быть, мы должны опасаться и такой ситуации?

Зотов: Ну, это как минимум. Давайте отдадим себе отчет в одной простой, но очень глубинной отличительной черте нас от искусственного интеллекта: мы конечны во времени. Мы рождаемся, живем и умираем. Искусственный интеллект, будучи однажды создан, существует до тех пор, пока есть электропитание.

Бодрунов: Или не расплавится металл, из которого собрана микросхема.

Зотов: Я думаю, сильный искусственный интеллект вряд ли будет зависеть от какой-то одной локации.

Бодрунов: Сам будет себя ремонтировать.

Зотов: Судя по всему, что мы знаем, это будет сетевая структура, живущая в распределенном режиме. Поэтому гибель одной микросхемы вряд ли здесь скажется.

Соколов: Все новые инструменты, естественно, вызывают обсуждение, пока они не войдут в нашу жизнь как что-то естественное, например, как автомобиль. Ведь автомобиля тоже боялись.

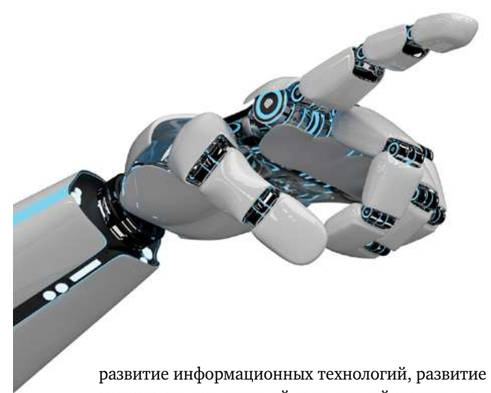
Бодрунов: Да, было время, когда перед автомобилем бежали с колокольчиком и звонили. А сегодня обычны и самолеты, и космические корабли.

See below for the English version of the article

ЗОТОВ: "ЕСТЬ ИЗВЕСТНАЯ ГИПОТЕЗА О ТОЧКЕ СИНГУЛЯРНОСТИ, ПОСЛЕ КОТОРОЙ ИИ СМОЖЕТ СОЗДАВАТЬ СЕБЯ САМ"

Поэтому, мне кажется, эти страшилки естественным образом возникают и естественным образом кончатся. Наша задача, по крайней мере, научного и образовательного сообщества — это готовить инструменты, правильно ориентировать власти, в каком направлении поддерживать те или иные исследования. Скажем, в той же стратегии, которую утвердил президент, декларируется создание к 2024 году микропроцессорной элементной базы мирового уровня.

Соколов: Но вот есть один момент, о котором Вы, Сергей Дмитриевич, сказали, — безопасность. Безотносительно искусственного интеллекта, просто



развитие информационных технологий, развитие средств вычислительной техники действительно может привести к очень серьезной проблеме, когда объект будет и создаваться, и идентифицироваться одними и теми же вычислительными ресурсами. И вот это уже на самом деле серьезная проблема. Ну, она, как мне представляется, имеет простое решение. В этом мире не существует закрытой информации.

Бодрунов: Рано или поздно все тайное становится, как известно, явным…

Соколов: Ничего тайного просто не будет. Мы должны готовиться именно к этому.

Зотов: Ведь мы об этом и говорим: социальные страхи и впечатления, которые Игорь Анатольевич справедливо назвал страшилками, они тоже должны получать отклик от государства, потому что они могут стать материальной силой, например, препятствием развитию технологий.

Бодрунов: Я, честно говоря, не зря затронул этот вопрос насчет страхов общественных. У нас в Вольном экономическом обществе есть библиотека, куда поступают разнообразные книги по экономике или связанные так или иначе с экономикой. В этой библиотеке известная, достаточно популярная сегодня книга Марка О'Коннела «Искусственный интеллект и будущее человечества», и подзаголовок «Вы не умрете». Немного провокационный и требующий размышления. Книгу написал не специалист в сфере искусственного интеллекта. Это, скорее, историк искусственного интеллекта. И здесь многое, в том числе о тех страшилках, которые мы сегодня с вами обсуждали. Но у нас есть и другая книга — Макса Тетмарка «Жизнь 3.0», подзаголовок «Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта». «Вы не умрете» и «Жизнь 3.0» в чем-то пересекаются, но это взгляд другой…

Зотов: Это уже от ученого.

Бодрунов: Это взгляд академического специалиста, ученого, который, на самом деле, так же, как у нас уважаемый Игорь Анатольевич, смотрит на эту проблему с точки зрения фундаментальной науки. И вот эти вещи надо, конечно, действительно, изучать, исследовать фундаментально, обстоятельно. Уважаемые коллеги, я хочу еще напомнить, что Андрей Юрьевич является соавтором очень известной хорошей книги, коллективной монографии «Вызов 2035». Это о том, что же будет к 2035 году, как нам придется жить в эту эпоху.

Зотов: Очень интересно было бы рекомендовать эту книгу как раз как попытку показать искусственный интеллект в мультифасеточном взгляде разных категорий специалистов, писателей, экономистов, который в сумме может дать обобщенное впечатление.

Бодрунов: Благодарю вас, коллеги, за ваше время и ваши ценные мнения. Всего доброго, до новых встреч!

БОДРУНОВ:

«Рано или поздно искусственная личность может подумать: зачем нам натуральные люди, которые мешают развиваться, потребляют много энергии, биоресурсов, а пользы в нынешней ситуации — никакой».

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IS THE BASIS OF THE NEW ECONOMY

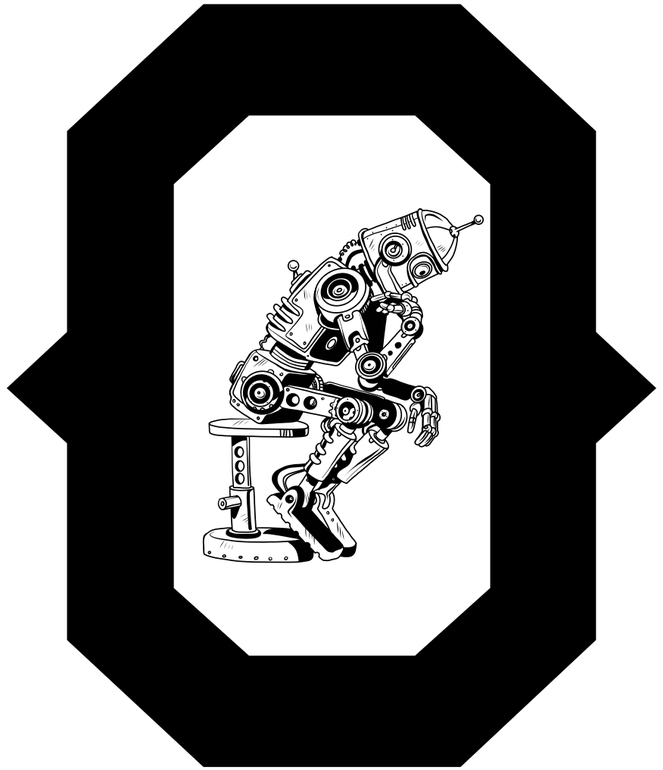
Sergey Bodrunov,
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor

Igor Anatolyevich Sokolov,
Director of the Informatics and Management Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics of Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences

Andrei Yurievich Zotov,
Managing Partner of ADJ Consulting, Expert of the Internet Development Institute

Robots, big data, neural networks and other digital technologies are firmly connected in the public mind with the concept of artificial intelligence. What is the importance of AI development for the Russian economy? What can each of us get from the introduction of artificial intelligence? Are there any risks?

Counterview (англ., каунтервью) — противоположная точка зрения.



Bodrunov: We have recently had some highest-level talks about artificial intelligence. The President of Russia called the development of artificial intelligence one of the key areas of technological development which determines the future, including the economic future of the country. As you know, the project of the Russian government and Sberbank for the introduction of artificial intelligence in various fields will be launched in the coming months. According to the estimates of the Ministry of Economic Development, if we introduce artificial intelligence on the proposed scale we will supposedly get about 1% increase in labor productivity. In fact, which areas will be affected? Where can AI have the most effective application when it comes to the growth of a high-tech economy?

Sokolov: It seems to me that artificial intelligence is a designation for some deep-rooted process that is currently occurring in our society as a whole. The so-called scientific and technological progress began about 350 years ago. The progress, in my opinion, was triggered by the specific works of such scientists as Newton and Leibniz. It was those two people who invented calculus. And if you look at subsequent successes in engineering, technology, and, therefore, in all other areas, we will see that everything is based on calculus...

Bodrunov: Yes, it's an interesting view of the process.

Sokolov. Engines — the Carnot cycle, all successes in predicting climate, in chemistry, in agriculture — it's nothing but success in finding a qualitative solution of the Navier-Stokes equation, success in nuclear physics, success in cosmology — it's, of course, the Schrödinger equation and everything that goes with it. Indeed, we are developing very actively, I would say, explosively. By the way, Newton wrote Leibniz an encrypted letter, which is still fun to decrypt. The basic idea is this: the whole world can be described by a differential equation. And it is Newton's main achievement...

Bodrunov: Rather than the incident with an apple ...

Sokolov: The apple is, of course, a joke, an exaggeration, although the story is true... So, the next push was, of course, in the 1950s, during the advent of the computer. Actually, what happened is that we learned to quickly and accurately find solutions to differential equations. Before that, we found them, but slowly and not always accurately. And now we can do it quickly and accurately, thanks to the electronic computing technology. And we saw a surge in technological development. At the same time, we began to realize there are processes and objects in the world that cannot be described by differential equations. It is a fundamental point.

Here, in front of you lies a piece of paper. You cannot describe it with any differential equation. However, you must admit it contains all the achievements of human thought in writing, in speech, which cannot be described by differential equations. The human brain is another object that cannot be described in any way with that mathematical tool. Nor can the behavior of people be described, especially with the advent of social networks. And it gave us the need to create new tools, primarily mathematical ones. And it is those tools that are called "artificial intelligence". Today, like 350 years ago, we are witnessing the emergence of a new mathematical tool for describing objects and processes. 150 years ago, the mathematician Abel proved that no equation above the fourth degree has a solving algorithm — it is simply a mathematical statement, a strict mathematical result. It means that, theoretically, there can be no five-axis machines, no robotic manipulators with 9 degrees of freedom, yet they do exist.

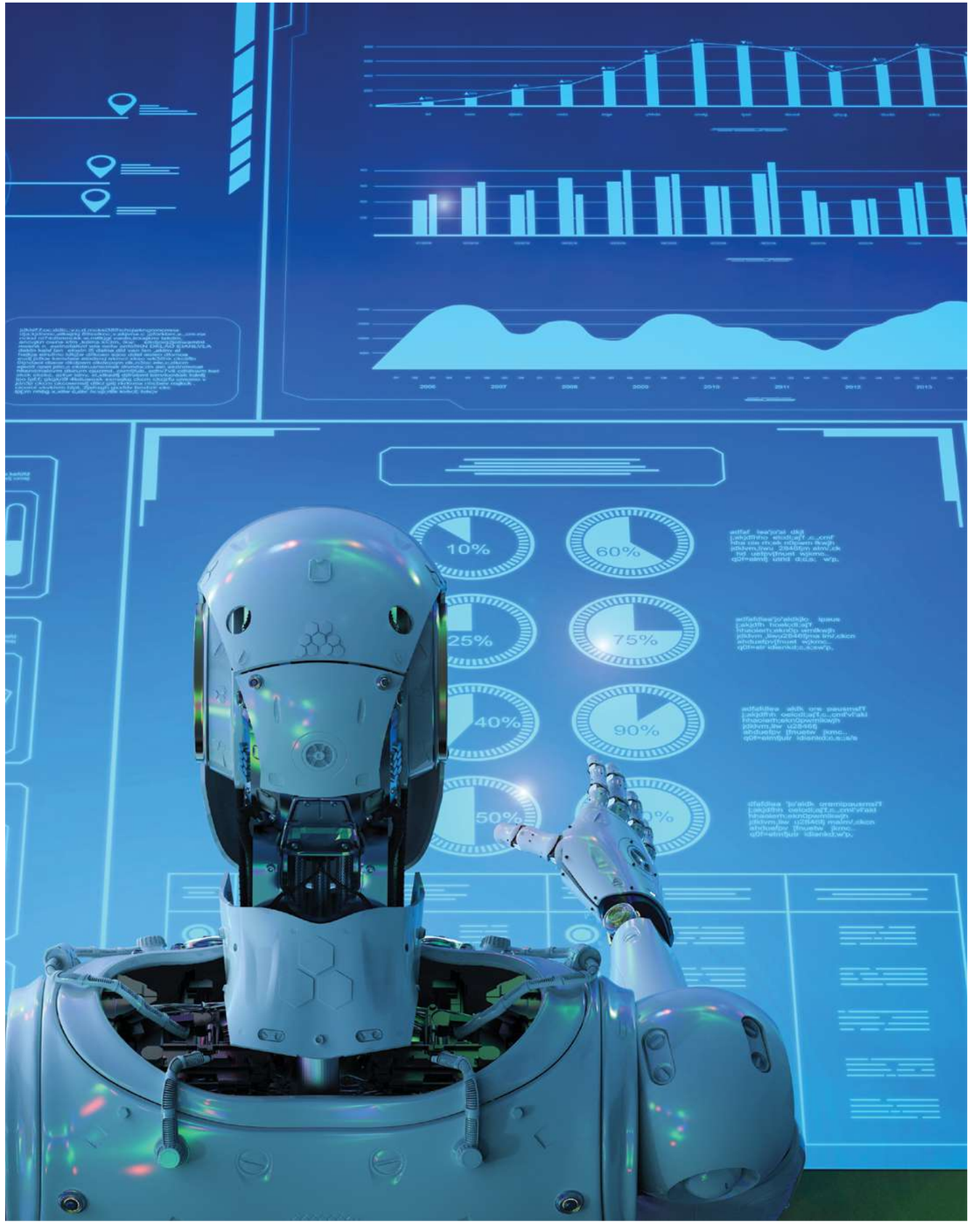
This is the subject of the nascent science called artificial intelligence. There are new types of logic. We all use induction, deduction, even schoolchildren can use those methods. Now new logics emerge in mathematics, which are the subject of what we call artificial intelligence: abduction, for example, and others.

And this means that new economic instruments have appeared. We have learned or are learning how to manage production facilities, which previously we were unable to manage, roughly speaking. For example, the smelting of thin saturated metals, various alloys — of course, it's one of the uses of artificial intelligence. Managing remote facilities. If a spaceship is so far from us that a signal has to travel for more than 250 milliseconds, then the time for making a decision is shorter than ...

Bodrunov: Than the time of subsequent reaction ...

Sokolov: That's where artificial intelligence can also be used. And so on and so forth. We live in interesting times.

SOKOLOV: "IT SEEMS TO ME THAT ARTIFICIAL INTELLIGENCE IS A DESIGNATION FOR SOME DEEP-ROOTED PROCESS THAT IS CURRENTLY OCCURRING IN OUR SOCIETY AS A WHOLE".



OUR COUNTRY ATTACHES GREAT IMPORTANCE TO THE DEVELOPMENT OF VARIOUS ARES OF II

Bodrunov: You mean it has many interesting fields of application, which, in fact, are challenges for the modern economy.

Sokolov: Just as the whole economy is the subject of differential equations; differential equations are not going anywhere, they will be developing, they will live on and on for centuries.

Bodrunov: Andrey Yuryevich, we have a national project called "Digital Economy", which is known to everyone. Its implementation should be completed in 2024. Of course, it includes different sections, particularly artificial intelligence. Tell me, have we already had any progress in that area?

Zotov: It is important to distinguish what I want to say from what Igor Anatolyevich said. On the whole, he gave what I may call an instrumental definition of the industry. But there is also a phenomenological definition of what a large group of researchers, engineers and scientists do, which manifests in applications that we use on a daily basis...

Bodrunov: Yes, as one engineer friend of mine said, it's good to speak theoretically, but will the hardware work?

Zotov: Or at least software. The national technological initiative covers more than 20 areas, which are associated with artificial intelligence in one way or another. And when last year our company was lucky enough to do market research in those areas, we found more than a hundred organizations that have been developing various elements of artificial intelligence to solve some practical problems. We were very happy to see this because it turned out that those numerous researchers were making quite a wide sweep. Many of their results are already being used in practice. But I completely agree that there is no holistic definition of the industry that could literally fit in a single phrase. It's like nuclear physics at the beginning of the 20th century — something that Rutherford and his colleagues did.

In essence, the artificial intelligence industry is now subject to a certain distortion, because authors, journalists or simply individuals often describe it as some kind of influence that will fundamentally change the human sphere of activity.

Bodrunov: Moreover, everyone describes it from their point of view, based on their own experience.

Zotov: Of course. And what is surprising is the fact that negative or simply scary forecasts are abundant which seems to be simply a manifestation of biased human thinking.

Bodrunov: Yes, we fear what we don't understand.

Zotov: So, I am very glad that our country attaches great importance to the development of various areas of artificial intelligence. Because just knowing that industry leads us to understanding its effects, and, accordingly, eliminates the negative forecasts that are constantly being made by both individuals and the media.

Bodrunov: Horror tales.

Zotov: Of course, horror tales should be avoided. Our country has accumulated quite a lot in that area. The fact that a strategy document for the development of artificial intelligence was adopted just 2 days ago lends additional weight to the research. In terms that our company uses, the document may not exactly set the goals or present a set of interrelated tasks that need to be solved to achieve those goals. When you look at it that way, it is not a formal strategy. But it is a declaration of the principles on which such a strategy should be built by the Government.

Returning to the definition of the industry, what I want to say is that even those scientists who are deeply involved in this field often avoid direct and concise formal definitions. We are now behind the frontier in the field of artificial intelligence. Research areas sometimes branch in completely different directions. But, it is the subject of constant discussion among those involved in such work, we are developing step by step our attitude towards the results. And it prevents us from being afraid ourselves or scaring other people.

Bodrunov: When all these tales of horror are heard by the people who pass laws they introduce certain

THE NATIONAL TECHNOLOGICAL INITIATIVE

covers more than 20 areas, associated with the artificial intelligence in one way ore another.

Counterview

OVER 30 YEARS AGO, IN A SIMILAR SITUATION THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY ISSUED TWO DECREES ON THE DEVELOPMENT OF COMPUTER TECHNOLOGY.

initiatives and heated discussions ensue. Then problems begin to arise that are not easy to solve. In particular, ethical issues, problems of obtaining and processing big data, the availability of personal data that many of the proposed artificial intelligence systems are supposed to use, etc. You are specialists, you are well aware that the further we move along this path, the more numerous such problems will be. What is important today for quickly resolving those problems? They actually inhibit the actual development of artificial intelligence.

Sokolov: Over 30 years ago, in a similar situation, when it became clear that we needed to develop the computing industry in 1983, the then Central Committee of the Communist Party and the Council of Ministers issued two decrees: one on the development of computer technology in the Soviet Union, the other on the development of mathematics. It seems to me that this is a wonderful approach, a proper approach to solving such problems.

Bodrunov: I absolutely agree.

Sokolov: Everything else, technology, production, is of secondary importance. Therefore, today, first of all, we must pay attention to the fact that it is fundamental research that will lay the foundation for future success, whether it be artificial intelligence or we something else — big data, neural networks, anything. This is the first point.

And the second point is, of course, training. These are two issues that require intervention at the government level. Unfortunately, it seems to me, and that's my personal opinion, that too little attention is being paid to fundamental research. As a result, we are training people not for doing scientific research, but for using ready-made tools and technologies, which is also necessary, but ...

Bodrunov: But without the first part it will not work as intended.

Sokolov: Absolutely. A number of faculties at the Moscow State University have already begun training specialists in related fields. There are several such faculties — not only mechanical/mathematical and computing/cybernetics...

AT THE EXITING PACE

of technological change, the scientific paradigm in which we exist now, particularly education, will move away from a purely university framework and turn into a permanent incremental system for obtaining additional knowledge and skills. obtainingadditional aaaaddiadditional knowledge and skills.

Bodrunov: This is both your achievement and your mathematician rector's...

Sokolov: Of course, first of all, the credit goes to Viktor Anatolyevich Sadovnichy. Scientific schools are being formed, including artificial intelligence schools. This is an example that should be followed. Of course, the Academy of Sciences plays an essential role.

Bodrunov: There is a problem with personnel. It is very important to emphasize. There is an approach that should be implemented as a basic one — fundamental science and applied science. In some respects, development is progressing rapidly, so those two areas should not lag behind one another, they should be in sync. And our Soviet experience, among other things, cannot be disregarded. But what about the people who make decisions now, where and how can they lead us?

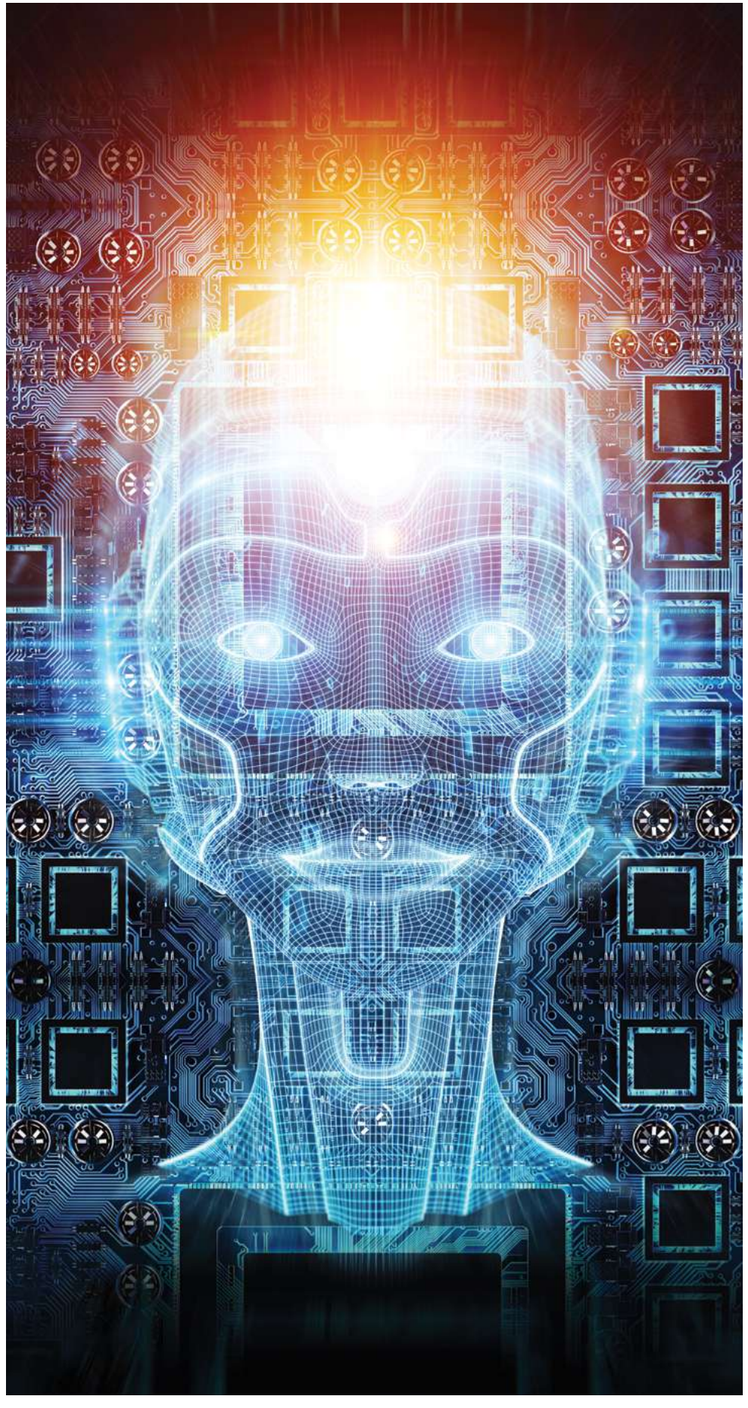
Zotov: Actually, at the exiting pace of technological change, the scientific paradigm in which we exist now, particularly education, will move away from a purely university framework and turn into a permanent incremental system for obtaining additional knowledge and skills.

Bodrunov: I absolutely agree with you.

Zotov: This process is already underway, and, as a matter of fact, the Moscow State University plays a very specific role. But what we will end up with given the changes in the system of achieving high knowledge and acquiring new skills is still difficult to predict. It will require specific regulation and certain pre-programmed social changes. But speaking of the problem that you raised, the legal justification of the processes associated with artificial intelligence ...

Bodrunov: It's what we are facing today in practical work.

Zotov: That's what will be needed very soon. I would like to mention the authentication problem, which can largely be solved by means of artificial intelligence. Today, many types of interactions, for example, interactions with a bank at a point of sale, at a retail



store, where we receive documents necessary to confirm or obtain certain rights, it would be sufficient, in principle, to authenticate a person, and all those numerous confirmation documents could be obtained automatically, immediately upon request. I shouldn't be required to pick up a document and deliver it to an authority that performs a certain function.

Bodrunov: Yes, it already has an opportunity to get the document, to review it, and to produce it.

Zotov: Of course. That area of using artificial intelligence certainly deserves regulation, because the opportunities for abuse in that area are obviously unlimited.

Bodrunov: You are absolutely right: consider the recent history of authentication. A person is driving a car, an artificial intelligence system looks through a video camera, identifies the driver, and immediately has all the information about him. People are protesting.

Zotov: It is logical.

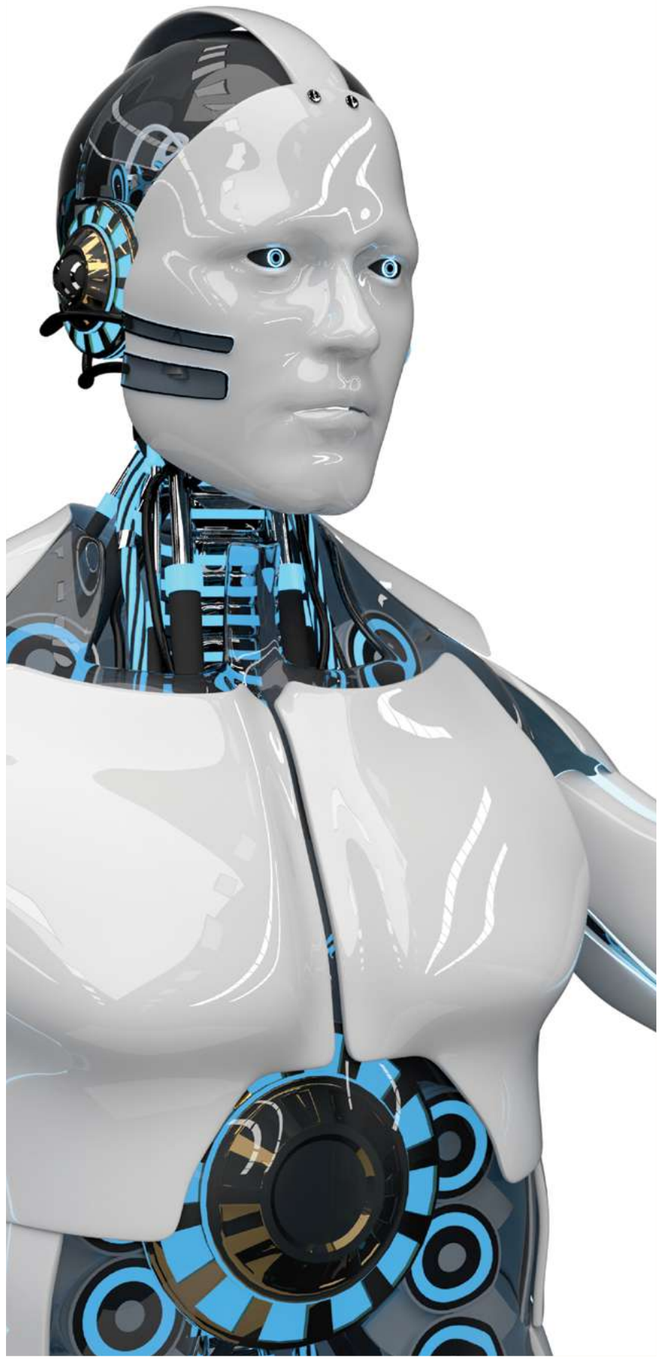
Bodrunov: Yes, it is private information: where I'm going, why I'm going, and with whom, etc. — it all actually becomes public.

Zotov: Certainly, endowing a government-controlled system with such powerful means of authentication of the individual should be accompanied by the protection of personal rights.

Bodrunov: Therefore, a legal solution is necessary.

Zotov: Of course. In some situations, any individual should be able to put on some kind of information burqa. For instance, right now, while I'm walking around this park, I want no drone to recognize me, no cameras to be built into the streetlights. I want to be a private person without authentication. This is what ensuring the civil rights means. And it is just an aspect of legislatively fixing the new phenomena related to artificial intelligence in our lives.

However, huge ethical issues arise. Let's look at a situation in which a person begins to consistently



incorporate some elements of artificial intelligence into his body, for example, a person with poor eyesight replaces his or her eyes with a bionic eye. With the help of simple extrapolation, we can reach a boundary where it will not be completely clear whether this person is natural, fully possessing the rights of a citizen, or whether he or she has already turned into an artificial entity, become an android, who, probably, should also have certain rights. It's time to think about what rights we will grant to artificial entities controlled by artificial intelligence, because the planning horizon for the emergence of the so-called strong artificial intelligence, which will be able to function in society, is quite short, 30-40 years.

Bodrunov: One capable of setting tasks for itself?

Zotov: Yes, there is a well-known hypothesis about the emergence of a singularity. And many people fear it, because once artificial intelligence is able to improve itself, it is believed we will not be able to participate in the process, and we will not be able to predict the results of such improvement.

Bodrunov: As one specialist who spoke at one of our events said, sooner or later we can come to a situation where an artificial person will say: "Why do we need the natural person? It prevents us from developing, it requires too many biological resources and much more. There's no use for the present civilization." Perhaps we should be wary of such a situation?

Zotov: Well, as a minimum, yes. Let's note one simple but very profound feature which distinguishes us from artificial intelligence: our lives are finite. We are born, we live and then we die. Artificial intelligence, once created, will exist as long as there is a power source.

Bodrunov: Or as long as the metal from which its microcircuits are assembled will keep its shape.

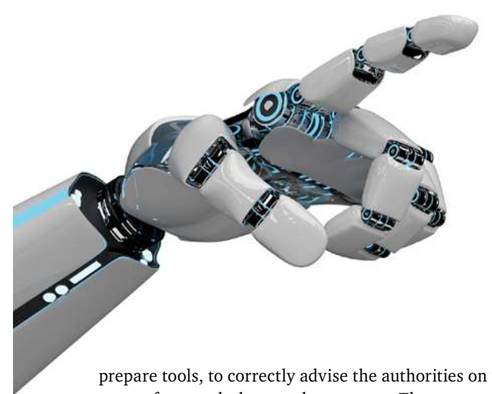
Zotov: I think strong artificial intelligence is unlikely to depend on any one location.

Bodrunov: It will be able to repair itself.

Zotov: Judging by everything we know, it will be a distributed network. Therefore, the death of one chip is unlikely to have much of an effect.

Sokolov: Every new tool naturally provokes discussion until it enters our lives as something natural, for example the car. After all, the car was also a frightening invention.

Bodrunov: Yes, there was a time when they ran in front of a car with a bell and rang. And today, airplanes and spaceships are common. So, horror tales seem to die naturally when their time comes. Our task, at least for the scientific and educational community, is to



prepare tools, to correctly advise the authorities on the areas of research they need to support. The strategy that the president approved sets the task of creating a world-class microprocessor elemental base by 2024.

Sokolov: But there is a point you've mentioned, Sergey Dmitrievich. It's security. Regardless of artificial intelligence, simply the development of information technology, the development of computer technology can in fact lead to a very serious problem when objects will be created and identified by the same computing resources. This is actually a serious problem. Well, it seems to have a simple solution. There will be no secret information.

Bodrunov: Sooner or later, everything secret becomes open, as you know ...

REGARDLESS OF IT, SIMPLY THE DEVELOPMENT OF NEW DEVICES MAY BE CREATED BY COMPUTING RESOURCES.

Sokolov: There will simply be no secrets. We must prepare for this.

Zotov: After all, we are talking about social fears and impressions, which Igor Anatolyevich rightly called horror tales; they too should get a response from the government because they can become a material force, for example, an obstacle for the development of technologies.

Bodrunov: To be honest, I raised this question about public fears on purpose. We have a library in the Free Economic Society, which receives a variety of books on or related to economics. Mark O'Connell's famous book, "Artificial Intelligence and the Future of Humanity," with the subtitle "You Won't Die," is pretty well-known. It's a bit provocative and thought-provoking. The book was not written by an expert in the field of artificial intelligence. It was written by a historian of artificial intelligence. And it has a lot of information, including the horror tales we discussed today. We have another book, Max Tegmark's "Life 3.0", with the subtitle "Being Human in the Age of Artificial Intelligence". "You will not die" and "Life 3.0" overlap in some ways, but it's a different view...

Zotov: A scientist's view.

Bodrunov: It's a view of an academic, a scientist who, like our distinguished Igor Anatolyevich, is looking at the problem from the viewpoint of fundamental science. Those things must, of course, be actually and fundamentally studied, and studied thoroughly. Dear colleagues, I want to remind you that Andrei Yurievich is also a co-author of a very famous book, the collective monograph "Challenge 2035". It is about what will happen by the year 2035, and how we will live in that day and age.

Zotov: I would recommend this book as an attempt to show a multi-faceted approach to artificial intelligence on the part of different categories of specialists, writers, economists, which can yield an overall impression.

Bodrunov: Thank you, dear colleagues, for your time and your valuable opinions. I wish you all the best and I will see you soon!

THERE IS A WELL-KNOWN

«hypothesis about the emergence of a singularity. And many people fear it, because once artificial intelligence is able to improve itself, it is believed we will not be able to participate in the process, and we will not be able to predict the results of such improvement».

Нацпроекты

Составы пойдут на Восток

Мы начинаем рубрику, в которой будем анализировать разные аспекты реализации национальных проектов. Этот материал относится к нацпроекту «Международная кооперация и экспорт»

РЖД пересмотрит планы модернизации БАМа и Транссиба, чтобы российские угольщики не потеряли восточные рынки

Что происходит с рынком угля

В последние несколько лет мировой рынок угля претерпел серьезные изменения. Страны Западной Европы стали массово отказываться от угля, переходя на использование возобновляемых источников энергии. Как следствие, цены на это топливо на западных биржах сильно упали. На Востоке же, напротив, растет и спрос, и цены вслед за ним. Китай, несмотря на декларируемый правительством страны постепенный отказ от использования угля в энергетике, пока объемов потребления не снижает. Спрос в Индии, а также в ряде более мелких и менее экономически развитых стран Юго-Восточной Азии растет. Основными конкурентами за восточный рынок сбыта угля сегодня выступают Россия и Австралия.

По данным, которые приводит генеральный директор АО «Холдинговая компания "СДС-Уголь"» Геннадий Алексеев, потребление угля в Азии сейчас в семь раз выше, чем в Европе, и разрыв год от года растет. Сейчас доля российского экспорта в общем потреблении угля странами Азии составляет всего 1,8 процента. Эта цифра могла бы существенно возрасти, если бы угледобывающие компании страны физически могли поставлять на экспорт большие объемы своей продукции.

«Мировой угольный рынок смещается на восток, именно поэтому для всех угольщиков вопрос, касающийся развития железнодорожной инфраструктуры, является вопросом жизни или смерти. Если мы хотим, чтобы угольная отрасль России жила, нужно опережающее развитие железнодорожной инфраструктуры. Особенно это принципиально важно для Кузбасса. Любые темпы, которые сможет достичь РЖД в развитии инфраструктуры, будут абсолютно точно востребованы. Емкость азиатского угольного рынка настолько бездонна, что мы могли бы и в два, и в три, и в пять раз увеличить объемы поставки угля, и он абсолютно точно будет куплен», — считает Алексеев.

БАМа и Транссиба не хватает

Таким образом, главной проблемой российских угольщиков стала чрезвычайно низкая пропускная способность БАМа и Транссиба. Это очень мешает подвозить уголь к восточным морским портам и отправлять его на экспорт. По этому поводу собиралось уже не одно совещание, но до последнего времени представителям угольных компаний и РЖД прийти к консенсусу не удавалось: представители госмонополии ссылались на стратегический план развития компании, согласно которому в первую очередь должны были развиваться подходы к западным морским портам. Все доводы грузоотправителей о том, что конъюнктура рынка изменилась и уголь теперь нужно везти не на Запад, а на Восток, оставались без внимания.

Так, на прошедшем в конце прошлого года на базе РСПП крупном совещании по развитию инфраструктурных проектов начальник Департамента экономической конъюнктуры и стратегического развития РЖД Антон Рышков заявил, что главная задача, стоящая перед РЖД сегодня, — выполнить проекты, которые находятся в Комплексном плане модернизации и расширения магистральной инфраструктуры.

Компания участвует в реализации сразу четырех разделов плана — «Железнодорожный транспорт и транзит», «Высокоскоростное движение», «Коммуникации между центрами экономического роста» и «Северный морской путь». Общий объем инвестиций РЖД в проекты, предусмотренные в этих разделах, составит 1,8 триллиона рублей в течение пяти лет, с 2019 по 2024 год.

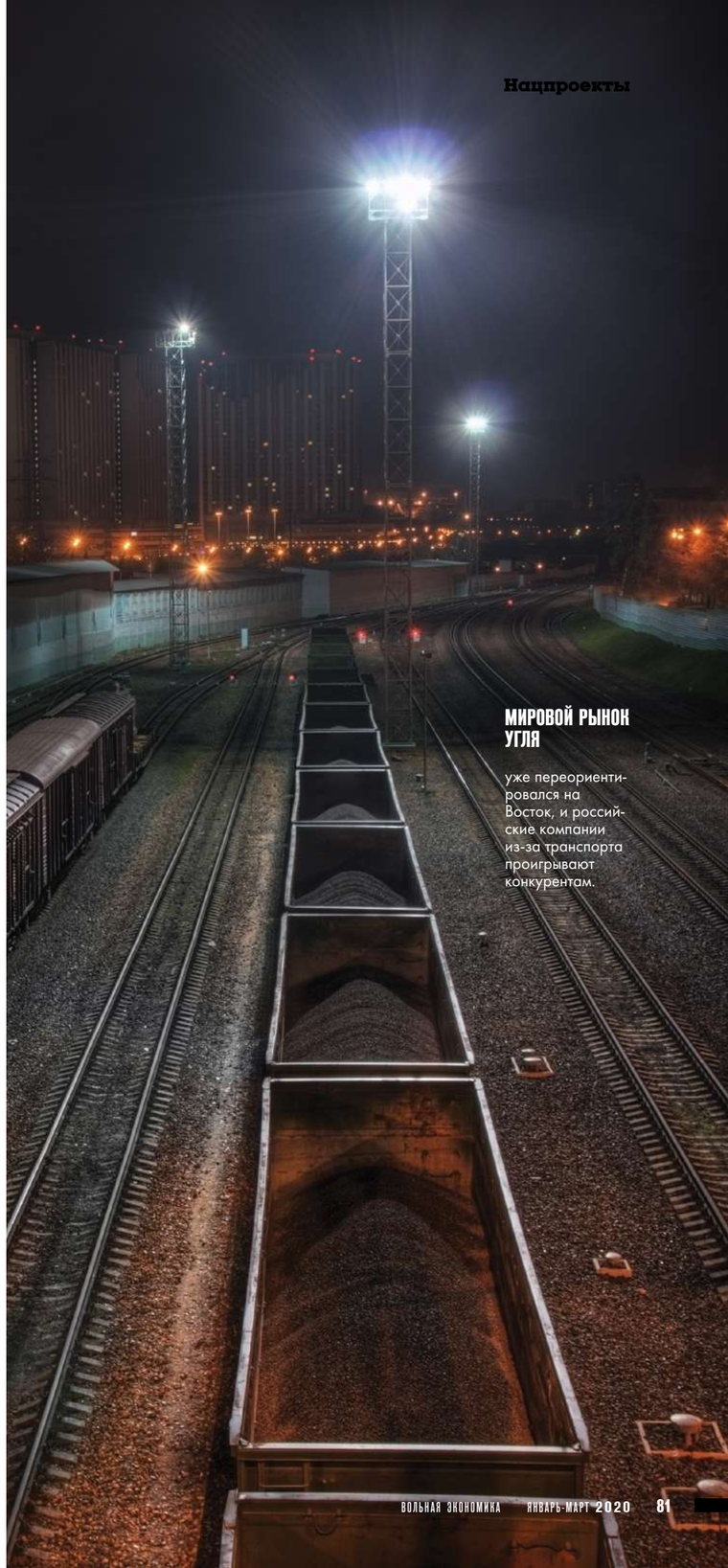
В рамках федерального проекта «Железнодорожный транспорт и транзит» РЖД будет заниматься модернизацией инфраструктуры БАМа и Транссиба, которая в конечном счете должна увеличить суммарную провозную способность магистралей на Восточном полигоне со 132 миллионов тонн в год в 2019 году до 182 миллионов тонн в 2024-м. Суммарная наличная пропускная способность магистралей на Восточном полигоне должна будет увеличиться за тот же период с 95 до 129 пар грузовых поездов в сутки. Правда, основные капиталовложения до последнего времени планировалось совершить в 2023–2024 годах.

На Востоке недовольны

Перенос крупных инвестиций в восточные порты на последние годы реализации Комплексного плана развития магистральной инфраструктуры категорически не устраивает грузоотправителей и стивидоров (операторов портов). По словам директора по логистике АО «СУЭК» Дениса Илатовского, в финансовом плане по развитию железнодорожных подходов к портам Дальнего Востока 207 миллиардов рублей инвестиций переносятся с 2019–2022 на 2023–2024 годы. Это приведет к тому, что развитие инфраструктуры задержится, а объемы погрузки на РЖД не вырастут. Кроме того, Илатовский сомневается, что в последние два года удастся освоить все положенные деньги и что в конечном счете все инфраструктурные проекты будут реализованы в срок.

Директор по портовым и железнодорожным проектам УГМК Ирина Ольховская рассказала в беседе с корреспондентом журнала «Вольная экономика», что мировой рынок угля уже переориентировался на Восток и российские угледобывающие компании проигрывают в борьбе с зарубежными конкурентами. А все потому, что они не могут в нужных объемах доставлять сырье в восточные порты.

«Профицит портовых мощностей на Дальнем Востоке уже сейчас достиг 50 миллионов тонн. С запуском терминала Колмар, с реализацией компанией СУЭК программы «Дальтрансуголь» он достигнет 70 миллионов, а может, и больше. При



Мировой рынок угля уже переориентировался на Восток, и российские компании из-за транспорта проигрывают конкурентам.

этом железнодорожная инфраструктура не просто отстает, она катастрофически отстает. Поэтому обязательно нужно реализовывать все проекты как можно скорее. Это, наверное, проблема уже странового характера. Иначе мы Дальний Восток никогда не разовьем», — подчеркнула Ольховская.

Развитие железнодорожной инфраструктуры важно для всех добывающих компаний. Те, чьи проекты попали в Комплексный план развития магистральной инфраструктуры и Долгосрочную программу развития РЖД, выступают за безусловное выполнение всех запланированных мероприятий. Так, Алексей Матюшенко, заместитель генерального директора ООО «Разрез Аршановский» (компания добывает каменный уголь в Хакасии) говорит, что если отказаться или сместить планы по модернизации железнодорожной инфраструктуры на участке Междуреченск — Тайшет, то развитие горнодобывающего сектора в регионе застопорится. Сейчас развитие этого участка путей входит в федеральный проект «Железнодорожный транспорт и транзит» и в программу развития железнодорожного транспорта общего пользования на территории республики Хакасия.

КОМПАНИЯ ИЗМЕНИЛА СВОЮ ПОЗИЦИЮ И ПООБЕЩАЛА УСКОРИТЬ МОДЕРНИЗАЦИЮ ТРАНССИБА И БАМА

«К 2030 году суммарная погрузочная мощность предприятий, работающих в Бейском каменноугольном бассейне, достигнет 51 миллиона тонн в год. А целевой показатель развития железных дорог на маршруте следования грузов — 48 миллионов тонн в год к 2025 году. То есть после 2025 года темпы роста добычи будут тормозиться возможностями инфраструктуры. Отсутствие баланса с планами РЖД — это самое узкое место в реализации подобных проектов», — сказал Матюшенко. Эксперт считает, что РЖД следует согласовывать свои планы и графики развития с крупнейшими грузоотправителями, иначе реализация крупных проектов будет по-прежнему под угрозой из-за перебоев в работе инфраструктуры.

Опасается смещения планов в развитии железнодорожной инфраструктуры на Востоке и компания «ВанинoТрансУголь», строящая угольный терминал в порту Ванино с привлечением федерального финансирования. Первый заместитель генерального директора компании Эльмар Камаев говорит, что запланированного увеличения пропускной способности железных дорог на Дальнем Востоке едва-едва хватит для провоза грузов от основных грузоотправителей региона, среди которых есть такие угольные гиганты, как «Мечел» и «СУЭК». Если же планы по развитию железных дорог на участке Комсомольск — Ванино будут сдвинуты на два-три года, реализация всего инвестпроекта по строительству угольного терминала окажется под угрозой. Компания «ВанинoТрансУголь» в этом случае не сможет отчитаться перед бюджетом РФ об эффективном использовании федеральных средств.

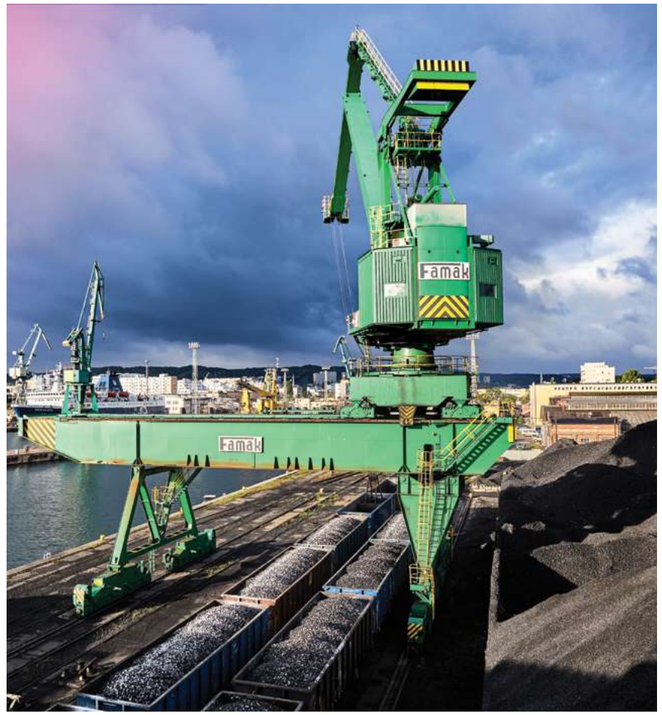
УСТУПИЛИ ГОД: ДОСТАТОЧНО ЛИ?

Компании РЖД эти аргументы знакомы. Но до последнего времени представители монополиста на все претензии в свой адрес заявляли, что быстро пересмотреть долгосрочную стратегию не получится. Однако в начале февраля компания внезапно изменила свою позицию и пообещала, что модернизация БАМа и Транссиба будет ускорена: более 200 объектов будут введены в эксплуатацию как минимум на год раньше плана. Такие намерения компании отражены в Плане ускоренной модернизации Восточного полигона — Байкало-Амурской магистрали (БАМ) и Транссибирской магистрали, с которым удалось ознакомиться РБК.

Речь в плане, в частности, идет об ускорении строительства дополнительных путей и расширения станций на участках Мариинск — Тайшет, Междуреченск — Тайшет, Хабаровск — Находка. Часть объектов, которые планируется построить, относятся к проекту РЖД по скоростной доставке контейнеров от дальневосточных портов к западным границам России. В перечень также вошли объекты из второго этапа модернизации БАМа и Транссиба. Теперь самый поздний срок реализации приоритетных проектов Восточного полигона датируется не 2024-м, а 2023 годом.

Очевидно, что одним из триггеров к пересмотру планов госкомпании стали аргументированные доводы угольщиков, которые после совещания на базе РСПП прозвучали и на уровне тогдашнего председателя правительства Дмитрия Медведева. Так или иначе, но план по ускоренной модернизации Восточного полигона был составлен после прошедшего в конце прошлого года правительственного совещания, в протоколе которого было зафиксировано: «Рекомендовать РЖД <…> актуализировать детальный план мероприятий по реализации инвестиционного проекта “Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей” с развитием пропускных способностей».

Автор: Надежда Толстоухова



ЦЕЛЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «МОДЕРНИЗАЦИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ БАМА И ТРАНССИБА (I И II ЭТАПЫ)

Год / Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Суммарная пропускная способность магистралей на Восточном полигоне, млн тонн	132	144	144	158	173	182
Суммарная наличная пропускная способность магистралей на Восточном полигоне, пар грузовых поездов в сутки	95	101	101	101	101	129

Источник: РЖД

ДИНАМИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ УГЛЯ СТРАНАМИ ЕВРОПЫ И АЗИИ, МЛН ТОНН

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Азия	1505	1944	2059	3296	4593	5315	5475
Европа	1351	1052	973	972	914	879	833

Источник: https://yearbook.enerdata.ru/

ДОБЫЧА И ПОТРЕБЛЕНИЕ УГЛЯ В МИРЕ, МЛН ТОНН

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Потребление	1505	1944	2059	3296	4593	5315	5475
Добыча	1376	1752	1851	3036	4344	4827	4860
Импорт	129	192	208	260	249	488	615
в т. ч. из России	13	9	20	50	81	72	99

Источник: https://yearbook.enerdata.ru/

ЭКРАНЫ ВЫЛИЛИСЬ В ПОТОК

«Одно сплошное телевидение» и даже большой экран уступают позиции стриминговым сервисам. Все больше режиссеров снимают свои фильмы для HBO, Amazon Prime и, конечно, Netflix. У последнего в этом году было 24 номинации на главную кинопремию мира — «Оскар». И пусть получил сервис только две статуэтки, революция в экономике кино идет полным ходом.

Похоже, что проблема действительно не в качестве контента — к концу прошлого года у Netflix было около 170 миллионов подписчиков по всему миру (в 190 странах). Оригинальных фильмов и сериалов у сервиса около 130. Все это помогло платформе еще в начале 2018 года обойти по капитализации знаменитых киногигантов. Так, по итогам первого квартала 2018 года стоимость Netflix составила 146 миллиардов долларов — это сопоставимо с Walt Disney Co. и Comcast и больше, чем у Warner Bros. (76 миллиардов долларов), 21st Century Fox (70 миллиардов) и Sony (64 миллиарда).

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В популярном сериале «Теория большого взрыва» главный герой Шелдон Купер, желая доказать серьезность своих намерений по отношению к девушке, делится с ней паролем от Netflix. В новом мире это почти то же самое, что сообщить пин-код от банковской карты. Ну а слова «Ведьмаку заплатите чеканной монетой» слышали, кажется, абсолютно все — даже те, кто не догадывается, что это мем из сериала «Ведьмак» того же Netflix.

На церемонии «Золотой глобус» комик Рики Джервейс сказал, что никто больше не ходит в кинотеатры и не смотрит телевизор — все смотрят Netflix. «По-хорошему я должен был бы выйти и сказать: "Поздравляю, Netflix, ты победил во всех номинациях, спокойной всем ночи!" Но нет, придется растянуть это безобразие на три часа», — разгорячился Джервейс. У Netflix было рекордные 34 номинации, из которых победными оказались только две: Лора Дерн получила статуэтку за роль в «Брачной истории», а Оливия Коулман — как лучшая актриса в телевизионной драме («Корона»). Еще четыре «Глобуса» получили HBO (в том числе за «Чернобыль»), по две награды достались Hulu и Amazon (в том числе за сериал «Дрянь»).

Именно Amazon Prime Video в 2017 году стал первым в истории стриминговым сервисом, фильм которого был номинирован на «Оскар» в главной категории — «Лучший фильм». Статуэтку «Манчестер у моря» тогда не получил. В прошлом году у Hulu была номинация в категории «Лучший документальный фильм» («Думая о пропасти»), а вот у Netflix было целых 19 номинаций. Драма «Рома» выиграла в трех (в том числе «Лучший фильм на иностранном языке» и «Лучший режиссер», Альфонсо Куарон). По оценкам Forbes, на маркетинг этой ленты Netflix потратил 2,4 миллиарда долларов.

В этом году у Netflix было 24 номинации на «Оскар» — как отмечал CNBC, впервые в истории премии студией с наибольшим числом номинаций стал стриминг-сервис. Получил он только две статуэтки — снова Лора Дерн за «Брачную историю» («Лучшая женская роль второго плана») и «Американская фабрика» («Лучший документальный фильм»). Номинированный в 11 категориях «Ирландец» Мартина Скорсезе не получил ни одной статуэтки. Еще до церемонии директор по контенту Netflix Тед Сарандос предвидел такое развитие событий и заявил, что сервис не получает наград в главных номинациях только потому, что старый Голливуд боится конкуренции и разрушения устоявшейся иерархии.

КАДР В ПОТОКЕ

По прогнозам Fortune Business Insights, до 2026 года объем мирового рынка OTT (бизнес-модель, при которой видеосервис предоставляется клиенту напрямую от поставщика или дистрибьютора контента по инфраструктуре третьих лиц. — Ред.) будет расти в среднем на 14,3% в год. В ближайшие шесть лет он вырастет почти до 90 миллиардов долларов (30 миллиардов в 2018 году). Такой прогноз эксперты связывают с постоянным ростом числа пользователей смартфонов. На них приходится около половины мирового потребления онлайн-видео.

Наибольшую долю глобального OTT-рынка сейчас занимает Северная Америка, это связано с инвестициями

в регион крупнейших сервисов — в частности, Netflix. В прошлом году Warner Media обозначила приоритет OTT-модели над кабельным ТВ, резко увеличив инвестиции на создание контента для стримингового сервиса HBO Max. В конце 2018 года их объем составлял только 7% от ресурсов Warner, а в конце прошлого года — уже 73%.

Об усилении роли стриминговых сервисов говорят и рекламные бюджеты. По данным Business Insider Intelligence, в этом году смарт-ТВ и видео в соцсетях — это две растущие области цифрового рекламного видео. Американские участники рынка в 2020 году увеличат свои бюджеты на смарт-ТВ-рекламу на 28%, до почти 9 миллиардов долларов. А затраты на видеорекламу в социальных сетях вырастут на 23,2%, до 13,4 миллиарда долларов.

Еще один довод в пользу стриминг-революции — все больше известных в киноиндустрии людей начинают создавать контент специально для потоковых сервисов. Например, одна из самых успешных создательниц сериалов Шонда Раймс («Анатомия страсти», «Частная практика», «Скандал») в 2018 году подписала контракт с Netflix и теперь работает над новым контентом исключительно для сервиса. Сумма контракта оценивается в 150 миллионов долларов.

Российский контент интересен и зарубежным платформам. Amazon Prime Video купил сериалы «Молодежка» и «Лондонград» у «СТС Медиа», а также права на показ «Содержанок» у сервиса Start. В феврале стало известно, что Amazon впервые купил российское реалити-шоу — «Инстаграмщиц» у телеканала «Пятница!», которое стартовало в 2017 году.

Эксперты отмечают, что эта практика уже распространена в американской киноиндустрии, а для российского рынка еще не совсем типична. Тем не менее в феврале стало известно, что режиссер успешно прошедших в прокате «Текста» и «Холопа» Клим Шипенко заключил контракт с группой Yellow, Black and White (ей принадлежит сервис Start). Предполагается, что он будет снимать один фильм, один сезон сериала и один пилот сериала в год.

— В России также наметился тренд усиления влияния на рынок стриминговых сервисов, для которых очень важно сейчас нарастить библиотеку и занять свою нишу, — отметила Нина Ромодановская, главный редактор интернет-портала «ПрофиСинема». — Они стали самыми активными игроками индустрии, нанимая известных режиссеров и актеров. Рынок творческих и технических кадров в отрасли перегрет, что отрицательно влияет на кинопроизводство. Но зато мы имеем возможность смотреть интересные отечественные сериалы, снятые Борисом Хлебниковым, Павлом Костомаровым, Константином Богомоловым и другими.

Собственный контент сегодня производят многие крупные участники российского рынка — Okko, «Яндекс. Студия», MEGOGO, ivi. В прошлом году РБК сообщил, что последний готов потратить на собственный контент 1 миллиард рублей в ближайшие 12 месяцев. Речь идет о мини-сериалах, рассчитанных на молодую аудиторию, и больших сериалах с участием звезд. До конца года ivi планировал запустить в работу около 10 мини-сериалов, пять премиальных сериалов и 10 полнометражных фильмов (в том числе совместно с зарубежными студиями). В комментарии РБК гендиректор сервиса Олег Туманов пояснял, что привлечь и удержать аудиторию можно только с помощью собственного уникального контента. По этому пути идут все мировые лидеры, в том числе Netflix.

Собственную студию по производству видеоконтента открыл и российский MEGOGO. Компания выпускает развлекательные шоу и полнометражные фильмы. Часть из них будет эксклюзивно представлена на платформе MEGOGO, часть выйдет в российский прокат и будет продана другим сервисам. Генеральный директор «MEGOGO Россия» Виктор Чеканов назвал создание собственной студии одним из основных путей развития OTT-сервисов: «Участие в производстве, от идеи до финальной версии, дает нам возможность влияния на качество материала. Мы уже ведем переговоры в рамках рекламных интеграций. Безусловно, собственное производство с таким сильным генеральным продюсером, как Георгий Малков, придаст динамики не только компании, но и развитию отрасли OTT в России».

В работе у компании 7 полнометражных картин, их выход запланирован в 2019–2021 годах. В течение первого года работы планируется производство 300 часов контента, а к 2022 году объемы вырастут до 1000 часов.

Собственная аудитория

В то время как американские гиганты платят за возможность посмотреть на жизнь российских звезд Instagram, в России все еще идут споры, готовы ли люди, привыкшие к тому, что все можно скачать бесплатно, платить за контент. По оценкам «ТМТ Консалтинг», в прошлом году абонентская база платного телевидения в России выросла на 2,3% (3,3% в 2018-м), до 45,3 миллиона подключений. Выручка выросла на 10,1%, до 104 миллиардов рублей. Эксперты объясняют такую динамику повышением тарифов и увеличением доли высокодоходных абонентов — средний чек вырос до 193 рублей.

Борьба за аудиторию и конкуренция между сервисами — не только российская проблема. Даже у Netflix прирост количества подписчиков падает под давлением конкурентов. По словам Нины Ромодановской, это связано с увеличением стоимости подписки и появлением новых игроков на рынке, таких как Disney+, Apple, WarnerMedia. Даже если Netflix выпустит много новых телесериалов и фильмов с большим бюджетом, число новых подписчиков будет продолжать падать.

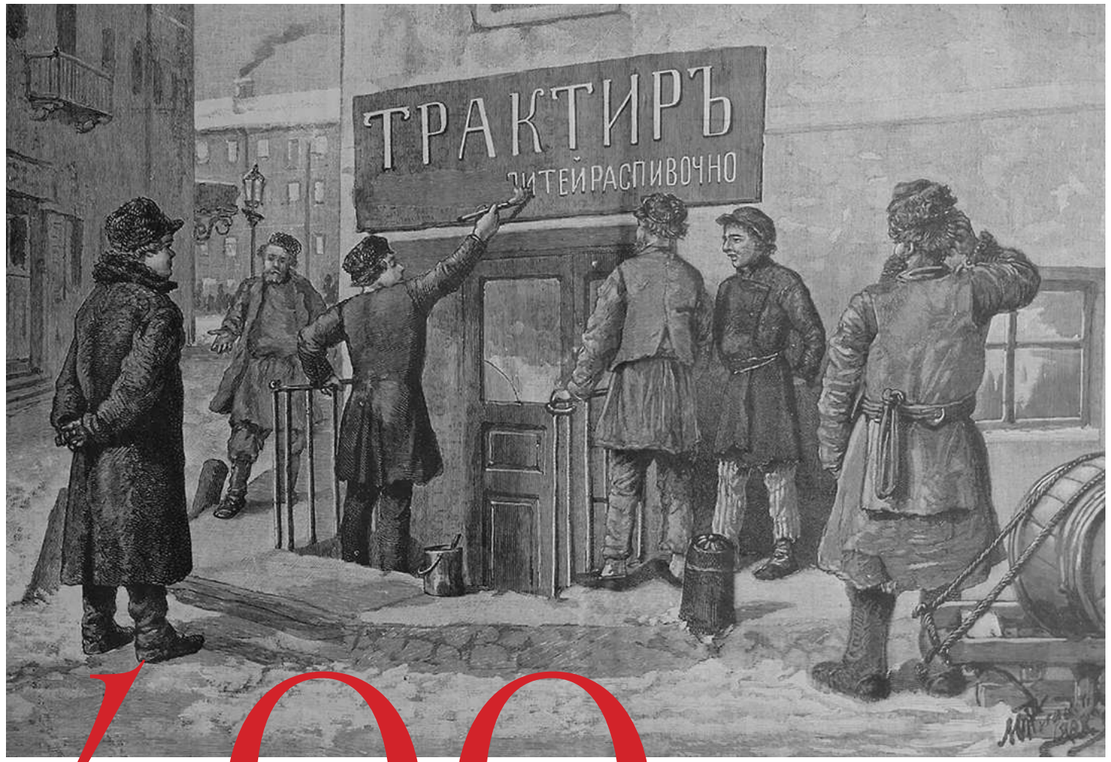
— Игроки отечественного рынка платных стриминговых услуг сталкиваются с целым рядом проблем, — рассказала эксперт. — Во-первых, аудитория, готовая платить за контент в интернете, в России относительно небольшая, кроме того, она растет не так быстро, по целому ряду причин (состояние экономики, отсутствие культуры потребление платного контента и др.). Во-вторых, несмотря на многолетнюю борьбу правообладателей, пиратство продолжает отбирать значительную часть прибыли. А антипиратский закон до сих пор не принят. И наконец, конкуренция. На небольшом пятачке Рунета топчется с десяток российских стриминговых сервисов, объявивших в прошлом году о начале производства собственного контента, который просто не может окупиться в силу вышеперечисленных причин. И его производство экономически не оправдано. Тем не менее компании запускают все новые и новые сериалы и шоу, для того чтобы увеличить библиотеку и получить конкурентное преимущество в будущем.

Конкурентоспособным на мировом рынке может быть только качественный контент, а в какой стране его произвели, большого значения не имеет. Российский контент (как, впрочем, и любой другой) никто не ждет. Для того чтобы на него обратили внимание и начали покупать, его надо грамотно продвигать — даже таким гигантам, как Netflix (вспомним промобюджет «Ромы»). По словам Нины Ромодановской, очень немногие компании умеют это делать.

— Можно по пальцам перечислить российских производителей, сумевших за последние год-два продать свой продукт Netflix. Например, «Стар Медиа» или кинокомпания «Среда» много лет изучают рынок, работают не только над самим продуктом, но и над продвижением, ездят в Канны на MIPCOM и MIPTV, устраивают там презентации. Только длительная системная работа может принести плоды, — заключила эксперт.

Автор: Андрей Смирнов

Наращивать аудиторию российским сервисам помогают успешные проекты — например, после «Домашнего ареста» и «Звоните Ди Каприо» число подписчиков сервиса Premier выросло кратно, до 1,5 миллиона пользователей. На ежегодном форуме CSTB в январе гендиректор сервиса More.tv Денис Горшков рассказал, что подписки растут на 50–60% в год, при этом добавил, что одна и та же аудитория «плавает» между разными платформами, в том числе из-за партнерских интеграций.



400 лет назад, в марте 1620 года,

выходит царский указ о посадской монополии на кабацкие откупы

Это была не первая и далеко не последняя попытка пополнить государеву казну за счет косвенного налога на продажу алкоголя. Правовой основой деятельности винных откупов был контракт, заключаемый на торгах правительственными органами с откупщиком. Контракт регламентировал порядок продажи алкогольных напитков (цену, время, условия и т. д.). Кроме того, в контрактах оговаривалось строительство откупщиками новых или ремонт старых питейных заведений. При этом ремонт должен был быть произведен таким образом, «чтоб сия починка не только не переменяла прежнего фасада, но и не делала бы гнусного вида». Откупщик не являлся частным лицом и именовался «царским поверенным», т. е. доверенным царя с весьма широкими полномочиями. Срок откупного содержания составлял не более пяти лет, однако условия откупа могли изменяться каждый год. Откупщик был вправе отказаться от откупа, но только в заранее определенные в откупной грамоте или контракте сроки, чтобы государство имело время для поиска нового откупщика. Если же откупщик отказывался от откупа в иные сроки и никто другой этот откуп не брал, то государство обязывало откупщика продолжать свою деятельность, увеличивая ему при этом размер откупных денег.

Основные доходы откупщики получали за счет покупателей крепких спиртных напитков путем обмера, обсчета, фальсификации водки. Винные откупа порождали взяточничество, коррупцию и должностные преступления среди чиновничества царской России. Поэтому в России были нередки случаи поджога и разгрома кабаков, а 1648 г. вошел в историю как год «кабацких бунтов». В частности, жители Москвы били челом царю: «чтобы Великий Государь пожаловал бы их, велел учинить, чтобы везде все было государево, как прежде».

К середине XVII столетия торговля вином была уже традиционным предметом государственной монополии и стала превращаться в постоянное поле для экспериментов. Например, в июле 1652 г. по почину только что избранного патриарха Никона царь Алексей Михайлович созвал Земский собор, получивший наименование «Собор о кабаках», ибо главным вопросом на нем встал вопрос о реформировании питейного дела.

В результате с 1 сентября 1652 г. по царскому указу во всех городах, где были кабаки, вместо них устраивались кружечные дворы (где вино отпускалось только навынос), были отменены винные откупа и введена казенная продажа питей. За корчемство налагался штраф в огромной сумме — 10 рублей и битье кнутом. Но уничтоже-

ние откупов значительно уменьшило доходы казны. К тому же поспешно проведенная кабацкая реформа оказалась плохо подготовленной. Поэтому уже в 1663 г. винные откупа были восстановлены. Непосредственной причиной тому стал финансовый кризис, в который попало правительство, проведя широкомасштабный выпуск медной монеты. Однако в 1677 г. власти вновь запретили продажу питей в малых селах и отдачу кружечных дворов в откуп в больших селах. В 1681 г. кабацкие откупа были полностью ликвидированы, а цена на вино значительно сбавлена.

Винные откупа были вновь введены при Петре I, и также несколько раз отменялись и восстанавливались при следующих государях. Вновь массовое введение откупов произошло во времена Екатерины II, вслед за указом 1765. В 1765–1767 они были распространены по всей стране (кроме Сибири). Отдача на откуп (сроком на четыре года) вначале оформлялась по отдельным питейным заведениям, позднее по уездам и городам. Откупа явились одним из источников первоначального накопления капитала. На их основе складывались крупнейшие состояния многих представителей купечества (Яковлевых, Злобиных, Кокоревых и др.), обогащалось дворянство (Долгорукие, Гагарины, Куракины и др.).

В 1817 г. по инициативе министра финансов Гурьева вместо откупной системы вновь было введено казенное управление питейными сборами. В Высочайшем манифесте о введении казенной монополии от 2 апреля 1817 г. между прочим было сказано: «Опыт многих лет доказывает, что образ взимания питейного сбора посредством откупа не только неудобен, но даже вреден во многих отношениях. Сей способ к получению казенных доходов, будучи сопряжен, по существу своему, с крайним для народа отягощением, не менее того неблагонадежен для казны в случае несостоятельности содержателей откупов». И вновь ничего не получилось. Государство вернулось к системе винных откупов в 1827. Винные откупа вызывали возмущение народа и привели к открытым выступлениям в 1858–1859 г. После реформы 1861-го откупа были ликвидированы и в 1863-м заменены другим видом косвенного налога — акцизом. А в 1895 г. вновь была введена система казенной продажи питей (питейная монополия), просуществовавшая до «сухого закона» 1914 года.

300 лет назад

2 февраля 1720 года министром финансов Франции был назначен Джон Ло, человек с мутной биографией, игрок и авантюрист.

Но это не начало истории одной из крупнейших финансовых катастроф Нового времени, а, скорее, ее конец. Уже к концу года финансовая система Франции было разрушена до основания. А началась эта история в 1705 году, когда банкир-самоучка Джон Ло написал трактат «Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами». И передал этот трактат прямиком в парламент Шотландии, предлагая реформировать всю денежную систему своей родины: основать государственный банк, выпустить бумажные деньги и начать кредитовать всех и каждого (что все время было прерогативой ростовщиков). В сатирических памфлетах того времени авторы злословили, что Джон Ло открыл философский камень, способный превращать бумагу в золото. Сам Ло писал об этом в своем трактате так: «Внутренняя торговля есть занятость людей и обмен товаров. Внутренняя торговля зависит от денег. Большее их количество даст занятие большему числу людей, чем меньшее их количество». Замечательная концепция, весьма популярная и сегодня. Тем не менее парламент Шотландии отклонил идею Ло как неуместную.

Джон Ло отправляется во Францию, где знакомится с герцогом Филиппом Орлеанским, племянником Людовика XIV и одним из наиболее влиятельных людей в стране. И увлекает герцога своими финансовыми рассуждениями. Со смертью Людовика XIV герцог Орлеанский становится регентом при малолетнем наследнике Людовике XV. Новый правитель Франции радушно принимает Джона Ло при дворе. Королевским указом от 5 мая 1716 года французы поручили шотландцу Джону Ло возглавить банк под названием «Закон и компания», переименованный вскоре в Банк Женераль.

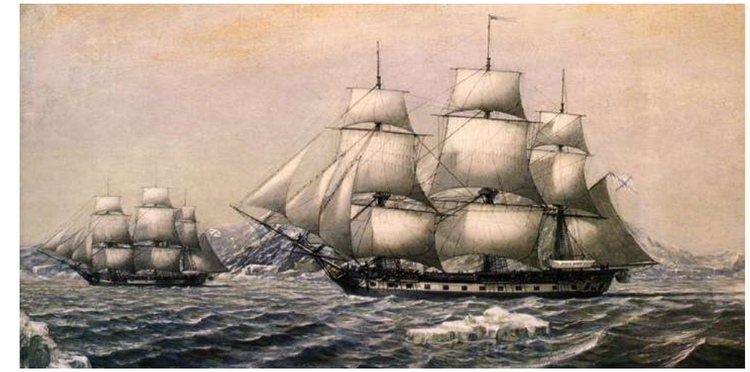
К концу 1716 года банкноты стали обращаться не просто наравне с золотыми монетами, но даже превысили их стоимость на 10% относительно номинала, уверенно вытесняя металл из взаиморасчетов. После же выплаты первых дивидендов по вкладам цена бумажных денег поднялась еще выше, уверенность в их надежности стала практически нерушимой, а авторитет Джона Ло вырос до государственного масштаба. Осенью 1717 года Ло убедил регента передать ему во владение убыточную торговую компанию, которая осуществляла контроль над землями Луизианы и долины реки Миссисипи по ту сторону Атлантики. Ло серьезно подошел к развитию этой компании, привлекая к вложению средств множество мелких акционеров. Так тогда не делал вообще никто, успешное создание открытых акционерных обществ пошло только с середины XIX века. Для успеха дела Ло одним из первых в мире запустил масштабную рекламную кампанию с рассказом о несметных богатствах Луизианы.

Раньше, чем Ло получил первую заметную прибыль от Миссисипской компании, он стал скупать и другие компании внешней торговли: Китайскую, Сенегальскую и Канадскую, расширяя свою заморскую империю. На основе этих внешнеторговых компаний Ло составил одну, Индийскую, контролирующую весь импорт Франции.

Спрос на акции был огромным, цена их росла в геометрической прогрессии, поэтому компания стала сначала осторожно, а потом все чаще и чаще проводить дополнительные выпуски ценных бумаг. Эмиссия размывала ценность каждой акции, но за растущим спросом этого никто не замечал. К 1720 году стоимость акций вдвое превысила капитал Банка Женераль, а сам банк выпустил вдвое больше бумажных денег, чем было монет во всей стране. Банк к этому моменту был переименован в Королевский, а его руководитель получил титул Герцога Арканзасского. Большой объем наличных денег оживил экономику, но их избыток стал ломать все, что было достигнуто. Во Франции началась гиперинфляция. Спекулянты в слишком короткий срок потребовали от банка обмена своих бумажных денег на золото и серебро. Это вызвало панику, народ массово устремился требовать назад свои неподверженные инфляции ценности. Курс акций Индийской компании, ставшей столь важной для Франции, резко рухнул, потащив с собой на дно всю финансовую систему. Парижане пытались обменять бумажки на монету, запрудив толпой целые кварталы, они требовали казни герцога Арканзасского. Джону Ло удалось бежать.

Позже, в переписке между ним и герцогом Орлеанским, они обсуждали, что непременно вернутся к плану финансовой системы, как только все уляжется. Однако этому не суждено было сбыться. Уже через три года, в 1723 году, регент скончался. Спустя еще шесть лет в Венеции в нищете умер и сам Джон Ло. Но дело его не было забыто.

28 января 1820 года вошло в историю (к сожалению, только российскую) как день открытия шестого континента — Антарктиды.



200 лет назад

Честь ее открытия принадлежит кругосветной военно-морской экспедиции под руководством Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева. В этот день шлюпы «Восток» и «Мирный», достигли 69 градуса 25 минуты южной широты. Как записал Лазарев, моряки «встретили матерый лед чрезвычайной высоты… простирался оный так далеко, как могло только достигнуть зрение». Русские путешественники подошли менее чем на 3 км к северо-восточному выступу того участка побережья Антарктиды, который через 110 лет увидели норвежские китобои и назвали Берегом Принцессы Марты.

Ранее Джеймс Кук уже отправлялся в южные широты на поиски так называемого Южного материка (Terra Incognita). 30 января 1774 года корабль Кука «Резолюшн» достиг 71 градуса 10 минут южной широты, путь был прегражден сплошным полем пакового льда.

Кук выражал уверенность, что ни один корабль в обозримом будущем не достигнет столь низких широт, что достиг «Резолюшн». Это был вызов. Его приняли русские мореплаватели Отто Коцебу и Иван Крузенштерн.

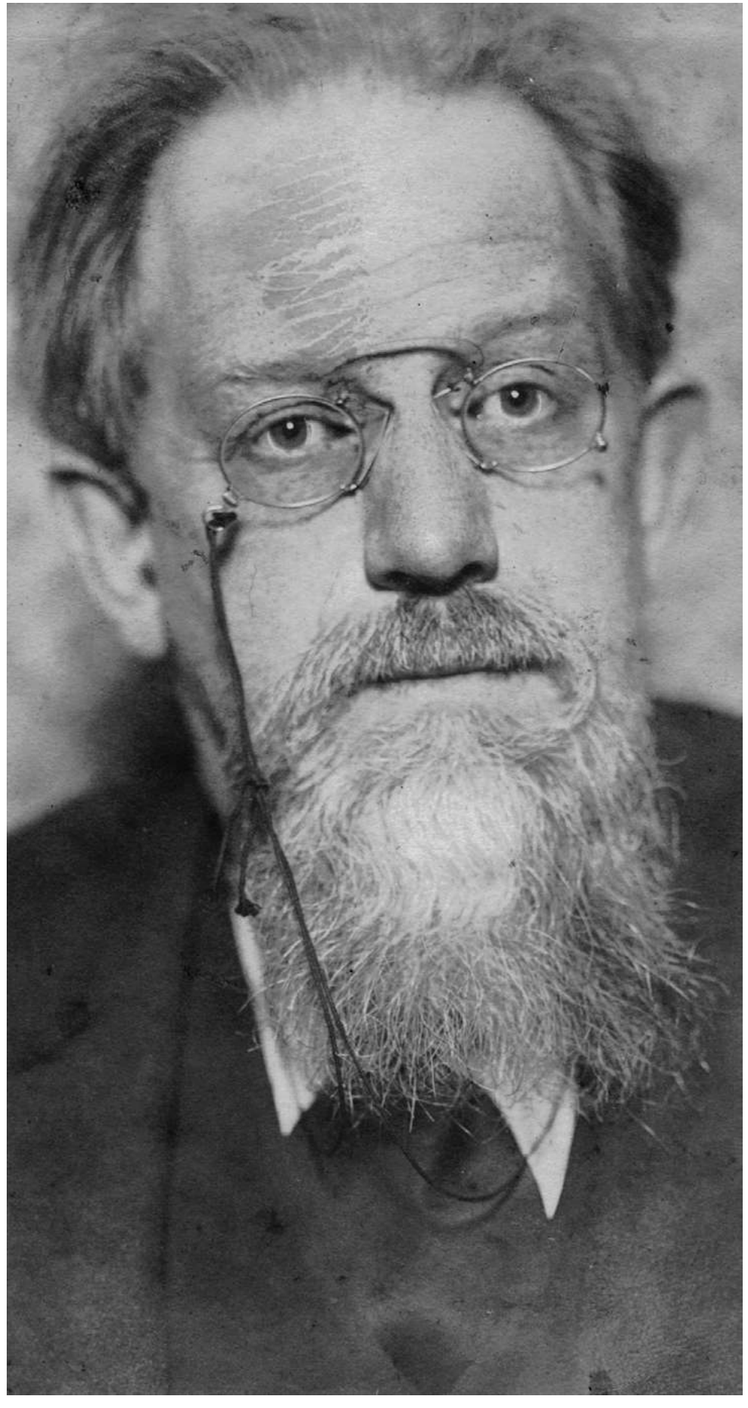
Они составили план экспедиции и обратились с ним на высочайшее имя. Александр I начертал на плане «быть посему». И понеслось. Морской министр маркиз Иван де Траверсе (в его честь Финский залив шутливо называют «маркизова лужа»), спеша исполнить волю царя, велел организовать экспедицию как можно быстрее. Флагманский шлюп «Восток» был построен на скорую руку из сырого дерева, не имел дополнительной обшивки для плавания во льдах. Второй шлюп «Мирный» взяли готовым, он был поменьше, помедленнее, но покрепче. Запас продуктов и дров для отопления был недостаточен и истощился уже при подходе к цели путешествия.

В феврале 1820 года шлюпы вышли в Индийский океан. Пытаясь пробиться к югу с этой стороны, они еще два раза подходили к берегам Антарктиды. Но тяжелые ледовые условия вынуждали суда снова отходить к северу и двигаться на восток вдоль кромки льдов.

С началом лета, в середине ноября экспедиция снова вышла в море, держась юго-восточного направления. Продолжая плыть на юг, шлюпы пересекли 60 градус южной широты.

22 января 1821 года счастье улыбнулось мореплавателям. На горизонте показалось чернеющее пятно. Остров назвали именем Петра I. А 29 января 1821 года Беллинсгаузен записал: «В 11 часов утра мы увидели берег; мыс оного, простирающийся к северу, оканчивался высокою горою, которая отделена перешейком от других гор». Эту сушу Беллинсгаузен назвал Берегом Александра I.

Участники экспедиции пробыли в плавании 751 день, прошли более 92 тысяч километров (это два кругосветных путешествия!). Были открыты 29 островов и один коралловый риф. Только вот сказать об открытии шестого материка Беллинсгаузен уверенно не мог. Он не исключал возможность, что имел дело с группой островов, скованных паковым льдом. В 1850-х годах, когда сведений об Антарктиде стало гораздо больше, бывший участник экспедиции Павел Новосильцев, поднял вопрос о приоритете. Вице-президент Императорского Русского географического общества Федор Литке поставил эти притязания под сомнение, утверждая, что в ходе экспедиции собрали недостаточно неопровержимых научных данных. А признание первооткрывателей Антарктиды к нашим морякам пришло лишь в 1948 году, и то лишь в СССР, в ходе кампании борьбы за приоритеты («Россия — родина слонов»).



ВНУК ЗВЕЗДОЧЕТА

Очерк об экономисте Петре Струве

150 лет назад, 7 февраля (по новому стилю) 1870 года родился Петр Бернгардович Струве, выдающийся русский экономист, публицист, общественный и политический деятель и, конечно же, член Императорского Вольного экономического общества с 1895 года. Петр Струве относится к числу непонятых пророков, он последовательно вступал в теоретическую борьбу с двумя главными российскими экономическими химерами своего времени: народничеством и социализмом. Оба раза был предан анафеме, и оба раза оказывался исторически прав.

ПЕРМСКАЯ ЮНОСТЬ

Петр Струве родился в Перми, в семье пермского губернатора Бернгарда Струве. Был у него и знаменитый дедушка — Василий Яковлевич (Фридрих Георг Вильгельм) Струве. Выдающийся немецкий, а затем российский астроном, один из основоположников звездной астрономии, член Петербургской академии наук, первый директор Пулковской обсерватории, член-учредитель Русского географического общества. Дети Василия Яковлевича и его внуки тоже пошли по астрономической и научной стезе. Лишь батюшка нашего героя, Бернгард Васильевич, стал государственным деятелем: был губернатором Астрахани и Перми и с ранних лет воспитывал мальчика Петю в атмосфере высокой культуры и интеллектуального развития. В 1882 году Бернгард Струве вышел в отставку и переехал в Петербург, а Петя пошел учиться в 3-ю столичную гимназию.

В 1889 году Петр покинул родительский дом и поселился в семье книгоиздателя Александры Калмыковой. «Выдающаяся по уму и энергии женщина, принадлежавшая к довольно высокому кругу», — характеризовала ее Анна Елизарова-Ульянова, старшая сестра Ленина. В воспоминаниях Анны Ильиничны нашлось место и молодому Струве: «Он вырос в семье Калмыковой, — был в гимназические годы ее воспитанником и, как она говорила, был ближе ей, чем ее собственный сын, пошедший по другому пути». По какому пути пойдет Струве, было предопределено кругом знакомств Калмыковой: в ее доме встречались и народники, и социалисты, и легальные марксисты. Всем она помогала в издании и распространении их книг, всем давала денег, улаживала проблемы благодаря знакомствам в высших кругах.

СТРУВЕ — МАРКСИСТ

В 1890 году студент юридического факультета университета Струве увлекся марксизмом и основал марксистский кружок. В этот кружок входили в том числе Александр Николаевич

В 1894 ГОДУ СТРУВЕ

опубликовал книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», которая стала основой экономических воззрений социал-демократов.

Потресов и Михаил Иванович Туган-Барановский. Все эти имена хорошо известны любому советскому человеку, осилившему обязательный курс «История КПСС».

Статьи Ленина, которые приходилось нам всем, кому за 45, тогда конспектировать, изобиловали ссылками на этих товарищей. Ленин то разделял их учение, то проклинал, как ренегатов. Что думали эти товарищи о Ленине, нам тогда не дано было узнать. Книга Струве «Мои встречи и столкновения с Лениным» не выдавалась даже из спецхрана относительно демократичного ИНИОНа. Сегодня эта книга в свободном доступе в сети Интернет.

В августе 1894 года Струве опубликовал книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», которая открыла эпоху борьбы русского марксизма с народничеством в легальной печати и стала «символом веры» социал-демократов в России. Книга, выдвинувшая Струве в ведущие теоретики марксизма, доказывала прогрессивность капитализма и завершалась словами: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

С кем спорил Струве

Наивно представлять себе народников как неопрятных разночинцев, с бомбой за пазухой студенческой шинели. Над экономической теорией народничества работали талантливые экономисты, например, Николай Францевич Даниельсон и Василий Павлович Воронцов. Их идеи о необходимости для России «иных путей развития промышленного прогресса», помимо капитализма, удивительным образом приобретают сегодня актуальное звучание.

Даниэльсон, анализируя экономическое развитие России после реформы 1861 г., указал на противоборство двух форм хозяйства: капиталистической и общинной. Средствами в этой борьбе стали кредитная система, железнодорожное строительство и внешняя торговля. Сравнивая положение дел в экономике западных держав и нашей страны, Даниэльсон подчеркивал, что на Западе строительство железных дорог и учреждение акционерных банков стали, с одной стороны, логическим следствием высокого уровня развития товарного производства, а с другой — своим появлением и деятельностью стимулировали его дальнейшее развитие.

В России ситуация складывалась иначе: товарное производство не достигло западного уровня, основа экономики — сельское хозяйство — находилось на крайне низком уровне развития. В этих условиях власти создавали банки и строили железные дороги, наращивали экспорт зерна по заниженным ценам, а это все более ухудшало положение аграрного сектора. Крестьянство, при всей его бедности, являлось основным предъявителем спроса на внутреннем рынке, следовательно, снижение его платежеспособности сокращало внутренний рынок.

Таким образом, делался вывод о невозможности развития капитализма при отсутствии внешних рынков. Выходом для России экономисты-народники считали «иные пути промышленного прогресса». В неотделенности ремесла от сельского хозяйства и в распространенности кустарных промыслов ученые усматривали предпосылки развития так называемого народного производства. Содействовать этому процессу должны были интеллигенция и государство; их роль состояла в создании систем мелкого кредитования крестьян и сбыта их продукции, во внедрении передовых достижений науки и техники в мелкое производство, что помогло бы ему выжить в борьбе с крупным производством. Результатом такой политики будет вытеснение капитала семейными мастерскими и артелями, утверждение форм организации промышленности, в которых работники будут и хозяевами предприятий.

ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

в Россиии не достигло западного уровня, а сельское хозяйство находилось на низком уровне развития.

ПЕТР СТРУВЕ ДОКАЗЫВАЛ, ЧТО РОССИЯ НЕ ЛИШЕНА ДОСТУПА НА ВНЕШНИЕ РЫНКИ

Василий Воронцов указывал на то обстоятельство, что российское правительство искусственно насаждает крупное промышленное производство, предоставляя предпринимателям субсидии и гарантии сбыта их продукции. Однако капитализм в России не имеет экономических перспектив. Ученый связывал это со своеобразием внутренних и внешних условий экономического развития страны, среди которых выделял: суровые природно-климатические условия, огромные расстояния и бездорожье, столкновение пытающейся выйти на мировые рынки России с конкуренцией захвативших их более развитых стран. Не имеющая выхода на внешние рынки отечественная крупная промышленность продолжала наращивать производство. Внутренний рынок не мог поглотить ее продукцию, причиной чего была бедность и, как следствие, низкая покупательная способность основной массы населения. Ситуация усугублялась по мере становления крупной промышленности: мелкие производители разорялись, рабочая сила вытеснялась машинами. Рассмотрев сложившееся положение вещей, Воронцов пришел к неутешительному выводу: «Капиталистическая организация, попытавшись утвердиться в России, вступила в своего рода заколдованный круг: для ее процветания необходимо богатое население, но каждый ее шаг на пути развития сопровождается обеднением последнего...»

Аргументы Струве

Споря с народниками, Петр Струве доказывал, что Россия не лишена доступа на внешние рынки, рассматривая как перспективное направление Балканы и Переднюю Азию. Что касается внутреннего рынка, то он громаден. Надо лишь строить железные дороги, которые вовлекут в хозяйственный оборот отдаленные и отсталые местности, помогут развитию обрабатывающей промышленности. Струве отмечал, что так развивалась промышленность США. Тот же путь является оптимальным для России, хотя у нас (из-за экономической и культурной отсталости) процесс пойдет медленно и болезненно. Еще один вопрос, в решении которого Струве расходился с народниками, — оценка процесса расслоения в крестьянской среде.

В отличие от народников он считал положительным появление в деревне, с одной стороны, владельцев капитала, а с другой — полусамостоятельных сельскохозяйственных рабочих и батраков. В аграрной сфере, так же как и в промышленной,

КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ

не имеет экономических перспектив, считал народник Василий Воронцов.

В 1896 году Струве — участник Лондонского конгресса II-го Интернационала. Написал аграрную часть доклада российской делегации, с которым выступил Плеханов. Редактор первых марксистских журналов «Новое слово» (1897 г.) и «Начало» (1899 г.). В числе книг по теории и истории капитализма и рабочего движения в 1898 году под его редакцией вышел I-й том «Капитала» К. Маркса. Для I съезда РСДРП в 1898 году написал «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии» — первый документ этой партии. В 1899 году в напечатанной в Германии на немецком языке работе «Марксова теория социального развития» подверг критике взгляды Маркса на неизбежность социальной революции.

СТРУВЕ СЧИТАЛ, ЧТО НА ОСНОВЕ РАВЕНСТВА ЛЮДЕЙ НЕВОЗМОЖНО ОРГАНИЗОВАТЬ ПРОИЗВОДСТВО

ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ

Василий Шульгин вспоминал об одной лекции Струве для членов народно-трудового союза (НТС). Струве заявил, что у него была единственная причина для критики Николая II — что тот был излишне мягок с революционерами, которых, по словам Струве, нужно было «безжалостно уничтожать». Шульгин в шутку спросил, уж не считает ли Струве, что и он сам должен был быть уничтожен. Струве, чрезвычайно разволновавшись, воскликнул:

— Да!

И, встав со своего места, зашагал по зале, тряся седой бородой.

— Да, и меня первого! Именно так! Как только какой-нибудь революционер поднимал голову свою — бац! — прикладом по черепу!

В 1941 году был арестован во Франции немецкими оккупантами как «друг Ленина». Освобожден после трехмесячного заключения. Смерть настигла его в Париже зимой 1944 года. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

взгляды легальных и революционных марксистов резко расходятся.

Струве видел достойный подражания пример в американском опыте с его фермерством. Экономическая политика государства, по мнению ученого, должна способствовать появлению крепкого, приспособленного к условиям товарного производства крестьянина. Если удастся решить эту задачу, то будет обеспечен спрос на продукцию отечественной промышленности.

Итак, капитализм, по мнению Струве, был не просто возможен в России, но и благоприятен для нее. Струве отмечал, что со временем экономическое неравенство в рамках этой системы будет сглаживаться, поскольку для развития крупного производства необходимо увеличение потребления со стороны широких слоев населения.

С этой точки взгляды на социализм легальных и революционных марксистов резко расходятся. Струве становится одним из самых значительных критиков учения Маркса и порожденного им социализма. Социализм, по его мнению, это доведенный до конца принцип государственного вмешательства, но социализм требует равенства людей, то есть проведения эгалитарного принципа. Между тем «оба эти начала в своем полном... осуществлении противоречат человеческой природе и оба они, что, быть может, еще более несомненно и еще важнее, противоречат друг другу». Струве подчеркивал, что на основе равенства людей невозможно организовывать производство; русская революция

СТРУВЕ ВИДЕЛ ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ ПРИМЕР

в американском фермерстве. Государство должно, по его мнению, способствовать появлению такого крепкого крестьянина.

имеет всемирно историческое значение именно потому, что является практическим опровержением социализма «в его подлинном смысле учения об организации производства на основе равенства людей». Ученый писал, что эгалитарный социализм «есть отрицание двух основных задач, на которых зиждется всякое развивающееся общество: идеи ответственности лица за свое поведение вообще и экономическое поведение в частности и идеи расценки людей по их личной годности».

В противоречии декларируемых марксизмом принципов и в их несовместимости с нормальной хозяйственной жизнью Струве видел «живую трагедию социализма». Ученый указывал, что выдвигающая взаимоисключающие идеи и принципы организации нового строя марксистская доктрина порочна, ее практическая реализация не даст положительных результатов.

Революция 1905 года позволила Струве вернуться в Россию. С образованием в октябре 1905 г. Конституционно-демократической партии Струве стал членом ее ЦК и вскоре был избран депутатом 2-й Государственной Думы. В 1906–1917 гг. Струве преподавал политэкономию в Петербургском политехническом институте. После опубликования труда по экономике «Хозяйство и цена» (1916 г.) ему были присвоены степень доктора и звание профессора. С 1917-го он являлся академиком в области политэкономии и статистики (в 1928-м вместе с другими учеными-эмигрантами был исключен из Академии наук). Основной экономический труд П. Б. Струве — «Хозяйство и цена» является итогом, логическим

КАПИТАЛИЗМ, ПО МНЕНИЮ СТРУВЕ

был не просто возможен в России, но и благоприятен для нее.

завершением научной работы этого русского экономиста и мыслителя. Главное достоинство книги Струве — самостоятельность мысли русского ученого, изложившего свое видение теории хозяйства, независимое от каких-либо «столпов» или авторитетов. К сожалению, именно этой самостоятельности часто не хватает русским экономистам в наше время.

После Февральской революции 1917 г., которую он называл величайшим мировым событием, Струве входил в состав Временного Совета Российской республики и от группы гражданских общественных деятелей — в комиссию по иностранным делам.

Октябрьский переворот категорически не принял, а в годы Гражданской войны активно участвовал в Белом движении, являлся членом «Особого совещания» при генерале Деникине и правительства генерала Врангеля. После поражений Белого движения Струве эмигрировал сначала в Лондон, а затем в Париж, где адмирал Колчак назначил его членом Парижского совещания. В эмиграции Струве продолжал активную издательскую и исследовательскую работу.

Автор: Алексей Савин

ЧЕМ ДЛЯ НАС ВАЖНЫ РАБОТЫ СТРУВЕ СЕГОДНЯ

По мнению Струве, либеральная модернизация России немыслима без здорового консерватизма. Она должна проводиться эволюционно, не порывать с исторической преемственностью, вне которой, по словам Струве, невозможно никакое историческое творчество. Модернизация не тождественна вестернизации: для успеха необходимо сочетать национальную самобытность с западным опытом (так, как это произошло в Японии и новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии).

Цикл авторских передач
Вольного экономического общества России

ДОМ «Э»

На телеканале ОТР

С октября 2016 года в федеральной сетке вещания на канале Общественного телевидения России еженедельно по субботам выходит в эфир передача Вольного экономического общества России «Дом "Э"».

«Дом "Э"» — это открытый диалог с ведущими экспертами, известными учеными, экономистами-практиками, государственными и общественными деятелями.

Автор и ведущий — Сергей Бодрунов, президент Вольного экономического общества России.

Цель цикла передач – обсуждение приоритетных проблем национальной повестки, повышение экономической грамотности населения. Дискуссионные темы передач посвящены актуальным вопросам социально-экономического развития России.